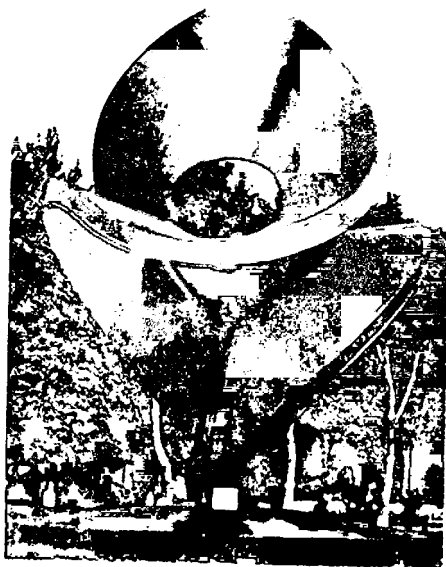

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ ИМЕНИ МАХПИРАТ

Хайдарбек Назирбекович БАБАБЕКОВ

ИСТОРИЯ КОКАНДА

Ташкент
Издательство «Фан»
Академия наук Республики Узбекистан
2006

В монографии рассматривается история Коканда с древнего периода до третьей четверти XIX века. В неё включены важнейшие сведения о социально-экономической, политической и культурной жизни населения города, о политических и торговых взаимоотношениях с соседними странами, а также интересные исторические события.

Надеемся, что книга поможет полюбить свою историю и гордиться Кокандом.

Для широкого круга читателей.

Ответственный редактор:

академик Ахмадали АСКАРОВ

Рецензенты:

доцент Сатимджан ХАЛБАЕВ,

директор Кокандского краеведческого музея

Манзурахон МАНСУРОВА

Научный редактор:

кандидат исторических наук Ибодулла ШАЙМАРДАНОВ

ISBN 5-648-03500-4

© Издательство «Фан АН РУз,
Институт истории народов
Средней Азии имени Махпират.
© Х.Н. Бабабеков

**«Я СЧИТАЮ ЗДЕСЬ УМЕСТНЫМ
СКАЗАТЬ ОСОБО О ГОРОДЕ КОКАНДЕ,
КОТОРЫЙ ЗАНИМАЕТ СВОЕ МЕСТО
В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ НАШЕЙ
РОДИНЫ. КОКАНДЦЫ СНИСКАЛИ
УВАЖЕНИЕ ЗА СВОЕ ИЗЯЩНОЕ ИС-
КУССТВО, РЕМЕСЛА И ЛИТЕРАТУРНУЮ
СРЕДУ, ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО И ВЫСО-
КУЮ ДУХОВНОСТЬ!»**

И. КАРИМОВ

ОТ АВТОРА

Коканд является одним из древнейших среднеазиатских городов, возраст которого превышает 2 тысячи лет. На протяжении более полутора веков (1709–1876) был столицей Кокандского ханства. Однако до сих пор его история полностью не изучена и не написана. Правда, имеются отдельные издания в виде буклетов, брошюр небольшого объема и даже одно исследование колониального и советского периода¹ монографического характера. Разногласий во всех этих публикациях очень много, хотя в них есть много ценных и интересных материалов. В 1996 г. была издана на узбекском языке монография Х. Н. Бабабекова «Қўқон тарихи» («История Коканда») в которой освещалась история города до колониального периода.

История Коканда в колониальный и советский периоды, а также периода независимости еще ждут своего исследователя.

Данная книга об истории Коканда до колониального периода на русском языке написана на основе доступных мне архивных материалов, хранящихся в Ташкенте, Коканде, Москве и Санкт-Петербурге, отдельных рукописных книг на

¹ История Коканда (с момента присоединения Средней Азии к России до настоящего времени). Ташкент, 1984.

восточных языках, а также опубликованных книг, брошюр и статей на русском и узбекском языках о Коканде.

В связи с тем, что архив кокандских ханов был утерян в 1875 г. во время бегства Худаяр-хана из Коканда в Ташкент и до сих пор не найден, мы планировали также собрать архивные материалы об истории Коканда, хранящиеся в Англии, Турции и в других зарубежных странах. Между тем, к сожалению, по объективным причинам мы не смогли осуществить задуманное. Поэтому заранее извиняемся перед кокандцами, за возможные недочеты в книге и надеемся, что в будущем историки на основе привлечения дополнительного материала воссоздадут полную историю Коканда.

Листая страницы истории Коканда, читатель узнает очень много неизвестных ранее фактов, которые заставят его задуматься о прошлом, поможет проанализировать сегодняшнюю действительность. Отдельные страницы истории Коканда заставят затрепетать сердце от тяжести, другие побудят к радости – таких страниц больше. Но самое главное, мы надеемся, что книга поможет полюбить историю своего народа и гордиться своим родным Кокандом.

Следуя хорошим традициям кокандских историков, хочу поблагодарить всех, кто практически помог в организационном плане и содействовал написанию настоящей книги. Прежде всего данная книга является продуктом социального заказа Кокандского хокимията, за что приношу свою искреннюю благодарность хокиму и сенатору Маъруфджан УСМАНОВУ. Особо хочу отметить сотрудников Кокандского краеведческого музея (директор Манзурахон Мансурова), которые помогли собрать ценные материалы и фотодокументы о Коканде, а также Максуджан Халмухаммедова, Нариман Хатамова, Умурзак Закирова, Якубджан Ганиджанова, Анварджан Юнусова, Махмуджан Садыкова, Сатимджан Халбаева, Рашидхан Шукурова и др.

Хайдарбек Назирбекович БАБАБЕКОВ

К ЭТИМОЛОГИИ ТОПОНИМА «КОКАНД»

Многие города в Ферганской долине существовали с древнейших времен. Однако экономическое развитие их шло очень медленно и довольно часто прерывалось разрушительными войнами, когда уничтожались целые города. Их приходилось заново строить буквально на пустом месте. Одним из таких древних городов является Коканд, возраст которого более 2000 лет. Так, Г. Н. Потанин, посетивший город в январе 1830 г., писал: «В городе находятся древние памятники, разрушающиеся от времени»¹. В 1849 г. в статье «Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии», опубликованной в «Записках Императорского русского географического общества», сообщается о развалинах в окрестностях Коканда, свидетельствующих о том, «что в древности здесь находился город, истребленный во время нашествия северных орд»².

По словам посетивших, город путешественников, «в садах Коканда росли деревья, возраст многих из которых насчитывался в несколько веков»³.

Любопытные, хотя и ошибочные, сведения об основании города приводит В. П. Наливкин в книге «Краткая история Кокандского ханства». Он отмечает, что в 1732 г. Абд ар-Рахим, сын Шахруха, став правителем, основал город Коканд⁴, а после его смерти Абу ал-Карим-бий, брат и преемник его, переехал в Коканд и отстроил его. «Лишь с этого времени Коканд получил свое название, а туземцы временем основания города считают 1153/1740 год»⁵.

На наш взгляд, В. П. Наливкин ошибается. О существовании города упоминает ещё Флорио Беневени, секретарь Ори-

¹ Туркестанский сборник. Т. 389. С. 282.

² Горчаков И. Д. Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии // Записки Императорского русского географического общества. СПб., 1849, С. 213.

³ Туркестанский сборник. Т. 23. С. 31.

⁴ Наливкин В. П. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886. С. 56.

⁵ Наливкин В. П. Краткая история... С. 60.

ентальной Комиссии, посланный из России в Бухару в 1718 г. В его воспоминаниях, написанных в 1725 г., читаем: «Во всем Бухарском нынешнем и прежнем владении считается 23 города, а именно: от Бухары к Востоку: Азара, Кирмена, Ташкенд, Коканд, Маргилян, Намдан, Индижан и Каш-гар...»¹. Из этих сведений Флорио Беневени ясно видно, что город Коканд был основан намного раньше, чем утверждал В. П. Наливкин.

Сведения о Коканде встречаются и в географических сочинениях арабских авторов X в. Например, Абу Исхак Ибрахим ибн Мухаммад ал-Истахри в сочинении «Китаб масалик» («Книга путей государств») писал: «Кто желает [пройти] от Ходжента до Ахсикента, главного города Ферганы, тот выходит из Кенда к Соху [и идет] один переход, и от Соха до Хуваканда – один большой переход, от Хуваканда до Ахсикента – один переход...»². В сочинении «Худуд ал-алам» (составлено в 983 г.) написано, что «Хуваканд, Риштан [и] Зендерамш – городки густонаселенные, с большим количеством полевных земель»³.

Следовательно, Коканд как город, по дошедшим до нас древним рукописям, был хорошо известен арабским учёным ещё в X в. как «Хуваканд».

До настоящего времени бытует множество легенд о происхождении названия города. В одной из ошибочных версий повествуется о том, что название города происходит от слова «хуккан» (кабанье стойбище, местность, где водятся кабаны). Раньше, до возведения города, местность эта была заболоченная, здесь обитало много кабанов (хук) и её называли «Хук кон», т.е. кабанье стойбище, кабанье место. При строительстве города болото было осушено, а кабаны – истреблены. Об

¹ Государственная национальная библиотека им. Салтыкова-Щедрина. СПб., ф. 1000, п. 1950. № 9/1, л. 2.

² Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973. Вып. I. С. 21. В тексте перевода написано «Хоканд» вместо «Хуваканд». Мы употребили как в оригинале – «Хуваканд». Арабский текст сочинения Истахри дошел до нас в первой краткой редакции, которую датировую приблизительно 930–933 гг.

³ Материалы по истории киргизов... С. 45.

этом сообщается и в исторических сочинениях. Так, автор «Тарих-и Фарғона» («История Ферганы») Исхакхан-тюря писал: «Раньше, когда Хуканд не был еще городом, местность эта изобиловала камышовыми зарослями и кустарниками. В те времена чадакские ходжи были кочевыми таджиками. В этих зарослях обитали разного рода кабаны и иные звери, которые рыли землю и находили там себе пищу. Когда туда пришли таджикские ходжи, было уже изрыто много земли. Они спросили [некоего таджика]: «Что это за ямы и кто их изрыл?» Таджик ответил «Хук канд» (изрыл кабан) и поэтому эту местность прозвали «Хукканд». Поскольку произносить «Хукканд» было трудно, а нам, тюрякам, легче было произносить «Қоф», поэтому стал Хуканд. Персидский «Коф» был заменен тюркским «Қоф». В русском произношении «Қоф» нет, поэтому город стал называться (просто) Коканд. Отдельные хукандцы с хорошими намерениями толкуют как «Хуйи канд», т. е. характер конфетный (в смысле приятный. – Х.Б.)»¹.

Этимологии «Коканд» определенное внимание уделял академик В. В. Бартольд. Он, в частности, писал: «Коканд по-арабски пишется Хуваканд, позднее Хуканд; отсюда народная этимология: Хук + канд = «город кабана»². Далее читаем: «Коканд» у Бабура нигде не упоминается как город, хотя в нем, по Джемалю Карши, находилась гробница мусульманского святого имама Абдуллаха ибн Али, одного из братьев имама Мухаммада ал-Бакира. Само название пишется у Бабура (Бабур-наме. Изд. Бевиридж. Лейден – Лондон, 1905 (GMS, I). Л. 25а и 103 б) как название округа (арчин) Хукан; в XVIII в. (см.: Мухаммад-Вефа Кирминаги, Тухфат ал-хани, л.50 а) появляется форма Кукан, в ранних русских известиях Кокан; форма Хоканд, по-русски Коканд, установилась благодаря литературной традиции лишь в XIX в.³ По его же мнению, «город «Кокан» (впоследствии это название, несомненно, употребляв-

¹ Исхоқхон Жунайдуллохон ўғли Ибрат. Фарғона тарихи: //Тошкент: Мерос, 1991. С. 285.

² Бартольд В.В.. Соч. М., 1965. Т. III. С. 462.

³ Бартольд В.В.. Соч. М., 1965. Т. III. С. 535.

шеся в живой речи, было заменено литературно правильной формой Хоканд), на месте селения «Хоканд», существовавшего здесь в средние века»¹.

По другой версии название города произошло от слова «Хавокент». Когда построили город, жители заметили, что здесь часто дует ветер, а стволы деревьев от постоянных сильных ветров наклонены в одну сторону. Люди преклонного возраста говорили, что если долго не бывает ветров, они чувствуют себя плохо: им трудно дышать, покалывает сердце. Поэтому город называли Хавокент (город ветров, т.е. часто меняющий воздух, атмосферу; освежающий климат). И. Тухтаинов, Я. К. Абрамов, А. Дадабаев и др. утверждают, что «ху» на узбекский язык переводится как «хаво» («воздух», «ветер»). Поэтому город называется «Хавоканд» или «Хавокент». Некоторые старожилы говорили, что есть даже старинная книга по истории Коканда «Ансаб ас-салатин ва таварихи ал-хавокин», где город назван Хавокин. Такая книга-рукопись действительно существует и хранится в Институте востоковедения Академии наук Республики Узбекистан. Однако слово «хавокин» употреблено в заглавии в смысле «властелины», а в тексте город назван «Хуқанд».

Ещё одна ошибочная версия. Название города происходит от слова «Кўпқон» («Кровавый», много крови, местность, где пролито много крови). Согласно этой легенде, в далёкие времена, когда был построен город, часто происходили междоусобные войны. Чужестранцы, например, китайцы, монголы, калмыки и др., стремясь захватить город и поработить его состоятельных жителей, а население превратить в рабов, часто осаждали его. Но население хорошо защищённого города упорно сопротивлялось. Как сообщали кокандцы – знатоки истории (например, Назирджан Валиев, Усманджан Абдуллаев, Мухитдин Хаджаев, Абдулла Усманов, Аъзамджан Яхьяев, Шукурхон Мамадиеву, Теша Захидов и др.), в далёком прошлом китайцы (речь идёт о цинах) попытались захватить

¹ Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927. С. 104.

город, но были вынуждены отступить. В другой раз они вновь пришли с большим войском и окружили город. Кокандцы не сдавались, хотя у них на исходе был провиант и фураж. Цины предложили снять осаду, если горожане выдадут или умертвят своего правителя. Кокандцы отказались выполнить эти условия. Однако правящая верхушка составила заговор и убила правителя, после чего цины сняли осаду и удалились. По этой причине город называли кровавым – «Кўпқон». При произношении было опущено «п» и стали называть Куқон, а впоследствии после замены «к» на «қ» стали называть Қуқон.

В основе приведенной легенды события, происшедшие в 104–101 г. до н.э. и описанные в «Цяньханьшу»¹.

В 139 г. до н.э. агент китайского императора Джан-Цань впервые проник в Ферганскую долину. После возвращения он написал подробный доклад китайскому правительству. По его словам, в то время в Фергане жили племена «Юечжи», которые вели оседлый образ жизни и занимались земледелием: сеяли рис, пшеницу. Он также описывает, что там было много аргамаков. Воины особенно были искусны в конной стрельбе. Их оружие состояло из лука со стрелами и копьями. С целью установления дружеских отношений правитель Ферганы отправил тогда в Китай посольство, которое было принято Радушно. Китайский правитель, узнав, что в Фергане водятся самые лучшие аргамаки и, желая приобрести их, направляет туда свое посольство. Во время аудиенции китайский посол в наглой форме потребовал «небесных коней» (т.е. аргамаков) и бросил к ногам правителя Ферганы 1000 лак золотых монет и одну золотую лошадку. Это задело самолюбие ферганского правителя и он отказал в требовании отдать аргамаков. Китайский посол стал грубить. Оскорбленные старейшины решили убить его. Посольство было отпущено, однако на обратном пути в городе Узгенте они были убиты. Узнав об этом,

¹ Об этом подробно см.: Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена // Соч.: В 3 т. М.; Л., 1953. Т. 3. С. 21–31; Миддендорф А.Ф. Очерки Ферганской долины. СПб., 1882. С. 376–377.

китайский правитель У Ди (141–87 гг. до н.э.) направил войска на завоевание Ферганы, которые потерпели поражение. Через несколько лет (около 102 г. до н.э.) китайцы вновь напали на Фергану. Тогда 60-тысячное китайское войско окружили столицу Ферганского государства, но не смогли его захватить. Китайцы перекрыли воду, а жители пользовались колодцами. Из-за опасения, что закончатся съестные припасы, жители города убили правителя и заключили договор с Китайцами о поставке им аргамаков. Тем не менее, китайцы в город не были допущены. Об этом событии имеется несколько вариантов.

Другая версия утверждает, что город назывался «Қопкон» (капкан, западня, ловушка). В прежние времена часто нападали на город чужеземцы с целью разграбить город и обратить его население в рабство. Однако все их попытки были напрасны. Словом, чужеземцы, пытавшие захватить город, терпели поражение, попав в западню. Поэтому город стали называть «Қопкон», т.е. капкан – западня, ловушка. Впоследствии «Қопкон» претерпел фонетические изменения: «Қўкон», «Қўканд».

Существует самая распространенная легенда, объясняющая происхождение топонима Коканд от слова Хўқанд (“Приятный город”, “Хороший город”). Когда возникла необходимость построить город, опытные мастера-градостроители посоветовали своему повелителю выбрать как самое удобное место местность между двумя речками с чистой водой. В этой местности было много садов и огородов, а сама земля была плодородной. На случай нападения неприятеля город защищался естественной преградой – двумя речками. В случае, если враг отвел бы воды из рек, можно было вырыть колодцы, где на глубине 1,5–2 м была вода, которая могла удовлетворить потребности населения в пресной воде. Кроме того, по этой территории проходил караванный путь в Китай и другие страны. Все это определило решение заложить город и назвать его Хўқанд. Указанные выше информаторы – коренные кокандцы Н. Валиев (отлично владевший персидским, арабским и другими языками, собиратель старинных рукопи-

сей и считавшийся знатоком истории Коканда), М. Хаджаев (знарок истории Коканда), Т. Захидов (академик), Ш. Мамадиев (владевший персидским и древнетюркским языками, знаток истории Коканда) и многие другие считают, что из всех легенд наиболее правдоподобна последняя – Хўқанд. И в самом деле, в рукописных источниках (как и в материалах архивов) в XVIII–XIX вв. город назывался Хўқанд. Приведем несколько примеров. Так, в архиве кокандских ханов, описанном А. Л. Троицкой, топоним Хўқанд встречается более чем в 50 документах¹. Заслуживают внимания сведения Хакимханатюры, который писал: «Рахим-хана называли рожденным под счастливой звездой. Через некоторое время, оставив своего младшего брата, Абд ал-Карим-бия правителем Ходжента, Рахим-хан возвратился в вилает Хўқанд, где и обосновался. В это время Хўқанд был отстроен заново»². Эта версия подкрепляется стихами Дильшоды (1801–1905/06 гг.), поэтессы XIX века:

«Пойте без устали о свободе,
Пусть об этом слышат Ташкент,
Хуканд, Ходжент и Фергана»
(Хўқанд, Хўжанд ва Фарғона)³.

Как свидетельствовал автор «Тарих-и Туркистон», «когда бухарские войска в течение двух месяцев осаждали Хуканд (Хўқанд), заложники Шоди-дадхах и другие из числа переселенных из Хуканда (Хўқанда) бежали из эмирских войск, пошли на услужение к Шерали-хану в Хуканд (Хўқанд)»⁴.

Топоним «Хўқанд» часто употреблялся и в периодической печати. Например: «Хукандский (Хўқанд) вилает находится в дружеских отношениях с русским государством. Они хорошо

¹ Троицкая А. Л. Каталог архива кокандских ханов XIX века. М., 1968. С. 522.

² Мунтахаб ат-таворих (Избранные истории, 1843 г.). Рукопись Института востоковедения АН Р Уз, инв. № 3594, л. 393–394.

³ Мухтаров А. Дильшод и ее место в истории общественной мысли таджикского народа в XIX – начале XX в. Душанбе, 1969. С. 82.

⁴ Мулла Алим. Тарих-и Туркистон. Ташкент, 1915. С. 82.

понимают пользу этого»¹.

У автора данных строк имеется завещательное письмо, датированное от 29 августа 1927 г., где также встречается топоним «Хўканд»: «Один участок обеленной земли, приблизительно пять с половиной танаба, расположен в кишлаке Ката-Ганджираван, подведомственном Ганджираванской волости города Хуканда (Хўканда)... 2-ой участок приблизительно три танаба земли под рис находится в кишлаке Катаган, подведомственном Кайнарской волости города Хуканд (Хўканд)... в известной дате 1346 года хиджры 2-го числа рабби ал-аввал месяца, 1927 года 29-го августа месяца знаменитый Мухаммад Насирбай, проживающий в местности Катаган, квартала Мирза Якуба своим собственным словом... ска- зал...»².

В рукописных сочинениях, написанных в XIX в. встречаем также вариант «Кукан», «Кўканд». Например, в личной библиотеке у старшего научного сотрудника литературного музея Хамзы города Коканда А. Мадаминова есть рукописная книга, в которой, в частности имеются такие строки:

«Расскажу тебе о добром и плохом,
Кончился этот старый мир,
Вспоминай меня в тот день.
Потом, отдав душу, сделайся требующим любви,
Был в Куканде (Кўканд) хан и ханзаде.
Много киргиз, кипчак и много бековичей».

На наш взгляд, «Хавокин» или «Хавокент» не может быть этимологическим названием Коканда, так как «хавокин» – это множественное число от «хокон» («властелин», «монарх»)³.

Слово Хўканд не связано и с этимологией Коканда, что подтверждает версия, изложенная в рукописи «Тарих-и Фар-

¹ «Туркистон вилоятининг газетси. Тошканд. 1871. № 1. «Хуканд» («Хўканд») употреблялся и в других номерах газеты. См.: 1901. № 41; 1907. № 9 и др.

² Документ находится в собственности Х. Н. Бабабекова.

³ Персидско-русский словарь. М., 1960. С. 529.

гона». Поскольку речь идет о выборе места для строительства города в начале XVIII в., т.е. в эпоху полного господства в общественной жизни мусульманской религии, ходжи вряд ли могли дать согласие на его сооружение в оскверненном месте, там, где раньше обитали кабаны. Тем более они не могли согласиться назвать город его именем. Более того, Хуканд упоминается в рукописных источниках IX–X вв. А легенда «Хукканд» возникла в XVIII–XIX вв.

«Кўпқон» также не может служить основанием для этимологии Коканда, ибо город не мог существовать многие годы без названия, а междоусобные войны и нападение чужеземцев носили эпизодический характер.

Не лишен интереса рассказ Муллы Алима, автора «Тарих-и Туркестон» о месте строительства города. Он, например, писал: «Опытным и знающим было приказано: «Найдите удобное и хорошее место для строительства арка и крепости». Осмотрев местность, [градостроители] выбрали территорию, расположенную между двух речек, где проживали кўктўнликские святые» [т.е. святые в зелёных одеждах]. Здесь они построили арк и крепость, а столпы государства и знатные люди построили себе дома вокруг них. Закончили все это за весьма короткий срок и сановники страны, войско и народ в счастливый день и час, облачив в царскую одежду Шахрух-хана, посадили его на престол»¹.

Следует иметь в виду, что у киргизов есть род «кукулинцы». А по словам китаевода А.Ходжаева, в древних китайских рукописных источниках встречается народность «ху» («хў»), проживавшие на территории Средней Азии и Казахстана.

Например, А. Ходжаев, основываясь на древнекитайские источники, а также на исследования Л.И. Гумилева и Тургун Алмаса, комментируя «Хунны», пишет, что «в XVIII–XII вв. до н.э. хунны уже были названы китайцами куй (куй-фан); хунь (хуньи), сюнь (суньюй), а в XI–V вв. до н.э. – сюньюнь (сяньюнь); в IV–III вв. до н.э. – жун, ди, ху и сонну...

... во владения хуннов входила огромная территория от

¹ Мулло Олим. Тарих-и Туркистон. Ташкент, 1915. С. 8–11.

берегов Охотского и Японского морей на востоке до Каспийского моря на западе.

В 48 г. н.э. государство хуннов распалось на две части: одна часть оставалась на севере от пустыни Гоби, т.е. на территории современной МНР...; другая часть заняла территорию современной Внутренней Монголии. ...

В конце первого столетия н.э. в результате восстания подпавших под власть хунновских племен государство западных хуннов перестало существовать как единое государственное образование. Часть западных хуннов подались в сторону Китая, другая часть двинулась на запад и дошла до Рима (Италия), третья часть осталась в Западной Монголии в районе р. Орхон, в Восточном Туркестане и Семиречье (в настоящее время входит в состав Казахстана и Кыргызстана). После чего в этих регионах возник ряд государств, в которых хунны занимали господствующее положение.

После исчезновения хуннского государства в Центральной Азии происходит бурный процесс миграции народов, на исторической арене появляются несколько групп тюркских племен и родов»¹.

Необходимо также иметь в виду, что в древнекитайских рукописях город Коканд (Гуйшань) обозначен как «Кухъань»². А. Ходжаев отождествляет Гуйшань с городом Кувасай, а Абдухалык Абдурасул оглы (Айтбаев) утверждает, что Гуйшань – это город Касансай, потому что Гуйшань в китайском произношении более подходит к Касану (Косон)³.

Отождествлять то или иное название по произношению можно, но это не научно. В истории необходимо основываться только на источниках и неоспоримых фактах.

Скорее всего, этимология Коканда связана со словом Хўқанд.

¹ Материалы по этнической истории тюркских народов Центральной Азии. Ташкент, 2003. С. 15–16.

² Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах... Т. II. С. 187.

³ Абдухолик Абдурасул ўгли. Қадимги Фарғона тарихидан. Тошкент, 2002. 38-б.

Исхакхан-гюра в статье «О городе Жанд» пишет, что «ху» означает «хороший» (в смысле «приятный») и подтверждает это примерами¹.

Во многих рукописных источниках и на кокандских монетах также встречается выражение «Хўканди латиф» («Приятный Хўканд», в смысле «приятный город».).

Заслуживают внимания сведения всемирно известного и авторитетного китаевода XIX в. Н.Я.Бичурина, автора труда «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена». В ней исследователь сообщает: «Давань – есть Коканд и город, и владение. Чжан Кянъ (т.е. Чжан Цзянь, II в. до н.э.) в повествовании о своем путешествии по Средней Азии принял Коканд точкою, от которой, по сказаниям туземцев, показывал расстояние и местоположение других владений даже в отношении к нынешнему Коканду с довольною точностью: например, город Чигу, бывшей столицею в Усуни, лежал от Темурту-нора на северо-восток, от Кучи на северо-запад по южную сторону реки Или; следовательно, дорога от Коканда до Чигу не могла содержать более 2000 ли... Владение Яньцай лежало за 2000 ли от Кангюя к северо-западу. Столица владения Юечжи находилась на 3000 ли от Коканда прямо на запад, на правом берегу Чжейгуни (несколько севернее нынешнего города Хивы). Здесь очень ясно, что юечжинский хан жил в Хиве и владел пространством степей, лежащих между Аму-Дариею, Сыр-Дариею и Кокандом... Государство Дахя лежало в 2000 ли от Коканда к юго-западу на южном, т.е. левом берегу Чжейгуни к югу, а на юго-восток простиралось до Иньдостана. Очевидно, что Дахя занимало нынешний Кобулистан и часть Бухары. Владение Тяочжи заключало в себе нынешнюю Малую Азию. Местоположение Лигани неясно означено, но в другом месте пояснено, что Лигань есть другое название Фолина, иначе Дацини, т.е. древнего Рима. Сие владение лежало от Тяочжи на север и в свое время славилось фокусниками. Гуйшань, тогдашняя Кокандская столица, находилась или в нынешнем Коканде, или

¹ Туркистон вилоятининг газети. Тошкент. 1900. № 43.

ближайшем от него другом городе – неизвестно»¹.

Гуйшань действительно был столицей государства Давани, о чем свидетельствует, «Извлечение из истории старшего Дома Хань» (Цяньханьшу, гл. 95). «Давань. Правление даваньского владетеля в городе Гуйшани, от Чан-ан в 12500 ли»².

А. Ходжаев по этому поводу пишет: «Н. Я. Бичурин транскрибировал этот топоним как «Давань», но в глубокой древности иероглиф «да» китайцы произносили как «дай» и «дат», а «вань» как «юань». Только в VII–VIII вв. в некоторых случаях «дай» стали произносить как «да». Поэтому при переводе китайских источников более раннего периода следует читать иероглифы, обозначавшие название Ферганской долины, как «Дайюань»...

Её столицей был город Кувай-сань (Гуй-шань на современном китайском языке). Как известно, в Фергане есть местность Кува и Кувасай. При транскрипции второго топонима древние китайцы могли произносить Кувай-сань. Следовательно, можно утверждать, что Гуйшань (в древности Кувай-сань) есть китайская транскрипция топонима Кувасай»³.

На наш взгляд, утверждение А. Ходжаева, что город Кувасай был столицей Ферганского государства (Дайюаня), ошибочно, хотя бы по своему географическому расположению и отсутствию археологических доказательств. А то, что «древние китайцы могли произносить Кувай-сань», не даёт основание А. Ходжаеву категорически «утверждать, что Гуйшань (в древности Кувай-сань) есть китайская транскрипция топонима Кувасай».

Хотелось бы обратить внимание еще на значение слова Гуйшань (гуй + шань) «Гуй» означает: 1) источник на холме;

¹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В 3 т. М.;Л., 1950. Т. II. С 152–153.

² Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. С. 186.

³ Материалы по этнической истории тюркских народов Центральной Азии. С. 6.

2) тарелка, блюда; 3) жемчужина.¹ А «Шань»: 1) горка, холм; 2) хороший; 3) небольшая терраса для жертвенника, пустынное место; 4) элегантный, образованный, изящный.²

Следовательно, можно предположить, что Гуйшань – жемчужина на холме или хороший источник на холме. Действительно, недалеко от нынешнего Коканда находятся родники «Ойдин булак» и «Кайнар булак». Возможно, раньше здесь это и было местом для жертвоприношения, в дальнейшем разрослось поселение и превратилось в город, а затем – в столицу.

В узбекских народных говорах встречается слово «Хур» в значении «возвышенность», «холм»³. Учитывая, что первоначально дворец правителя был построен на высоком холме, а дома вельмож – на возвышенностях и холмах, то город, возможно, назвали “Хуркант” («город на холме») – “Хурқанд” – “Хўқанд”. Вероятно, Гуйшань – перевод на китайский язык слова «Хурканд», обозначающий город «Хўқанд».

Заслуживает внимания «Отчет о инженерно-гидрогеологических исследованиях к генеральному плану реконструкции города Коканда» (Ташкент, 1939 г.).⁴ Согласно ему, грунтовые воды на территории города Коканда являются частью общего потока грунтовых вод, продвигающихся в теле конуса выноса реки Сох. Город Коканд, находясь в четвертой гидрогеологической зоне, имеет на своей территории грунтовые воды, режим которых подчинен режиму грунтовых вод всего четвертого гидрогеологического района...

На территории города Коканда выделяются три гидрогеологических участка.

...Согласно инженерно-гидрогеологическому районирова-

¹ Инокентий Еп. Карманный китайско-русский словарь. Пекин, 1914. С. 36.)

² Инокентий Еп. Карманный китайско-русский словарь. Пекин, 1914. С. 302–303.

³ Ўзбек халқ шевалари луғати. Тошкент, 1971. С. 290.

⁴ Архив Кокандской городской архитектуры. Инв. № 1. Составители: Владимирова А.Г., Мусатов и В-Анке.

нию, интерес представляет первый район, который включает в себя иллюминальные долины древних потоков, прорезанных в меридиональном направлении, толщу лёссовидных пород, покрывающих конус выноса реки Сох. На территории города Коканда к таким долинам приурочены русла Ганджираван-сая и Кипчак-сая. Кроме того, одна из таких долин, не имеющая в настоящее время действующего русла, расположена в южной половине города Коканда, между долинами Ганджираван-сая и Коканд-сая.

Этот первый район в свою очередь подразделяется на пять участков. Территория первого участка сильно заболочена, грунтовые воды в период их минимального положения (октябрь 1937 г.) вскрывались шурфами на глубине в среднем 0,5 м. Амплитуда годового колебания уровня грунтовых вод здесь незначительна – не превышает 0,25 м. Всё же в период максимумов (март) образуется сильная заболоченность.

Однако было бы не верно думать, что Коканд построен на болотистой местности. Первоначальное расположение города согласно инженерно-гидрогеологическому районированию, относится к третьему району, который охватывает территорию между аллювиальными долинами, пересекающими город Коканд и находящимися за его пределами. Рельеф поверхности земли в пределах третьего района довольно разнообразен. Имеющаяся холмистость в отдельных участках обуславливается деятельностью человека, создавшего искусственные ямы и возвышенности. С поверхности всюду в пределах третьего района залегают культурно-городские отложения. Мощность их колеблется в пределах от 0,5 до 3-х м. В зависимости от рельефа поверхности земли определяется и глубина залегания грунтовых вод...

Третий инженерно-гидрогеологический район подразделен на 6 участков, отличающихся друг от друга в основном мощностью культурно-городских отложений и глубиной грунтовых вод.

1-й участок представляет собой 26 различных форм и размеров кладбищ.

2-й участок представляет собой отдельные значительные высоты, но не большие по площади холмы. Происхождение их связано с существованием в прошлом резиденций Кокандских правителей.

3-й участок оконтуривает в пределах старого Коканда площадь, имеющую в разрезе наиболее мощную толщину культурно-городских отложений. Находится это примерно в центральной части г. Коканда, между долинами Коканд-сая и Ганджираван-сая. Эта часть города была населена раньше, чем другие. Там много раз разрушались глиняные застройки и на их развалинах возводились другие. В результате накопилась толща строительного мусора, которая местами может представлять собой плотно слежавшийся грунт, в то же время рядом с плотно слежавшимся участками могут находиться менее слежавшиеся, рыхлые и даже разнообразных размеров пустоты.

Залегают культурно-городские отложения на лёссовидных породах, мощность которых не разведана. Однако авторы «Отчёта» полагают, что она находится в пределах 20–35 м.

Территория 3-го участка представляет собой относительно высокое место. В связи с этим здесь наблюдается сравнительно глубокое залегание грунтовых вод.

Замеры в августе месяце 1937 г. показали грунтовую воду на глубине 7 м. Глубокие залегания грунтовых вод указывают на то, что верхние слои культурно-городских отложений не были подвержены действию интенсивной длительной замочки.

4-й участок представляет собой разбросанные, главным образом в восточной части города, отдельные, разнообразной формы площади. Поверхность этого участка расположена в северо-восточном углу г. Коканда. С поверхности залегают культурно-городские отложения. Мощность колеблется от 1 до 2 м.

5-й участок имеет характеристику, аналогичную четвертому. Культурно-городской слой не превышает 1 го м, а грунтовые воды на период максимального их стояния залегают на глубине от 1 до 1,5 м до поверхности земли.

6-й участок представляет собой пониженности рельефа среди геологических условий, характерных для 5-го участка. Грунтовые воды залегают близко к поверхности земли. Так, в октябре-ноябре 1937 г. при минимальном стоянии грунтовые воды залежали от 0,25 до 1 м от поверхности земли. Ясно, что в период максимального стояния грунтовых вод (май) настоящий участок представляет собой заболоченные части города.

Как видно, первоначально город Коканд был построен на 3-ем районе, и в частности на 2–3 и 4-ом участках данного района, которые представляли собою холмистую местность.

Следует учитывать, что первоначально город начал строиться на холме. Имеем в виду второй и третий участки третьего инженерно-геологического района города Коканда.

Хотим обратить внимание еще на одну деталь: есть созвучное с «Хўқан», «Хўқанд» слово «хўкача», т.е. «маленький кувшин», «кувшинчик».¹

Интересны в этом плане гидрологические условия Коканда. Например, средняя часть города долины саев резко сужается, как горлышко кувшина. Образуется как бы пережим — подземное ущелье, продвижение воды в котором затруднено. Благодаря этому южнее сужения грунтовые воды приближаются к поверхности земли, так как само сужение создает подпор. Севернее сужения грунтовые воды залегают глубже, чем где-либо в других частях этого участка. Далее на севере в долинах вновь образуется заболоченность. Это понятно, так как к северу от сужения долины резко расширяются. Поступающая через сужения грунтовая вода недостаточна для заполнения всей толщи галечников. Севернее их заполняют не дренажируемые воды.²

Таким образом, можно уверенно утверждать, что этимология топонима Коканд происходит от слова «Хуқанд» («Хўқанд») в значении: 1. «Приятный город» («Хўқанди латиф»); 2. «Город ху»нов, т.е. в смысле «город племени (народности) ху» («хў», «хо», «ку»).

¹ Ўзбек тилининг изоҳли луғати. М., 1981. Т. 2. С. 347.

² Архив Кокандской городской архитектуры, инв. № 1. С. 37 и др.

Исходя из этого можно считать, что сам Коканд (Хўқанд) — один из древних городов Ферганской долины, возраст которого превышает 2000 лет. Однако последнее слово о возрасте Коканда должны сказать археологи.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КОКАНДА

В ходе завоевания Средней Азии кочевыми узбеками и образования Шейбанидского государства был нанесен сокрушительный удар господству феодальной верхушки, подвластной Темуридам. Политическая обстановка на протяжении более чем трех столетий (до середины XIX в.) характеризуется дальнейшим, все усиливающимся дроблением страны и кровопролитными феодальными усобицами. В XVI веке образуются два самостоятельных ханства: Бухарское и Хивинское, постоянно враждовавшие между собой. С XVIII в. от Бухарского эмирата отпадает Фергана, на территории которой возникает самостоятельное Кокандское ханство.

Говоря о правителях Кокандского ханства, нужно отметить, что почти все мусульманские историки и некоторые русские авторы, связывают династию ханов через Алтун-Бешик с Бабуром и Амир Темуром.

Предание об Алтун-Бешиге сводится к тому, что Бабур отступал из Самарканда в Индию, не прямой дорогой, а через Фергану. Накануне одна из жен Бабура родила сына. Опасность, окружавшая беглецов, принудили их оставить новорожденного на произвол судьбы. Его положили в богато украшенную колыбель, в которую также положили много драгоценностей и оставили одного из верных слуг, который должен был сообщить Бабуру о судьбе младенца. В то время на данной местности кочевало несколько аулов из тюркских родов: кырк (кирк), кипчак (кипчок), минг и киргиз (киргиз), которые составляли одно общество. Они и нашли ребенка, которому дали имя Алтун-Бешик (Золотая Колыбель). Мальчик был помещен в ауле из рода минг. По достижении совершенноле-

¹ Набиев Р.Н. Историография Узбекистана//Очерки исторической науки в СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. I. С. 161.

тия, народ дал ему в жены по одной девушке из каждого рода. Старшая его жена из рода минг родила ему единственного сына. Ему дали имя Тангрияр, иначе называвшегося Худаяр или Илик-Султан.

Здесь отметить, что об Алтун-Бешиге сам Бабур ничего не говорит и не упоминается историками, современниками Бабура, поэтому это предание можно считать пока легендой или вымыслом кокандских правящих кругов, чтобы связать свою династию и упрочить свою власть.

По преданию, Алтун-Бешик умер в 1545 г., сын его Тангрияр впоследствии стал правителем Ферганы, но именовался не ханом, а бием. Этот же титул был присвоен и его потомкам до Алим-хана включительно.

«Восшествие на престол первого хана, Шахруха, — пишет академик В.В. Бартольд, — было связано с постройкой цитадели, другая цитадель, позже названная Иски-Урда, была построена его сыном Абд ал-Керимом (умер в 1746 г.)»¹.

О восшествии Шахрух-хана интересно описывает Мулла Алим Махдум-хаджа в «Тарих-и Туркестони».

В Таргаву собрались старейшины и знатные люди Жанката, Пилахана, Туфан-типа, Партака, Тепа-кургана, Кайнара и других мест, где решили избрать ханом умного, человеколюбивого Шахрух-хана, сына Ашур-бека. После чего Шахрух дал указание, чтобы подобрали удобное место для постройки урды и кургана. Посланные люди сочли удобным местом территорию, расположенную между двумя саями, где жили кук тунликцы. Здесь они построили арк и вокруг него начали строить дворы и здания. После чего Шахруха посадили на трон. Годом избрания хана считают 1709 г.

Мулла Алим считает, что Шахрух правил 12 лет и скончался на 13-м году правления.² Отсюда следует, что он скончался в 1721 г.

¹ Бартольд В. В. Сочинения. М., 1965. Т. III. С. 462.

² Мулла Алим Махдум-хаджа. Тарих-и Туркестон. Тошкент, 1915. С. 8–11. См. также «Туркестанский сборник». Т. 588, л. 5–7.

Тогда его государство включало в себя территорию Коканда, Исфары и окрестности Маргилана.

От Шахруха осталось три сына: Абду-Раим-бий, Абду-Карим-бий и Шади-бий. Место отца занял старший сын Абду-Раим.

Согласно сведениям В. П. Наливкина, до 1732 г. постоянным его местопребыванием был кишлак Дикан-Тода... Около того же года он положил первое основание городу Коканду¹.

В это время в Ходженте правил Ак-Бута-бий, сын Мухаммад Раим-аталыка из рода юз, который решил покончить с Абду-Раимом, но тот, узнав об этом, бежал в Коканд, носивший тогда название Иски-Курган (а по другим источникам – Калъа-и-Раим-бий).

В отместку за это Абду-Раим со своими приближенными пробрался в урду к Ак-буте и отрубил ему голову. Утром сам был утром провозглашен правителем, а Ходжент присоединен к Коканду. Через некоторое время Абду-Раим легко привел в повиновение андижанцев.

Через некоторое время Абду-Раим сильно заболел и сошел с ума, вследствие чего был составлен заговор и в 1733 г. его убили². От него остался сын Ирдана и несколько дочерей, но правителем был назначен его брат Абду-Карим-бий, который переехал в Коканд и отстроил его.

В 1746 г. китайцы завоевывали Кашгар и разгромили калмыцкое государство Джунгарии, часть кочевников-калмыков двинулись на запад и вторглись в Ферганскую долину. Против калмыков Абду-Карим послал отряд под начальством Кипчак-бачи, но тот был убит, а вверенный ему отряд бежал, в результате чего калмыки подступили к Коканду. Уратюбинский хан Пазыл-бий (сын Садык-бия и названный сын Абду-Карима), узнав об этом, пришел с войском на помощь.

¹ Наливкин В.П. Краткая история Кокандского ханства, Казань. 1886. С. 16. Город Коканд был построен намного раньше – об этом указывалось ранее.

² Мулла Алим Махдум ходжа. Тарих-и Туркистон. С. 15.

После кровопролитного сражения калмыки отступили от Коканда.

После смерти Абду-Карима в 1750 г. (по некоторым сведениям, в 1747–1748 гг.) около года правил (1751 год) его сын Абдурахман. Он был смещен и назначен правителем Маргилана, а власть перешла в руки Ирданы, который также был смещен и вместо него назначен Бабабек. Он правил около года. Его заманили в Беш-арык и убили. Ирдана вновь был назначен правителем Коканда.

Ирдана-бий продолжает расширять территорию. В результате этого он, решив присвоить Исфару, вероломно убивает Абдурахмана-батыра, сын которого Нарбута-бий спасся благодаря тому, что находился в эту ночь у своей бабушки, которые, узнав о покушении, успели бежать в Шахрисабз.

Ирдана-бий, как и его предшественники, предпринимал войны. Так он организовал поход на Ура-Тюбе, но потерпел неудачу и отступил в сторону Ходжента. Воспользовавшись начавшимся пыльным бураном, Мад-Амин и Пазыл-бий с отрядом напали на отступающего Ирдану, захватили в плен кокандцев, из которых многих казнили, а из их голов соорудили каля-минар. Сам Ирдана успел бежать в Коканд.

Во время следующего похода на Ура-Тюбе Ирдана вышел победителем. «Пленные уратюбинцы были перебиты, а из их голов Ирдана велел сложить новую каля-минару (Мулла Авазмат, автор «Джахан-нама», говорит, что видел эту минару в 1276/1859 году)»¹.

Ирдана-бий в 1758 г. был вынужден признать покровительство Китая. В 1762 г. китайские послы объявили хану Средней Орды Абдульмамету и Султану Аблаю о том, что по воле Цян-Луна они (т.е. китайцы) намерены весной совершить поход в Туркестан и Самарканд. Для этого они просили выделить людей, лошадей, быков и баранов. Узнав об этом, Ирдана, владетель Ура-Тюбы и Ходжента Фазыл-бий и киргизские султаны послали письмо к афганскому владетелю Ахмет-шаху, сильнейшему из владетелей в то время, и проси-

¹ Наливкин В. П. Краткая история Кокандского ханства. С. 66.

ли его спасти мусульманский мир от нашествия неверных¹.

Среднеазиатские владельцы забыли на время междоусобные раздоры и составили союз, во главе которого стал Ахмет, владетель Кандагара, основатель династии дураниев. По словам Ч. Ч. Валиханова, «эта лига кончилась ничем, но имела, впрочем, то значение, что виды Китая распространить свои пределы до Ташкента, Сайрама, Сузака и Туркестана, принадлежавшие джунгарам, были остановлены»².

Ирдана правил 14 лет (у Мулла-Алима – 12 лет).

После смерти Ирдаана-бия Сулейман-бек, сын Шады-бия, был провозглашен правителем Коканда, но вследствие заговора был убит, успев процарствовать всего три месяца.

Убийцы Сулеймана Абдулла-кушбеги и гурум-сарайский хоким Утау-бакаул и еще несколько представителей кокандской знати уговорили Нарбуту принять на себя управление и провозгласили его правителем.

С самого начала царствования Нарбута-бий подавил сепаратизм правителей Чуста и Намангана. Нарбута подкрепил свою власть покорением Ходжента, что стоило ему многих усилий.

Худаяр-бек, владелец Ура-Тюбы и Джизака, несколько лет оспаривал эту область, и только после смерти Худаяр-бека она была окончательно присоединена к Коканду.

Нарбута женился на племяннице Ирискуль-бия Мингайим, которая родила впоследствии двух сыновей – Алима и Умара и дочь Афтаб-Айим. Нарбута имел также старшего сына Мад-Амина от первой жены, а три младших – Рустам, Пазыл и Ядгар прижиты с невольницей, кроме того, у него были еще 4 дочери.

Своих братьев Нарбута назначил хокимами: Шахрух-бия – в Наманган, а Ходжи-бия – в Ходжент. Старшего сына Мад-Амин-бека он назначил хокимом в Маргилан (Яр-Мазар), а

¹ Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата, 1962. Т. 2. С. 316.

² Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата, 1962. Т. 2. С. 316.

второго сына Алима – в Тюра-Курган.

Вскоре умер Шахрух-бий и на его место был назначен Ходжи-бий, а в 1797 г. тяжело заболел Мад-Амин и умер, не оставив после себя никакого потомства.

К первым годам правления Нарбуты относится путешествие Филиппа Ефремова, который в 1774 г. был взят в плен киргизами, продан в Бухару и в 1782 г. вернулся в Россию через Индию и Англию. Согласно его путевым запискам «Десятилетнее странствование», Нарбуту с китайской стороны уже признавали ханом, он находился в союзе с Китаем и во враждебных отношениях с Бухарой.

В годы длительного правления Нарбута-бия в Ферганской долине сооружались оросительные каналы и увеличивались площади поливных земель. Наблюдался рост торгово-ремесленных городов, особенно упрочилось значение Коканда.

Кокандские историки сообщают о дешевизне продуктов и рассказывают о благоприятных условиях для купцов, сложившихся в годы правления Нарбута-бия. Дешевизна и порядок, обеспечивающий возможность спокойно заниматься торговлей и хозяйственной деятельностью, считались восточными летописцами первостепенными показателями благоденствия страны¹.

В связи с дешевизной продуктов на существующую в Коканде «таньгу» можно было купить в избытке продукта, а чтобы купить меньше и получить сдачу, не было более меньшей монеты. Поэтому Нарбута-бий учредил самую мелкую Монету «пулус» и стал чеканить ее. А это говорит о том, что в период правления Нарбута-бия отсутствовала инфляция и namного повысился уровень жизни населения. Поэтому в течение более 30-летнего правления Нарбута-бия не зафиксировано ни одного восстания против правительства, не считая попытки со стороны Хаджи-бия, младшего брата Нарбута-бия, захватить власть.

Нарбута умер в 1801 г. После него правителем стал сын

¹ Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии. М., 1968. С. 43.

его Алим, который продолжал расширять Кокандское владение. Им была покорена долина Ангрена, Чимкента, Сайрам, вся Ташкентская область – важнейшие пункты на караванных путях в Россию. Алим, видя, что его государство уже вполне обособилось и настолько сильно, что может противостоять Бухаре, принял титул хана, а его государство получило официальное название Кокандского ханства со столицей в городе Коканде.

При Алим-хане усилилось политическое значение Коканда. Он создал наёмное войско, состоящее, в основном, из таджикских горцев: каратегинцев, шугнанцев, бадахшанцев, Иранцев и т.д. Оно было его опорой в борьбе за централизацию власти и послужило ядром созданной им большой армии. При нем устанавливаются первые торговые отношения с Россией, которые, правда, пока не получили развития, так как между ними еще не были установлены официальные дипломатические отношения и не обеспечивалась безопасность пути для караванов.

Алим-хан был своеобразной исторической личностью, который предпринял ряд шагов по реорганизации религиозных устоев. Например, он упразднил религиозное звание «ишан», нищим и так называемым «каландарам» (отшельники) раздавал земельные участки и скот, тем самым привлекая их к общественнополезному труду. С целью проверки правдивости молитв и высказываний отдельным религиозным деятелям устраивал экзамены и уличенных во лжи наказывал.

Реакционное религиозное духовенство, оставшись недовольным этими действиями Алим-хана и воспользовавшись недовольством части населения из-за частых военных действий, а также тем, что хан находился в Ташкенте, распространило ложный слух, что Алим-хан убит. На трон был посажен его родной брат Умар. Алим-хан, узнав об измене, направился кратчайшим путем в Коканд, по дороге к которому была поставлена засада. Алим-хан был застрелен в 1810 г. в местечке «Олти-куш». Убийцу звали Камбар Мирза из Андижана.

Период правления Умар-хана характеризуется развитием литературы и искусства, а также восстановлением всех рели-

гиозных устоев и преимуществ духовенства, в руках которых практически сосредоточилась вся власть. Они под прикрытием адата и шариата подавляли малейшие проявления недовольства в свой адрес.

Умар-хан также продолжал действия прежних ханов по расширению территории ханства. Так, при нем были заново завоеваны Ура-Тюбе, Туркестан и ряд других небольших городов на севере от Ташкента.

В период правления Умар-хана была сделана попытка установить дипломатические связи с Россией. С этой целью в Петербург было направлено кокандское посольство, однако по возвращении в ханство один из них умер от болезни, а другой член посольства был убит солдатом, сосланным на поселение в Петропавловск. Для улаживания этого инцидента в мае 1813 г. в Коканд направили Ф.Назарова, который был задержан ханом до выяснения обстоятельств и причин убийства посла. Ф.Назаров прожил в ханстве около года и вернулся в Россию в октябре 1814 г.

В 1818 г. за постройку соборной мечети Джами в Коканде Умар-хану присваивают религиозный титул Амир-уль-муслимин (повелитель правоверных). В том же году он учредил должность мингбаши.

Хотя многие местные историки писали об Умар-хане, как о благочестивом «жаннат макон», он, как и его предшественники, вел завоевательные войны с соседними владениями. Вот как описывает его деяния в Ура-Тюбе в 1817 г. знаменитая поэтесса XIX в. Дильшод в своем произведении «История переселенцев» («Тарих-и-мухажирон»): «Все пленные были согнаны на площадь Чор-су... Шепотом люди передавали, что в тот день было взято в плен 13400 человек...

Сам эмир Ферганы, т.е. эмир Умар-хан, несмотря на то, что был ученым и крупным поэтом, не смилостивился ни над одним ученым и поэтом этого угнетенного народа»¹.

Осенью 1822 г. Умар-хан заболел и через 17 дней умер ут-

¹ Мухтаров А. Дильшод и ее место в общественной жизни таджикского народа в XIX–начале XX века. Душанбе, 1969. С. 296–297.

ром, а в полдень его сын Мухаммад Али (Мадали) был провозглашен ханом. На другой день Мухаммад Али, которому было 16 (по некоторым данным – 14) лет, фактически вступил в правление государственными делами.

В.П. Наливкин следующим образом характеризует его: «Это был мальчик своенравный, избалованный, капризный, злой, испорченный нравственно и физически лестью придворных, и вином, и женщинами, и примером окружавшей его придворной жизни»¹.

В период его правления территория Кокандского ханства расширилась: были покорены таджики южного предгорья Алая, полностью покорен Каратегин и номинально – Дарваз, Шугнан, Рошан и Вохан.

На протяжении 1826–1831 гг. были организованы походы на Кашгар, в результате чего китайцы были вынуждены разрешить Мухаммад Али-хану собирать пошлину в Кашгаре. За это Мухаммад Али-хану присваивают религиозный титул га-зы.

При правлении Мухаммад Али-хана резко ухудшаются кокандско-бухарские отношения. В результате неоднократных войн между ними бухарский эмир Насрулла разбил кокандское войско и присоединил к себе Ходжент. А Мухаммад Али-хан признал себя вассалом.

Чувствуя тяжелое положение Мухаммад Али-хан пытается установить связь с Россией. С этой целью он снаряжает посольство в Россию. В письме, написанном от имени хана императору, в частности, говорится: «...Искренняя дружба, издавна существующая между высоким двором России и царством Коканд, обнаруживалась всегда в постоянных посольствах, которая с некоторого времени, по причинам совсем неизвестным, прекратилась совершенно. Так как не известно, от чиновников ли наших, или от правительства Вашего Императорского Величества произошло столь неприятное для нас обстоятельство, то мы, побуждаемые признательностью за прежнюю дружбу, посылаем верного нам доброжелателя бла-

¹ Наливкин В. П. Краткая история Кокандского ханства. С. 122.

городного происхождения – достойного Накиб-гале-Ашрафа (предводителя благородного сословия) Ишана Мухаммад Хаджи Халиля Сафранюля в качестве посланника, дабы он был удостоен лицезрением Вашего Величества и осчастливлен сведением о драгоценном здравии Вашем, мог бы иметь счастье засвидетельствовать перед лицом Вашим наше высокое почтение и уверить Ваше Величество о высокой степени Нашей к вам дружбы и доброжелательства. Мы льстим себя надеждою, что следствием пребывания посланника нашего в России и исполнения данного поручения, и также следствием ознакомления его со столь высокою державой будет большее и большее укрепление дружественных между нами сношений, так что зеркало взаимного согласия не будет омрачено пылью злословия коварных наушников. Этим способом водворится спокойствие между нашими подданными, и торговое сословие, долженствующее считаться орудием благосостояния страны, будет иметь беспрепятственное и спокойное сообщение, а злые грабители будут истреблены и уничтожены в прах. Таким образом, союз дружбы нашей так утвердится, что течение времен и веков не будет иметь на него влияния. Плоды таковой дружбы, поддерживаемой постоянными сношениями посредством послов и грамот, останутся на века грядущие.

Что же наш посланник сообщит словом высокому двору, тому верить, ибо он наш полномоченный и доверенный доброжелатель.

Да продлятся дни владычества и счастья Вашего Императорского Величества»¹.

В ответном послании Император написал: «Кокандския земли владетелю Сеид Мухаммад Али Багадур хану Наша Императорского Величества благоприянь и доброе приветствие.

Посланник Ваш, Ишан Мухамед-Халил Сагиб-заде, по прибытии в столицу Нашей Империи был нами Великому Государю представлен, и вручил грамоту Вашего Высочесте-

¹ ЦГА РУз. И-715, оп. 1, ед. хр. 4, л. 6–9.

пенства. Нам весьма было приятно услышать из оной желание Ваше постоянно пребывать в дружественных сношениях с могущественною державою Российского, и мы со своей стороны изъявляем совершенную готовность соответствовать благим Вашим намерениям. Вполне оценивая заботливость Вашу о сохранении и утверждении взаимных соседственных связей, мы уверены, что таковые попечения Ваши показывают ясное убеждение в истинных ваших пользах, принесут успешные последствия. Приезжающие в Россию Ваши подданные получают здесь защиту и покровительство. Мы желаем, чтоб и Российские подданные находили в Вашем владении равную безопасность и справедливость. Тогда только основания сношений между обоюдными нашими владениями могут приобрести ненарушимую прочность и мы надеемся, что Вы не оставите прилагать Ваши в том старания. В доказательство Нашего к Вам благорасположения Мы повелели отправить к Вам с посланником Вашим некоторые вещи – знаки приязни. За сим желаем Вам всех благ. Дана в С. Петербурге февраля 13 дня 1842 года, царствования же Нашего в семнадцатое лето»¹.

Кокандское правительство также просило разрешить кокандским подданным, отправляющимся на поклонение в Мекку, идти через Россию, о покровительстве кокандским и ташкентским торговцам приезжающим на сибирскую линию и просили наградить петропавловского купца из ташкентцев Кинжата медалью и двух кокандских мулл – тарханским достоинством.² На что было обещано изучить данные вопросы и удовлетворить их по мере возможности.

Однако, как пишет генерал-губернатор Западной Сибири Госфорд, кокандский посол «Ишан-Магомед-Халил, который, будучи здесь обласкан и одарен нашим правительством, возвращаясь обратно, но доехавши до Семипалатинска по случаю возникновения тогда в Коканде смут и междоусобий, не мог возвратиться в свое отечество, и долгое время проживал в

¹ ЦГА РУз. И-715, оп. 1, ед. хр. 4, л. 15–16.

² ЦГА РУз. И-715, оп. 1, ед. хр. 4, л. 18–20.

Семипалатинске, доколе смуты в Кукане не прекратились и власть хана не утвердилась.

Таким образом, посольство Ишана-Халила осталось без последствий¹.

В действительности ухудшение кокандско-бухарских отношений и частые военные столкновения привели к тому, что Мухаммад Али-хан в ноябре 1841 г. отрекся от престола в пользу родного младшего брата Султан Махмуда. Однако в апреле 1842 г. Бухарский эмир Насрулла завоевал Коканд и казнил Султан Махмуд-хана, его старшего брата, бывшего Кокандского хана Мухаммад Али и их мать Надиру – знаменитую поэтессу.

Свидетель и участник этих событий Василий Пшеничников, который находился в плену 40 лет и принимал участие во всех военных походах эмира Насруллы, впоследствии писал: «При взятии Коканда у эмира было войско до 40 000 человек и 12 орудий. Поход этот совершался весною и в Ходженте тогда забрали 4 пушки, город ограбили и, простояв 2 дня, пошли в Кокан. Коканским ханом был тогда Магомет Али-хан. (Пшеничников и многие другие не знали, что Мухаммад Али-хан отрёкся от престола, так как эмир и его окружение скрыли правду – Х.Б.) По взятии Кокана город и окружающие его селения были отданы на разграбление бухарской коннице, а дворец хана – сарбазам, которые тут же захватили 16 сундуков с различными платьями и 30 жен, а казну эмир взял себе. Хан бежал в Маргилан, но был там схвачен и привезен в телеге в Кокан, где его и зарезали. Из сыновей хана одного эмир зарезал в Джизаке на обратном пути, а двоих с матерью взял в Бухару. В Кукане эмир пробыл 14 дней. Кокан величиною с Бухару, построен на глинистом грунте, улицы широки, вода ключевая, здания такие же, как в Бухаре, т.е. по большей части из глины и сырца. На следующую весну эмир послал в Кокан 300 мастеров, которые в тот же год были заложены в стену кокандцами, бухарский начальник убит и с ним до 1000

¹ ЦГА РУз. И-715, оп. 1, ед. хр. 4, л. 273.

человек»¹.

В июне 1842 г. Шерали был провозглашен Кокандским ханом, который с 3–4-тысячным войском прибыл в Коканд. Узнав об их приближении, бухарский ставленник Ибрагим-дадхох бежал в Ходжент.

Кокандцы, зная, что Насрулла предпримет повторный поход, укрепили город и стали воздвигать городскую стену. Узнав об этом, эмир бухарский с многочисленным войском выступил 29 июля по направлению в Коканд.

Прибыв к Коканду, Насрулла остановился в деревне Муй-муборак, где простоял более 2-х месяцев. Окружив Коканд с четырех сторон, он думал, что народ, доведенный голодом до крайности, будет вынужден сдаться².

Между тем, видный военачальник Мусульманкул попросил у эмира разрешения пробраться в Коканд и обещал уговорить жителей сдаться. Получив на это разрешение, Мусульманкул пробрался в город и стал призывать народ сплотиться и обороняться, объясняя это тем, что силы эмира слабы и скоро он снимет осаду и возвратится в Бухару. Вооруженные кокандцы сплотились вокруг своего хана и стали героически обороняться, отбивая все атаки бухарцев. Архивные материалы и рукописные источники подтверждают это. А в это время хивинцы около 26 сентября (2 числа рамазана) вторглись в пределы Бухарского эмиратства. «Получив об этом известие, эмир оставил Кукан 9 октября (15 рамазана) и прибыл в Бухару»³.

Таким образом, кокандцы одержали победу.

Период правления Шерали отличался также сильными поборами с населения, в результате которого в ряде районов кокандского ханства происходили восстания. В 1845 г. в Оше готовилось еще одно восстание. Мусульманкул решил воспользоваться политической ситуацией и избавиться от Шера-

¹ Галкин М.Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю, СПб., 1869. С. 238–239.

² ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 4, л. 113–114.

³ ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 4, л. 115.

ли-хана, который мало прислушивался к нему. Мусульманкул подготовил заговор, а сам со всем кокандским войском ушёл для подавления ошского восстания. Не ведая о заговоре, его отсутствием решил воспользоваться Мурад – сын Алим-хана, который прибыл в Коканд, захватил трон и провозгласил себя ханом, объявил также, что он признает себя наместником бухарского эмира. Шерали-хан был убит ночью. Кокандцы, не любившие бухарского хана, не поддержали Мурад-хана. Мусульманкул прибывает в Наманган, выдает свою 12-летнюю дочь за молодого Худаяра сына Шерали-хана и вместе с ним, прибыв в Коканд, казнил Мурад-хана, который успел процарствовать лишь несколько дней, и его сторонников.

Мусульманкул, зная о намерении Сарымсака стать ханом, пригласил его из Ташкента в Коканд, обещав провозгласить его ханом, но тайно приказал убить его, что и было исполнено. После этого несовершеннолетний Худаяр был провозглашен ханом, а регентом стал Мусульманкул.

С этого периода началось в Коканде исключительное господство кипчакской партии. Пользуясь молодостью хана, Мусульманкул управлял ханством почти самостоятельно. По словам Н.Ф. Петровского правление его «не было дурным для народа, ибо строгий и суровый Мусульманкул был по-своему справедливым правителем и хорошим хозяином ханства»¹.

Как замечает автор статьи «Сеид Магомет Худаяр-хан Коканский»,² Мусульманкул всегда действовал именем или хана, или кого-нибудь из ханского дома. Это был временщик в полном значении этого слова. Положение, которое он занял при Худаяр-хане, напоминает положение Меньшикова при Петре II. Он держал молодого хана почти взаперти, не давал денег, не позволял делать никаких распоряжений. В этот период подавляющее господство принадлежало кипчакам во главе с Мусульманкулом, что не могло не восстановить оппозицию против них среди других слоев населения. Это привело

¹ Петровский Н.Ф. Очерки Коканского ханства// Туркестанский сборник. Т. 76, л. 9 б.

² Туркестанский сборник. Т. 89, л. 332–335.

к тому, что в 1853 г. началось массовое избиение кипчаков: их было убито около 20.000 вместе с Мусульманкулом.

С этого периода началось самостоятельное правление Худаяр-хана (1853–1858 гг.), которое отличалось теми же чертами, что и его последнее господство – притеснениями народа и полным отсутствием внимания к его нуждам и потребностям.

Худаяр-хан образовал из северных провинций особое наместничество и поручил управлять им Мирза-Ахмаду, который своим жестоким обращением вызвал возмущение среди кочевников. В результате этого в 1857 г. вся северная часть ханства были охвачена восстанием.

Между тем, Худаяр-хан не получил известий от своего наместника и считая, что Мирза-Ахмад находится в опасности, послал в Ташкент своего старшего брата Малля-бека, которому поручил принять главное начальство над всеми войсками северной провинции. Малля-бек, решив воспользоваться этим, объявил прощение восставшим, сбавил с них подати и сразу завоевал симпатии Ташкента и всей северной части ханства. Вскоре он открыто заявил о своих правах на владение ханством, собрал войско, разбил своего брата наголову при Саманчи и занял Коканд.

На политической арене Кокандского ханства появляется предводитель кипчаков Аликул сын Хусайнбая (во всех документах на русском языке, в статьях в периодической печати, а также во многих рукописных источниках он назван Алимкул).

В моём личном архиве имеются несколько ханских указов, где после ханской печати поставлена его печать с именем Аликул амир-ул-умаро.).

Начиная с этого периода, опять усиливается роль кипчаков в политической жизни страны.

Все отобранные земли при Худаяр-хане у кипчаков были возвращены прежним хозяевам. В период правления Малля-хана был подчинен Коканду Каратегинский вилайет и сделана попытка установить дипломатические отношения с Китаем, которая не увенчалась успехом. Тем не менее, авторитет Малля-хана среди населения возрастал. А в это время царская

Россия усиливает военные действия против Кокандского ханства и захватывает Токмак, Пишпек и ряд других крепостей с их окрестностью.

Малля-хан несколько раз пытался возвратить потерянные крепости, но безуспешно. Это возбудило недовольство против него. Вместе с этим непосильные налоги и повинности, а также усиление репрессивных мер против оппозиции ускорили организацию заговора. В результате в 1862 г. в марте он был убит, а вместо него ханом провозглашен семнадцатилетний Шахмурад.

Новый хан немедленно предал казни всех приближенных своего убитого дяди. Ташкентский правитель Канаат, опасаясь за свою жизнь, укрепил Ташкент и пригласил Худаяра, обещав ему вернуть ханский трон. Худаяр прибыл в Ташкент в марте. Узнав об этом, Шахмурад с 14-тысячным войском осадил Ташкент. Однако Шахмурад был похищен сторонниками Худаяр-хана. В это время бухарский эмир Музаффар двинулся к Коканду, вследствие чего осада Ташкента была снята и с целью сохранения силы они отступили к горам в Алатау.

Таким образом, Худаяр-хан был восстановлен на Кокандском престоле.

В то время в Коканде жили три потомка кокандских ханов: Садыкбек, Ходжибек и Шахрух. Это были молодые люди, едва достигшие 20 лет, которые неожиданно объявили о своих правах на ханский престол. В результате этого раздробились силы: одни оставались верными Аликулу, другие переходили к молодым претендентам. Пользуясь этим, Худаяр-хан разбил противника в нескольких сражениях. Аликул, видя, что их происки вредят успешному ведению военных действий, решил, во что бы то ни стало, избавиться от них. Он призвал молодых претендентов к себе, обещая каждому, что изберет его ханом, и когда юноши, поверив этому, приехали в Ош, Аликул приказал их всех зарезать. Несчастных юношей всех трех похоронили на ошском кладбище, где их могилы находятся доныне на северном склоне Тахты-Сулеймана.

После этого кровавого дела 9 июля 1863 г. Аликул объявил сына Малля-хана Султан-Мурада ханом кокандским и уже повел решительные действия против Худаяр-хана. Бухарский эмир Музаффар был вынужден вскоре вернуться в свои владения, так как в городе Шахрисабзе было поднято восстание.

Узнав об этом, кипчаки совместно с отдельными родами киргизов собрали войска и осадили одновременно Коканд и Ташкент.¹

4 сентября 1863 г. командир Оренбургского корпуса генерал-адъютант Безак сообщил военному министру, что «эмир примирился с кипчаками и согласился на удаление Худаяр-хана и возведение вместо него на ханство сына покойного Малля-бека: Султана Мурата (мальчика 13 или 14 лет), до совершеннолетия которого управление ханством Кокандским возложено на Кипчакского бия муллу Алимкулова, с назначением во все города и крепости ханства начальников по выбору последнего».²

Таким образом, став регентом, мулла Аликул поставил перед собой главную цель – «как можно надежнее упрочить владычество кипчаков в ханстве» и достичь ее «сосредоточением вокруг Коканда тех киргизских родов, которые наиболее помогали кипчакам во время восстания их против Худаяр-хана...»³.

С целью упрочения власти кокандское правительство, прежде всего, начало с упорядочения военных и финансовых средств, что легло обременительными налогами на плечи народа. С этими целями в Коканде начали собирать и формировать войска, отливать пушки, укреплять город. Влиятельных и ненадежных людей к новому правительству начали выселять в Ташкент и другие отдаленные города⁴.

Для предотвращения внезапного нападения со стороны го-

¹ ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 26, л. 374–375.

² ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 26 а, л. 117.

³ ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 26 б, л. 27.

⁴ ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 26 б, л. 168–169.

родского населения, которое мало сочувствовало новому хану, Аликул уничтожил старый дворец хана, находившийся в центре Коканда и вместо него стал строить и укреплять другой, расположенный за чертой города¹.

В этот период ухудшаются русско-кокандские отношения. Царская Россия усиливает свою экспансионивную политику. В результате в 1864 г. русские войска взяли Чимкент, а в 1865 г. – Ташкент. При этом мулла Аликул был убит. В связи с этим кипчаки и киргизы провозгласили ханом Худайкулбека, которого впоследствии назвали Бельбакчи-ханом. Он проханствовал всего лишь 14 дней, после чего забрал все драгоценные вещи и сбежал в Кашгар. Вскоре Худаяр без всякого сопротивления занял Коканд.

Правление Худаяра было еще более суровым, чем правление прежних ханов. «Он начал десятилетний грабеж собственного народа, полный всякого рода расхищений и убийств»².

В 1870 г. в пределах Коканда появился Сеид-хан, сын Малля-хана, который находился до этого в Бухаре и был приглашен группировкой, враждебной Худаяр-хану. Узнав об этом, хан велел его схватить и убить, что и было сделано в кишлаке Яккатут. Это событие могло осложнить отношения эмира с ханом. Бухарский эмир, пытаясь снять с себя ответственность за этот инцидент, заявил, что Сеид уехал без его ведома, и представил письмо с печатями, присланное ему от лиц, просивших эмира отпустить Сеида в Коканд. Имея в руках список заговорщиков, утвержденный их собственными печатями, хан, конечно, начал от них избавляться обычным способом: планированным тайным убийством. Число тайно казненных ханом за 1866–1871 гг. определялось в три тысячи человек.³

¹ ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 27, л. 22.

² Россель Ю. Среднеазиатская культура и наша политика на Востоке. Туркестанский сборник. Т. 22. С. 28–29.

³ Федченко А.П. Путешествие в Туркестан. СПб.; М., 1875. Т. 1, ч. II. С. 95–96.

Население особенно подвергалось беспощадным поборам при правлении Худаяр-хана, во время которого, выражаясь словами М.А. Терентьева, «придуманы были и новые налоги: на все посаженные не фруктовые деревья, на уголь, выжигаемый в горных лесах, всякий бурьян, хворост, колочку, камыш и чертополох, собираемый для топлива, на сено, ввозимое в столицу, с каждой купли и продажи на базаре тоже взималось по несколько чек (1/2 копейки). Все это с прежними налогами на металлы и вьючных животных составило неисчерпаемый источник обогащения жадного хана и столь же неисчерпаемый источник неудовольствия его, обираемых до нитки поданных»¹.

В 1873 г. Худаяр-хан обложил пошлиной дикие фруктовые деревья, растущие в горах, и послал доверенных лиц для сбора этих пошлин в Ош. Население отказалось платить эти налоги и избili сборщиков податей. Узнав об этом, Худаяр-хан послал для подавления мятежа сарбазов, между которыми произошли «кровавые схватки», но тем не менее разгромить восставших не удалось: они ушли далеко в горы.²

Народным недовольством решила воспользоваться и захватить власть в свои руки оппозиция. С этой целью решено было привлечь дальнего родственника хана Пулат-бека, проживающего в Самарканде. Но тот отказался от этого предложения. Тогда под именем Пулат-бека пригласили в Наманган подставное лицо – Муллу Исхак Хасан Оглы.³

Дальнейшие политические события тесно переплетаются с этим восстанием, которое вошло в историю как «Восстание Пулатхана», о котором мы подробнее остановимся в отдель-

¹ Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. СПб., 1906. Т. II. С. 327.

² Россель Ю. Среднеазиатская культура и наша политика на Востоке. //Туркестанский сборник. Т. 222. С. 2 9.

³ Подробно об этом восстании смотри монографии Х. Н. Бабабекова «Народные движения в Кокандском ханстве и их социально-экономические и политические предпосылки». Ташкент, 1990. С. 83-109 и «Пулатхон кўзголини» («Восстание Пулатхана»), Тошкент, 1996.

ном разделе.

В XIX в. Кокандское ханство являлось типичным восточным феодальным государством, во главе которого стоял самый крупный феодал – хан, который восседал в городе Коканде.

Согласно иерархической лестнице после хана по общественному положению шли следующие чины: 1) шайхул-ислам, казы-калон, хаджа-калон, накыб и муллы; 2) мингбаши, аталык, кушбеги, мехтары; 3) парваначи; 4) датха; 5) бии; б) ишик-агасы, инаки и шигаулы; 7) тохсабы; 8) мирахуры; 9) караулбеги.

К почетным званиям и чинам в Кокандском ханстве относились чины духовенства, военные чины, придворные и административные звания и должности.

Исключительное право быть пожалованным чином хаджа-калана, накиба, мир-асада, садра, судура, урака по мере заслуг принадлежало лишь потомкам Мухаммада и четырех правоверных халифов.¹

В Кокандском ханстве эти чины получали годовое содержание от 120 до 1200 таньга и от 50 до 70 батманов зерна.²

Шайхул-ислам, маулави, казы-калон, казиал-куззат, кази-аскар, кази-мутлак, казы-раис, муфти, аьлам, мударрис, имам могли быть лица, получившие образование в мусульманских школах и медресе. Для получения звания шайхул-ислама, кроме документа об учености, требовалось определенное происхождение: он должен был быть потомком хаджей. Духовенство содержалось за счет доходов с вакфов или общественных сборов, кроме того, ежегодно получало от хана различные подарки, состоявшие из богатых одежд, зерна и денег. В вечернее и ночное время за благоповедением мусульман и вообще за порядком в городе наблюдал курбаши, в ведении которого находилось определенное количество миршабов.

¹ Кун А. Л. Некоторые сведения о Ферганской долине//Военный сборник. 1876. С. 52.

² Хорошхин А. П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876. С. 52.

Такие же полномочия имели мухтасибы, на должность которых назначались обычно лица, отличавшиеся нравственными качествами и знанием шариата, так как им приходилось исполнять ведать и религиозные обязанности мусульман. Поэтому их также называли раис-аълам.¹

Доходами хана ведали особые высшие чиновники: мирза-и-дафтар вел особую книгу о состоянии ханской казны. Саркер-и-инак являлся хранителем ханских запасов, поступавших в натуре. Этот чиновник снабжал двор и многочисленных телохранителей и прислужников хана. Денежные суммы поступали и к михтару или ханскому казначею, который также заведовал всеми драгоценностями хана.²

Обычно самые влиятельные лица временно господствующей партии захватывали лучшие в ханстве должности и для решения всех важнейших вопросов утверждали постоянный ханский совет, куда, кроме самого хана, входили аталык, мингбаши, атабек, серкер, дастарханчи, рисалячи, казначей, мехтер, наиб, удайчи и некоторые другие по желанию хана и, практически, по совету мингбаши.

Большую роль в городской жизни играло религиозное духовенство, облаченное всеми судебными полномочиями в решении гражданских вопросов.

Судопроизводство в Коканде производилось исключительно на основе шариата и адата. Например, за кражу, свыше 10 тенег отрубалась рука, за убийство отсекалась голова, за соращение от веры – избивание камнями; камнями избивали и развращенных женщин.³ Так, в 1814 году Ф.Назаров видел, что за кражу 30 баранов у одного мусульманина мечом отрубили кисть правой руки. Он также был очевидцем казни 17-летней девушки в Коканде, убитой только за то, что она ушла к любимому, отказавшись выйти замуж за другого.

¹ Остроумов Н. П. Сарты. Ташкент, 1890. С. 38.

² Обзорение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии // Записки ИРГО. СПб., 1849. Том III. С. 207–208.

³ Костенко Л. Ф. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1871. С. 64.

Этот случай он описал в вышедшей через семь лет книге «Записки о некоторых народах и землях средней части Азии».

Как известно, реакционное духовенство держало в своих руках судопроизводство и феодальная верхушка, с его помощью, беспощадно подавляла малейшие попытки свободомыслия, выступления народных масс против насилия и несправедливости. Высшая судебная власть в руках казиев была слепым оружием духовенства, которые нередко осуждали к смертной казни невиновных. Гражданам разрешалось подавать апелляцию на приговоры, но на это редко кто решался. Неосторожный проситель, обжаловавший перед ханом решение казия, вооружал против себя все судебное сословие. Если он не мог доказать явного злоупотребления казием по своему делу, то его обвиняли в поношении священного закона, а за это истец мог легко поплатиться жизнью.¹

До конца существования Кокандского ханства сохранялись пережитки рабовладения и работорговли. В городе Коканде молодой раб стоил 30 тилля, а молодая невольница-девушка – 40 тилля.²

С рабами обращались, как с вещью. Например, 1 марта 1871 г. брат Кокандского хана Султан Мурадбек организовал в честь Худаяр-хана конные скачки. Призы для победителей были весьма богатые, но особенно богатый из них первый приз. Он состоял из 1 гуляма (мальчик-невольник), 1 чури (невольница), 1 большого ямба, стоимостью 129 рублей (1 тилля = 3 руб. 50 коп.), 1 суконной кибитки, 1 арабского ковра, 2 кипчакского ковров, 3 одеял, 9 фарфоровых блюд, 9 чашек, 2 лошадей с золотым набором и шитой серебром попоной, 2 верблюдов и 2 связок халатов, 25 разных вещей: кумганов (чайников), подносов, блюд, котлов и т.д. Последний, сороковой, приз состоял из трех халатов (полушелкового, ситцевого и алачевого), 1 барана, 1 козла.³

¹ Горчаков И.Д. Обзорение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии. Записки ИРГО. Т. III. С. 199–200.

² Хорошхин А.П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. С. 43.

³ Туркестанские ведомости. 1871. № 45.

У Султан-Мурадбека было 20 рабов, которые выполняли тяжелые работы по обработке полей и культивированию садов. Некоторые из них занимались починкой посуды и выполняли должность привратников и конюхов.¹

В целом в Коканде рабов было мало, а их положение, по сравнению с Бухарой, Хивой было не так уж тяжелым. Рабами являлись, в основном, пленные, захваченные во время набегов на соседние государства.

Военные звания, существовавшие в Кокандском ханстве, были следующими: мингбаши – тысячник, обычно он совмещал должность визиря. В период Шерали-хана и Худаяр-хана мингбаши в период военных действий становился главнокомандующим. Далее шли понсадбаши – пятисотник, юзбаши-сотник, элликбаши – пятидесятник, унбаши (дахбаши) – десятник, топчибаши, зенбурачи и др.

При поступлении на службу каждый воин получал от правительства лошадь и сбрую, а перед выступлением в поход получали: юзбаши – 2 тилля, элликбаши (панджабаши) – 1 тилля, рядовой – 1 тилля.

Обыкновенное содержание войска состояло в 1851 г. из денежного жалования и провианта натурою: юзбаши – 147 рублей серебром в год, панджабаши – 98 рублей, унбаши – 65 рублей, рядовой – 43 рубля.²

Кроме военных званий, в Коканде существовали и воинские чины, которые определялись штатными единицами и содержанием за счет государственной казны.

¹ Западно-китайская народность в Фергане// Русский мир. 1876. № 158.

² Военно-статистический сборник. СПб., 1868 г. Вероисповедание и образование. С. 142–143.

Воинские чины.¹

№ п/п	Название чинов	Количество штатных единиц	Размер содержания в год каждый	
			натурой, пуд	деньгами, руб.
1	Аталык	1	8000	400
2	Кушбеги	4	4000	300
3	Парваначи	8	3200	300
4	Датхи	10	2800	200
5	Би	10	1600	140
6	Ишик-агасы	100	800	100
7	Тохсабы	200	400	60
8	Мирахуры	300	280	30
9	Караулбеги	400	200	20
10	Курчи	200	120	14
11	Дивечи	500	120	14
12	Мирза-баши	100	100	12
13	Чаар-агасы (в Коканде)	1000	100	12
14	Батырей (в Коканде)	8000	80	10

В воинские чины с 1 по 7 (таблица) преимущественно назначались из узбеков. Право получения остальных чинов имели все без различия сословий. Лишь те сарбазы и тупчи, которые стояли в Коканде находились в постоянном ведении особого должностного лица наиб-дадха. В военное время этот наиб-дадха принимал под свою команду всех сарбазов действующей армии, временное командование которою поручалось отдельно назначенному амир-ляшкарару (главнокомандующему).²

К 1860 г. у кокандцев сформированного заранее войска, даже сколько-нибудь похожего на регулярное, не было. Для поддержания спокойствия в ханстве в гарнизонах крепостей

¹ Кун А. Л. Некоторые сведения о Ферганской долине. //Военный сборник. 1876. №. 4. С. 179, 447.

² Наливкин В. П. Краткая история Кокандского ханства. С. 209.

служили за плату добровольцы. Во время войны на службу призывались все мужчины, способные носить оружие.

Обычно осенью объявляли, чтобы желающие поступали на службу в гарнизоны. Служащие из нижних чинов получали в месяц от правительства по одной тилли денег, по два мешка муки на год и для лошади от 7 до 10 батманов ячменя. Кроме того, одновременно весной им выдавалось по 4 летних халата, рубашка, сапоги, чалма, тубетейка и кушак, а на зиму – теплый халат, дубленая шуба, сапоги, теплая шапка и лошадь. Из оружия выдавались сабля, пика, ружье, причем ружье выдавали не всем, а только умеющим стрелять. Вообще вооружение кокандцев было очень плохим.

У сформированного таким образом войска были свои начальники: мингбашы – главный военачальник, понсады – пятисотник, юзбашы – сотники, ясаулы – урядники, часть из них занималась хозяйством. Во время крупных военных действий хан заранее посылал к правителям вилаетов, крепостей и др. указ, призывающий собраться войску в определенном месте и в известном числе. Понсады исполняли этот приказ, они же становились начальниками ополчений, выбирали себе помощников – юзбашей, ясаулов и т.д. Вслед за этим сам хан выступал со своими телохранителями в поход, забирая по дороге гарнизоны крепостей, оставляя в них лишь необходимое число воинов. К хану присоединялись и ополченцы. Из крепостей забирали также оружие, которое возили на лошадях. На каждую пушку впрягали по 6 лошадей и, кроме того, имели еще по 25 запасных коней. Заряды для орудия и патроны для ружей перевозились в особых сундуках.

Кроме больших медных орудий, при войске имелись еще маленькие чугунные или железные пушки различных форм: короткие, наподобие фальконетов, длинные, похожие на русские крепостные ружья. Их перевозили на особо устроенных телегах с большими колесами (кокандская арба).

Когда войска шли к месту назначения, за ними следовали торговцы с продовольствием – их заблаговременно предупреждали о походе: Когда войско останавливалось для разбивки лагеря, открывался базар и начиналась торговля. Таким

образом, войска во время войны не получали казенного продовольствия натурою. Войскам, взятым из крепостных гарнизонов, выдавались на время похода по 3—4 тиллей денег на каждого. Ополчение же ничего не получало. Часто случалось, что войско нуждалось в самом необходимом — торговцы не всегда были аккуратны и в отдельных случаях военные действия прекращались вследствие недостатка продовольственных припасов.

Численность Кокандского войска было трудно определить. Все зависело от расположения подданных к хану и от предполагаемого похода. По некоторым сведениям, хан в пятидесятые годы XIX в. мог собрать до 40000 человек в продолжение 20 дней и выступить с ними в поход. Однако постоянные междоусобицы подрывали силы ханства. Так, в 1860 г. при максимальном усилии хан мог собрать около 25000 человек. Контингент войск часто менялся вследствие политических событий и в зависимости от складывающихся обстоятельств.¹

БОРЬБА КОКАНДЦЕВ ЗА СВОБОДУ И НЕЗАВИСИМОСТЬ ВОССТАНИЕ КАЛАНДАРА

В рукописи «Мунтахаб-ат-таварих» приводится интересный эпизод, заслуживающий пристального внимания исследователей истории Кокандского ханства: в результате военных конфликтов с Бухарским ханством в октябре 1841 г. Мухаммад Али-хан был вынужден признать свое поражение. Чтобы успокоить Насруллу и приобрести снова его доверие, он послал эмиру со своим сыном Мухаммад Амином ключи от Ходжента и городской казны. Через пять дней Мухаммад Амин с бухарскими послами вернулся в Коканд с сообщением, что эмир передал, если хан самолично выйдет ему на встречу, то он вернет ему город.

¹ ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 24, л. 244—247.

Мухаммад Али-хан решил посоветоваться со своими приближенными. В это время к нему явился известный в Коканде мастер-чеканщик по имени Хаджа Каландар-мисгар (медник) и предложил дать ему на один день полномочия властелина, т.е. хана, и он прогонит Насруллу. Мухаммад Али-хан согласился. Весть об этом разнеслась с молниеносной быстротой. Весь трудовой народ Коканда сплотился под предводительством Ходжи Каландара.

Как описывается в «Мунтахаб ат-таварих», в течение двух часов были разорены дома восемнадцати надимов, очевидно, ненавистных народу. Был убит Махмуд-дастарханчи, который должен был по поручению Мухаммад Али-хана снова пойти к Бухарскому эмиру Насрулле. Здесь можно предположить, что он, будучи у эмира и обещавший ему содействие, воспротивился действиям народа. С ним вместе был убит и посол Бухарского эмира. Озлобленные действиями двух ханских сводниц, снабжавших ханский гарем красивыми горожанками, восставшие разорили и их жилье, но самих их не нашли, так как они успели скрыться.¹

Как следует из вышеописанных событий, фактически в Коканде произошло народное восстание против ненавистных им феодалов и их прислужников-притеснителей, а также против намерения хана подчиниться эмиру. Кокандцы посчитали это для себя унижительным и приняли решение избавиться от своих притеснителей, сторонников эмира и отразить действия врага. Тем самым их действия перерастали во всеобщее народное восстание.

Испугавшись мести народа, феодалы сумели уговорить Мухаммад Али-хана отменить свое решение. Вследствие этого хан приказал наиболее авторитетным и уважаемым населением Коканда Азимбаю и Аскар-дадхоху успокоить народ и арестовать Ходжу Каландара, что и было исполнено.

К этому времени пришло сообщение, что Насрулла подступил к Каракчи-куму, а Султан Махмуд уже находится в кишлаке Фатр. Испугавшись, Кокандский хан спешно послал к

¹ ИВ АН РУз. Рукопись, инв. № 594, л. 397 об. –398.

эмиру Сулайман-хаджу шейх ал-ислама и дядю Холбека-кушбеги с ценными подарками. Эмир Насрулла принял подарки, назначил правителем Ходжента и Ура-Тюбе Султан Махмуда и возвратился в Бухару.¹

История с Хаджа Каландаром уникальна: феодалы во главе с ханом, показав свою беспомощность перед внешним врагом, передали власть, хотя и ненадолго, в руки народа, который, в свою очередь, продемонстрировал организованность и боеготовность, готовность пожертвовать своей жизнью ради свободы. Вместе с тем, не имея достаточного политического опыта в организаторской работе и в правильной оценке создавшейся ситуации, предводители восстания во главе с Хаджа Каландаром не смогли правильно воспользоваться полученными полномочиями в интересах народа в целом.

Это движение можно характеризовать как прогрессивное явление, которое еще раз убедительно показало и доказало народу лживость обещаний хана и других феодалов. Таким образом, постепенно, понемногу созревало политическое сознание населения Коканда.

КОКАНДСКОЕ ВОССТАНИЕ 1841 г.

В рукописях «Ансаб ас-салатин ва таварих-и ал-хавакин», «Мунтахаб ат-таварих», «Тарих-и Фаргона» и во многих других источниках период правления Мухаммад Али-хана характеризуется тем, что население ханства, в том числе и города Коканда, беспощадно эксплуатировалось, происходили бесконечные междоусобные войны, которые уносили тысячи жизней, разоряли пашни и нивы. Хан же предавался пьянству и беспутству. Наряду с этим недовольство среди всех прослоек населения Коканда вызывали непомерные налоги и повинности.

В «Мунтахаб ат-таварих» указывается, что после примирения Мухаммад Али-хана с братом Султан Махмудом кокандский хан вновь вернулся к прежнемук разгульному образу

¹ ИВ АН Руз. Рукопись, инв. № 594, л. 398.

жизни. В этом ему потворствовали окружающие сановники, особенно Саид-кушбеги. В 1841 г. кокандцы собрались возле ворот ханской урды.¹

В этот день у хана находился прибывший из Ташкента Ляшкар-кушбеги. Мухаммад Али-хан направил его вместе с Гадайбай-парваначи успокоить народ любым способом и дал соответствующие полномочия действовать от имени хана. Опасаясь, что возмущение может перерасти в настоящее восстание и народ сможет захватить урду и убить его, хан через другие ворота скрылся в неизвестном направлении.

Ляшкар-кушбеги и Гадайбай-парваначи вышли к народу и стали спрашивать причину недовольства, на что получили ответ, что никогда до этого люди не переживали такого гнета и бесчинств от своего правителя. Сановники обманом успокоили возмущившийся народ, обещав, что исполнят все его требования. Спустя некоторое время пришло сообщение, что бухарский эмир идет войной на Коканд.² В связи с этим все силы и помыслы были направлены на защиту родины от внешнего врага. И хотя начавшееся восстание было прекращено, в целом оно носило прогрессивный характер. Восставшие сумели выставить свои требования и хотя впоследствии не все их выполнили, тем не менее, публично это было обещано, а некоторые злостные сановники даже казнены.

На наш взгляд, это восстание послужило одной из основных причин отречения от престола Мухаммад Али-хана в пользу своего младшего брата Султан Махмуда. Видимо, он понял, что в данных обстоятельствах население Коканда вряд ли поддержит его в борьбе против эмира Насруллы.

Об этом восстании у нас мало сведений, тем не менее, можно предположить, что восставшие ставили перед собой и политические цели – смягчение внутренней политики хана или передача власти Султан Махмуду.

Один из положительных объективных моментов заключался в том, что это восстание помогло сплотиться населению

¹ ИВ АН РУз. Рукопись, инв. № 594, л. 399 об.

² ИВ АН РУз. Рукопись, инв. № 594, л. 399 об.

Коканда и придало ему уверенность в своих силах и возможностях. Это ярко проявится в восстании 1842 г. против бухарского эмира.

КОКАНДСКОЕ НАРОДНОЕ ВОССТАНИЕ 1842 г.

Ценнейшие сведения о Кокандском восстании 1842 г. против бухарцев имеются в рукописи «Ансаб ас-салатин ва таварих-и ал-хавакин». Согласно ей, в 1842 г. бухарский эмир Насрулла легко захватил Коканд, казнил Султан Махмуд-хана, Мухаммад Али и их родственников, в том числе мать Надиру – знаменитую узбекскую поэтессу, а также многих военачальников. После этого эмир Насрулла, посадив вассалом на кокандский престол Ибрагим-Хаяла, разграбил город, захватил казну и отправился в Бухару. Ибрагим-Хаял с оставшимся в городе бухарским гарнизоном начал сильно притеснять население. Кокандцы, возмущившись произволом бухарцев, решили восстать против захватчиков. С этой целью они пригласили Шерали-хана в Тюра-Курган, и по старинному обычаю подняли его на белом войлоке и провозгласили кокандским ханом. Кул Юсуф киргиза назначили мингбашием, Мухаммад Назарбека – амир-лашкарком, а Кучибая – батырбашием. Здесь же были назначены худайчи, тункатар, дастурханчи, понсадбаши, юзбаши, ясаулбаши. Собрав войско, они вошли в Коканд и разбили бухарский гарнизон. Ибрагим-Хаял бежал в Бухару.

Зная, что бухарский эмир предпримет новый поход и постарается подавить восстание кокандцев, Шерали-хан собрал вождей племен, военачальников, аминов, старшин и авторитетных деятелей на совет, на котором решили срочно изготовить оружие: винтовки, шашки, рогатки; обложить население по махаллям налогом – улов пули, на которые необходимо было закупить винтовки. Вокруг Коканда решили возвести стену и насыпать курганы. Однако строительство еще не было окончено, как бухарский эмир с большим числом войск подступил к Коканду. И, как описывается в «Ансаб ас-салатин ва таварих-и ал-хавакин», начались ежедневные

ожесточенные сражения между кокандцами и бухарцами. В этих сражениях погибло много людей. Бухарский эмир пытался захватить Коканд и сжечь, его войска грабили и разоряли окрестные кишлаки, но все старания не приносили желаемого результата.

Тем временем казна кокандского хана иссякала, продукты питания были на исходе.

Кокандцы решили довершить возведение стен и отремонтировать обвалившуюся часть. Однако в связи с тем, что они не могли выйти за пределы города, решили выкопать ров внутри, т.е. со стороны города. В результате вырытая земля возвысилась над стенами, что позволило лучше организовать оборону. Тем не менее, бухарцы сумели выбрать слабое место со стороны Тагалыка и ворвались с многочисленными войсками в город.

Кокандцы быстро соориентировались в создавшемся критическом положении и стали возводить из перевернутых арб баррикады, срочно перевели сюда имеющееся оружие и стали в упор стрелять в бухарцев, которые стремительно шли по узким улицам города. В этом сражении бухарцы были разбиты. В обороне Коканда активное участие принимали и женщины.

Следующее нападение было совершено со стороны квартала Навбахар. Туда для обороны были направлены горные снайперы, которые нанесли большой урон бухарцам, вынужденным отступить. Причиной нападения бухарцев со стороны Навбахара было то, что местный мулла Махаммад Юсуф и саххаб написали письмо эмиру с указанием слабого места обороны. Кокандцы нашли предателей и убили их. Воспользовавшись замешательством бухарцев после этого поражения, бывшие заложники Шады дадхох, Мусульманкул-кипчак и ряд других знатных предводителей бежали в Коканд.

Во время боев и сражений, а также пожаров кокандцы потеряли много зерна и заготовленного сена для скота. Население находилось на грани голода. В это время со стороны Ашта и Чадака, под предводительством кипчака Бегимкули-жарчибаши прибыл караван в двести лошадей и ослов, нагру-

женных мукой и джугарой, с несколькими сотнями баранов. Это воодушевило все население Коканда.

В эти же дни знаменитый Маргиланский ишан Азим-хаджа написал письмо в Ош и Андижан, с требованием прислать на подмогу войско. В ответ на это письмо амины и аксакалы собрали две тысячи стрелков, которые прибыли в Коканд в помощь восставшим.

Весьма интересны сведения «Ансаб ас-салатин ва таварих-и ал-хавакин» о прибытии в Коканд бухарского посланника, которого хорошо приняли кокандцы. Однако его показали Шерали-хану, и, не дав ему ничего сказать, выпроводили за пределы города. Этот посол рассказал эмиру обо всем виденном и подчеркнул, что кокандцы, как мужчины, так и женщины, готовы к любому сражению. Даже если эмир предпримет дальнейшую осаду, кокандцы могут свободно, без усталости удерживать город более года. Эмир бухарский после сорокадневной осады Коканда, возвратился в Бухару. По дороге в Ходжент он отпустил на волю всех оставшихся заложников, которые также вернулись в Коканд.¹

Аналогичные сведения о восстании кокандцев в 1842 г. имеются и в «Тарих-и Туркестан». В этом историческом труде, хотя сами события описываются близко к тому, как они происходили, автор допускает некоторые хронологические неточности. Например, он пишет, что осада Коканда продолжалась два месяца².

В архивных документах также фигурируют числа с 29 июля по 9 октября, что составляет 2 месяца и 10 дней. Однако, на наш взгляд, эти числа взяты по слухам и, естественно, Сюда включены, очевидно, выезд эмира из Бухары и день возвращения его в свою столицу, т.е. потраченные дни во время всего похода от Бухары до Коканда и обратно. Например, в одном из архивных документов ясно сказано, что «Эмир Насруллахан, узнав о восстании кокандцев, с многочисленным войском выступил из Бухары и 29 июля завладел Канибада-

¹ ИВ АН РУз. Рукопись, инв. № 9841. С. 9–13.

² Тарих-и Туркестан. Ташкент, 1915. С. 81.

мом и Махрамом... пока эмир усмирлял восстание в Кокане, хивинцы около 26 сентября (2 числа рамазана) вторглись в его владения... получив об этом известие, эмир оставил Кокан; 9 октября (15 рамазана) прибыл в Бухару.¹

В «Мунтахаб ат-таварих» автор пишет, что Шерали-хан сначала подчинил Наманганский вилайет с прилегающими к Сырдарье городами Тюра-Курган, Касан, Ахси, Чартаг и Гурум-сарай. После этого он с многочисленным войском перешел реку и остановился в Султан-Баязите. Здесь «Шерали-хан простоял несколько дней и только потом с большой славой направился в Коканд. Ибрагим-парваначи без боя оставил Коканд, население которого с радостью встретило Шерали-хана».²

Как далее описывается в рукописи, в городе находились около трех тысяч бухарцев, которые попытались оказать сопротивление, но большинство из них были убиты. Был пойман и изрублен на куски Махмуд-хаджа багадур-баши, который, переодевшись в женское платье под паранджой, пытался скрыться.³ Узнав о событиях в Коканде, эмир Насрулла с войском прибыл в Ура-Тюбе и стал готовиться к походу. В это время Мухаммад Шариф-парваначи и Гадайбай-парваначи с ташкентским войском расположились на берегу Сырдарьи.

Кокандский правитель Шерали-хан сформировал отряд под предводительством Мухаммад Назарбек-дадхаха и направил в Чуст и Гурумсарай, а другой отряд под руководством Чаманди с Абдолрахманбек лашкар-кипчаком – в Канибадам. Как только они прибыли на место, бухарские войска выступили против них и одержали победу. На другом фронте сражения, в Гурумсарае, победу одержали ташкентцы и все населенные пункты были захвачены. После этого они приготовились к решительному сражению с Шерали-ханом. С этой целью ташкентцы присоединились к войскам бухарского

¹ ЦГА РУз, ф.И-715, оп. 1, ед. хр. 4, л. 115.

² ИВ АН РУз. Рукопись, инв. № 594, л. 402–403.

³ ИВ АН РУз. Рукопись, инв. № 594, л. 402–403.

эмира.

Мухаммад Назарбек, потерпев поражение, бежал с оставшимися войском в горы, где привлек на свою сторону окрестных кипчаков и киргизов. Вместе с ними он прибыл в Тюра-Курган. Внезапно напав, он захватил эту крепость и взял в плен сына Мухаммад Шарифа, которого отправил в Коканд к Шерали-хану. После этого Мухаммад Назарбек взял под свой контроль всё побережье Сырдарьи.

В это время эмир Насрулла прибыл в Канибадам и приказал зарезать 350 кокандцев. Узнав об этом, Шерали-хан также приказал зарезать бухарцев, находившихся в Коканде. Как отмечает автор «Мунтахаб ат-таварих», с обеих сторон без вины было убито много людей.

Далее в рукописи говорится об осаде Коканда, которая длилась сорок дней. Бухарский эмир получил известие, что население Курамы восстало и захватило крепость Кировчи и власть перешла сыну Юнусхаджи. Другое сообщение, полученное эмиром, гласило о том, что Абдурахманбек изменил Насрулле и ушел к Шерали-хану, который организовал ему пышную встречу. После этого Бухарский эмир назначил правителем Ура-Тюбе Асирбека, сына Худаяр-бия.¹

В «Мунтахаб ат-таварих» кратко описывается формирование войск Шерали-ханом, который назначил своего сына Абдолрахманбека амир-лашкарком и отправил его для покорения Ташкента. Когда войска перешли Сырдарью и прибыли в Кураму, правитель Ходжента Худаяр-бий, оценив положение, изменил эмиру Насрулле и признал верховную власть Шерали-хана, который даровал ему за это прежнюю должность — правителя Ходжентского вилаята.²

Однако, еще не был покорен Мухаммад Шариф-аталык, который среди киргизов поднимал знамя непокорности. Видя это, Шерали-хан сформировал большой отряд войск и послал против аталыка, который в это время испытывал недостаток и в провианте, и в корме для скота. Аталык направил посла к

¹ ИВ АН РУз, ф. Рукопись, инв. № 594, л. 404–405.

² ИВ АН РУз. Рукопись, инв. № 594, л. 406.

хану, который выразил желание Мухаммад Шариф-аталыка покориться при условии выдачи ему провианта и корма для скота. Получив это известие, Шерали-хан и его приближенные, не подозревая о хитрости аталыка, согласились на его условия. Аталык, получив необходимое количество провианта, выступил против Шерали-хана.

Узнав о таком коварстве, хан направил войска, чтобы наказать аталыка. Мухаммад Шариф-аталык потерпел поражение и был вынужден бежать. После этого кокандские войска прибыли в Буку и предложили гарнизону сдаться, но они отказались. В результате утром следующего дня началось сражение. Кокандцы быстро завладели крепостью, обороной которой руководил Гадайбай. Он был ранен и бежал в Ташкент. Воодушевленные успехом кокандские войска направились в Ташкент. Узнав об этом, Мухаммад Шариф, Гадайбай, Абдолрахман-метин и другие решили обороняться. Произошло крупное сражение между кокандцами и ташкентскими войсками. Ташкентцы потерпели поражение, Ташкент и Дашти-Кипчак были покорены и заново присоединены к Кокандскому ханству. Абдолрахман-метин, Гадайбай вместе с десятью приближенными переправились через Сырдарью и бежали в Бухару. Мухаммад Шариф и вся его семья с детьми были взяты в плен и отправлены в Коканд.¹

О кокандском восстании 1842 г. имеются ценные сведения в архивных материалах, которые в основном подтверждают и дополняют описанные в восточных рукописях события. Например, согласно архивным материалам, кокандцы, недовольные бухарским ставленником, уговорили Шерали-хана занять кокандский престол, который дал согласие на это предложение и с многочисленными киргизами прибыл в столицу. Бухарский ставленник Хаким Ибрагим-дадхах бежал в Ходжент, кокандцы укрепили город «земляным валом и, собрав войско, усиленное киргизами, калмыками, кипчаками и киргиз-кайсаками (казахами) достигли Ура-Тюбе»².

¹ ИВ АН РУз. Рукопись, инв. № 594, л. 406–408.

² ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 4, л. 114.

Имеющийся архивный материал ярко свидетельствует о произволе эмира. Согласно имеющимся сведениям, эмир на своем пути «разорил и истребил поля, засеянные хлебом..., разорил города: Маргилан, Шахрихан, Наманган, а Исфару и Чарчуг разграбил и жителей отправил в Самарканд и Мат-Шираз».¹

Восстание 1842 г. носило прогрессивный характер. В нем принимали участие все слои населения, независимо от национально-племенной принадлежности. Результатом восстания было освобождение от захватчиков и восстановление суверенитета Кокандского ханства. Причиной победы восставших были организованность и сплоченность, мужество и отвага, а также стойкость жителей Коканда.

ДВИЖЕНИЕ КИПЧАКОВ В 1853 г.

Как известно, после поражения Мусульманкула от ташкентского, уратюбинского и ходжентского правителей «Худаяр-хан, опираясь на оседлое население, решил покончить с Мусульманкулом и кипчаками... Утром 9 октября 1852 г. ташкентское войско, заранее вызванные Худаяр-ханом, начали избиение кипчаков; к ним присоединились вооруженные горожане. Избежавшие смерти помчались во все концы Ферганы, разнося весть о кокандской резни, но организовать сопротивление им не удалось. Мусульманкул был пойман, привезен в Коканд и казнен. Все земли кипчаков были конфискованы и пущены в продажу по половинной цене. Так как население боялось покупать эти земли из страха, что кипчаки опять войдут в силу, Худаяр-хан отдал распоряжение о принудительной покупке этих земель»².

Наиболее подробно это трагическое событие описал Р.Н. Набиев, который основывается на сообщениях «Тарих-и Джахан-намаи», «Тарих-и Шахрохи», «Тасниф-и Гариб», «Краткой истории Кокандского ханства» и др. Согласно исследованию Р.Н. Набиева, «среди земледельческой и городской знати

¹ ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 4, л. 114.

² История Узбекской ССР. В 4-х т. Ташкент, 1967. Т. I. С. 665.

постепенно подготавливалась сила, крайне недовольная властью кипчакской верхушки, опираясь на которую Худаяр выступил как глава государства. Этому во многом способствовало и серьезное поражение группы Мусульманкула в Ташкенте, где местной феодальной знати не был нанесен такой тяжелый удар кипчаками, как в Коканде. В своих решительных действиях против кипчаков Худаяр сумел привлечь ташкентскую местную верхушку»¹.

Считаю целесообразным остановиться на сведениях других источников и на отдельных спорных моментах этой трагедии.

Согласно «Ансаб ас-салатин ва таварих-и ал-хавакин», после возвращения хана в столицу, несколько видных кипчаков были арестованы. Например, Мирзат-кушбеги держали во дворе Муллы Каримкула, конфисковали имущество арестованного, а ночью убили. Сафарбай-саркера вместе с другими арестовали и посадили в миршабхану.

Спустя некоторое время Мусульманкул привлек киргизов и с войском из Кетмень-тепе прибыл в Исбаскан, где и организовал мятеж. Хан приказал отрядам из Шахрихана, Андижана и Балыкчи подавить его. Кипчаки, находящиеся в городах, непрерывно посылали Мусульманкулу сообщения и письма. Видя такое положение, Худаяр-хан послал в Ташкент своего верного гонца к высокопоставленным лицам – выходцам из Коканда с просьбой о помощи, Мухаммад Нияз-дад-хах, Касим-би, Ниязали-би, Фазылбек-би, Камбар-бек, Суфибек и другие, посоветовавшись, решили поддержать хана, сформировав войско, пойти в Коканд и уничтожить его противников.

Вышеназванные лица сообщили о своем решении Нармухаммаду-кушбеги. После приготовления они отправились в Коканд. Когда до столицы остался один таш, они оставили там кушбеги с несколькими старцами, а остальные галопом поскакали в Коканд. На конском базаре, под звуками карная, ружейной стрельбы и колотушек началось массовое убийство кипчаков: «Кровь лилась рекой, как будто бы настал конец

¹ Набиев Р.Н. Из истории Кокандского ханства. Ташкент. 1972. С. 43.

света». В тот день как раз собрались кипчаки, которые также хотели начать казнить кокандцев.

Прибывшие в Андижан ханские войска вынудили Мусульманкула бежать, его отряды были рассеяны. Ряд пленных киргизских дадхахов доставили в Коканд к хану. Все они были изрублены прибывшими ташкентцами, после чего «с облегчением прославили хана, который с большой радостью начал одаривать всех отличившихся»: Мухаммад Нияза назначил правителем Ташкента, Касымбека определил как мингбашием, Утамбай-кушбеги остался невредимым под покровительством хана, а Нармухаммад-кушбеги остался жив в связи с тем, что он находился среди ташкентских лашкеров. Остальные кипчаки были казнены. Оставшиеся в живых бежали в Икки-су арасы (Междуречье). Посоветовавшись, они решили пригласить Мусульманкула и просить его возглавить борьбу. По прибытии Мусульманкула собрали всех бежавших и спрятавшихся кипчаков, разослали гонцов и в другие районы.

Узнав об этом, Худаяр-хан с военачальниками решили сформировать хорошо вооруженные правительственные войска и отправиться в поход на кипчаков.

Сражение началось с восходом солнца. Хан со своим правительством руководил сражением. Вперед была пущена артиллерия. Хан приказал открыть огонь из пушек и ружей по наступающим с трех сторон кипчакам. Затем была задействована конница. От поднявшейся пыли вокруг было ничего не видно, было трудно различить, где свои, а где чужие. Каждый сражался, как мог и защищал свою жизнь. Победа оказалась на стороне хана, который остался с немногочисленным отрядом войск. С кипчакской же стороны в живых не осталось никого.

Хан приказал трубить в карнай и бить барабаны. «Услышав победный клич, спрятавшиеся и бежавшие войска хана присоединились к нему». В тот вечер все предались отдыху. На следующий день прибыли бежавшие сипахи из Андижана, Шахрихана и Маргилана, и объединившись все вместе пошли на поле бывшего сражения и хан приказал захоронить всех погибших. Потом собрали все знамена и бунчики, погрузили

их на арбы. После этого хан с войском отправился в Былкилламу, где одно из кипчакских обществ, поймав Мусульманкула, сдало его в руки Худаяра. Мусульманкула посадили на арбу и отправили в Коканд в сопровождении Юлчибека-дадхаха, который благополучно прибыл в столицу и, сделав высокую виселицу, повесил его».¹

Здесь уместно отметить, что автор рукописи «Ансаб ас-салатин ва таварих-и ал-хавакин» датирует это выступление 1268 годом хиджры, т.е. 1852 годом. Эта дата неверна.

В Санкт-Петербургском отделении Института востоковедения АН России хранятся две рукописи – «Бадавлат-наме» и «Мактубча-и хон», автором которых является Мухаммад Умар ал-Маргинани (Умидий). Согласно «Мактубча-и хон», Мусульманкул бежал в Икки-су арасы и присоединился к Кор-оглы-кушбеги по имени Хотамкули и Мухаммад-аратальку. Когда об этом узнал хан, то приказал собрать многочисленное войско, подготовил пушки и орудия, раздал дары своим багадур-башиям и выступил в поход против кипчаков. Между ними в течение 26 часов продолжалось сражение. Погибло много людей. Победу одержали ханские войска, плененного Мусульманкула привели в Коканд и повесили.² А в «Бадавлат-наме» автор пишет, что в течение двух месяцев продолжалась резня кипчаков.³ Кроме того, также отмечается, что в волнениях приняли участие киргиз-кипчаки во главе с Мусульманкулом и Абдулла-дадхахом. Сражение между ними и ханскими войсками автор сравнивает со светопреставлением.⁴ В обеих рукописях говорится, что указанные события происходили в 1269 году хиджры, что соответствует 1852/1853 г., а по месяцам – 15 октября 1852 г. – 5 сентября 1853 г.

После разгрома кипчаков кокандский хан Худаяр написал письмо Российскому Императору, датированное 1269 г. х.⁵

¹ ИВ АН РУз. Рукопись, инв. № 3753, л. 100–105.

² СПб. Отделение ИВ АН России, ф.с. 575/590 оов/уйг., л. 6–7.

³ СПб. Отделение ИВ АН России, ф.с. 575/590 оов/уйг., л. 11–12.

⁴ СПб. Отделение ИВ АН России, ф.с. 575/590 оов/уйг., л. 11 об.

⁵ АВПР, ф. Главный архив, 1853 г., д. № 1, л. 27 об.

Председатель Оренбургской пограничной комиссии в своей докладной от 16 февраля 1853 г. на имя Оренбургского генерал-губернатора писал: «Таким образом, падение ташкентского кушбегия Нурмухаммеда и туркестанского бека подтверждены теперь официальными источниками, которые показывают также, что возставшие в Кокане сарты действительно замышляют гибель всем кипчакам и усиливают войска в Туркестане и Ак-Мечети»¹.

Из этих сведений явно прослеживается, что погром кипчаков происходил не ранее февраля 1853 г.

Ценнейшие сведения об этом событии имеются в «Материалах, относящихся к событиям в Хиве и Коканде...», автором которого является В. В. Григорьев. 3 апреля 1853 г. в Кокандское ханство были посланы для сбора сведений казах Бутенбай «местный начальник» и киргиз Ингельбай Тлеулин – «состоящий при управляющем Восточную частью Орды, рассыльным», которые после возвращения сообщили начальнику 53-дистанции есаулу Султану Сулейману Джегангирову собранные сведения. Согласно их сообщению, после ухода бывшего мингбаши Мусульманкула Худаяр-хан вступил в самостоятельное управление и «нашел нужным определить в высшие и низшие власти лиц из сартов, низведя всех сановников бывших из узбеков (кипчаков – Х.Б.), лишил многих из них, по степени вины, жизни, что, видя оставшиеся в живых узбекские (кипчакские) представители, в том числе и бывший в Ташкенте кушбеком – Нормамбет послал к Мусульманкулу, чтобы он прибыл к ним на защиту их, и, соединившись с ними, стал против сартов»² (т.е. узбеков).

Следуя пожеланиям своих соплеменников, Мусульманкул двинулся с войском к Коканду, а Худаяр-хан, прежде всего, приказал истребить всех кипчаков, «бывших под начальством Нормамбета и еще другого по имени Утенбай. Сему истреблению воинских чинов служило поводом то, чтобы они со своими полководцами не передались к Мусульманкулу, как еди-

¹ ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 14, л. 84.

² ИВ АН Рос., ф. 61, оп. 1, ед. хр. 13, л. 1–1 об.

ноплеменнику. Хотел также умертвить Нормамбета и Утенбая, но первый из них Нормамбет доводится родственником с женской стороны, главенствующему над воинскими силами Якуп-беку, то сей последний, выпросил у хана Нормамбету и Утенбаю жизнь, и они оба, наконец, находятся ныне в Кокане в виде арестантов в самом низком состоянии, семейство же Нормамбета без различия пола и возраста умертвлено. Таким образом, после истребления ханом среди своего войска всех чинов из узбеков (кипчаков) сам он с главными своими силами расположился лагерем, послав некоторую часть отрядов против Мусульманкула, который с этими отрядами вступил в бой, и после трехдневного сражения начал одолевать ханские силы, а когда донесено было об этом хану, то он со всеми своими свежими силами сделал решительный натиск на Мусульманкула, истребил все войска его до последнего киргиза, а сам Мусульманкул, наконец, схвачен живым, которого хан в г. Кокан привез, где публично на эшафоте... предал смерти».¹

Весной 1853 г. В. В. Вельяминов-Зернов был «командирован в Киргизскую степь Сибирского ведомства, в Среднюю и Большую Орду для свидания и секретных переговоров с Мусульманкулом, бывшим Мин-Башею Коканским. Пробыл в сей командировке с 25 марта по 1 июня 1853 г.»².

Указанный факт говорит о том, что Мусульманкул возглавил восстание после этой встречи. Можно утверждать, что даты секретных переговоров В.В.Вельяминова-Зернова и Мусульманкула были заранее обговорены, и, очевидно, назначены на конец марта или первые числа апреля, но не позже. Очевидно, Бутенбай и Ингельбай Тлеулин были посланы в Коканд проследить за действиями Мусульманкула после секретных переговоров. Дата возвращения этих казахов пока не установлена. Пока также не найдены материалы секретных переговоров, из которых можно было бы узнать дату и содержание встречи. А дата возвращения казахов дала бы возможность установить окончание восстания кипчаков и их погро-

¹ ИВ АН РФ, ф. 61, оп. 1, ед. хр. 13, л. 3 об.

² АВВР, ф. ДЛС и ХД, формулярные списки, оп. 464, д. 621, л. 25 об.

ма. Но, тем не менее, можно предположить, что казахи потратили на путь около месяца и месяц для сбора сведений. Поэтому можно считать, что они возвратились к концу мая или в начале июня 1853 г.

Известно, что 17 июня 1853 г. в Омск прибыло Кокандское посольство во главе с Юлдашбай Мирзажановым, по словам которого раньше кипчаки «управляли ханом по своему произволу и что только несколько месяцев тому назад Хан, освободившись от их владычества, узрел беспорядки своего управления и твердо намерен их искоренить, а паче всего будет заботиться о поддержании дружественных связей с Россиёю...».¹

Как видно из этого документа, хан до отъезда посольства был намерен «искоренить» кипчаков. Следовательно, можно предположить, что эти события происходили в середине 1853 г.

Анализируя данное «событие», можно назвать его восстанием кипчаков, ибо, погром их был спровоцирован сторонниками хана и направлен на полное истребление кипчаков. В этой ситуации кипчаки были вынуждены собрать оставшихся в живых мужчин и, сформировав войско, оказать вооруженное сопротивление, чтобы сохранить свой род.

Движущей силой восстания было все кипчакское население без исключения, независимо от занимаемого положения в обществе и должности. Причиной поражения восстания была неподготовленность из-за нехватки времени и неравенства сил. Кроме того, кипчакские военачальники были вероломно убиты по приказанию хана и его сторонников. Кипчаки на время утратили первенство в ханстве, было казнено более 20.000 человек. Но, тем не менее, они не сложили оружия, а тайно готовились вернуть утраченное положение и отомстить своим палачам.

ВОССТАНИЕ В 1854 г.

Погром кипчаков в 1853 г. не усмирил их. Тем более, что они не были покорены окончательно. Кипчаки вновь готови-

¹ АВПР, ф. Главный архив, 1–6 за 1853 г., д. 31, л.7 об. –8.

лись выступить против хана. Подробных сведений об этом пока нет, к настоящему времени найдены только несколько архивных документов, согласно которым в 1854 г. в Ферганской долине началось восстание.

По сведениям генерал-адъютанта Перовского от 16 мая 1854 г. «... в Кокане вспыхнул бунт между кипчаками, которые под предводительством Бия-Утенбая и сына умершвленного ханом бывшего Мин-Башия Мусульман-Чулака имели несколько стычек с коканцами, овладели двумя кокандскими городами: Андижаном и Маргиланом, разграбили их и намереваются предать той же участи и Ташкент».¹

В другом документе, от 16 августа 1854 г. Оренбургский генерал-губернатор писал генерал-губернатору Западной Сибири: «Не обнаруживая явно неприязни своей к нынешнему владельцу Кокана Худаяр-хану, Эмир не перестает тайно вредить ему, поддерживая волнения в Кокане, производимые кипчаками, восставшими против власти Хана, и направляя под разными благовидными предлогами войска свои к коканским пределам для грабежей...».²

Это восстание продолжалось и в ноябре месяце. Доказательством тому являются сведения от 20 ноября 1854 г. о том, что «...возмущения кипчаков и киргизов в Кокане продолжают еще до сих пор и потому выход хана с войском на границы владения поставит за Ташкентские его города в положение, не совсем безопасное от нападения бунтовщиков».³

Как видно из приведенных сообщений, восстание продолжалось более шести месяцев. В нем приняли участие кипчаки, а в конце, вероятно, к ним присоединились киргизы. Однако для определения характера восстания пока материалов не достаточно, поэтому данный вопрос можно считать открытым..

¹ ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед.хр. 15, л. 219.

² ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 15, л. 280.

³ ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 15, л. 337.

ВОССТАНИЕ РУСТАМ-ХАНА И МИРЗА-МУНАВВАРА

Р.Н.Набиев в монографии «Из истории Кокандского ханства», основываясь на сведениях В.П.Наливкина и автора рукописи «Тарих-и джахан-намаи», пишет, что «в 1271/1854-1855 гг., во время нахождения Худаяра в Андижане поднял мятеж один из видных потомков Махдуми Аъзама – Рустамхан-тюра, происходящий со стороны матери от бывшего кокандского хана Нарбуты».¹ Далее он кратко описывает ход событий.

В рукописи «Ансаб ас-салагин ва таварих-и ал-хавакин» также имеются некоторые сведения об этом восстании. Как сообщает автор, младший брат хана Суфибек – правитель Андижана пригласил Худаяр-хана на той. Когда хан уехал со своим правительством в Андижан, через несколько дней «тунеядцы» (муфтиюнлар, текинхурлар), став мюридами, восстали, решив провозгласить ханом Рустамхан-тюру. Когда Мухаммад Нияз мингбаши узнал об этом, он приказал тех «тунеядцев» арестовать и написал письмо хану, который приказал всех казнить. После кровопролития, казнив несколько человек, мингбаши отправил в Андижан к хану захваченных в плен Рустамхан-тюру, Мирза Каландара, Камбарбек понсадбаши и Касыма. Члены ханского правительства решили выслать их в Каратегин.² Автор данной рукописи, основываясь на сведениях Ишан Кары Кундузи, пишет, что эти события происходили в 1271 г.х.: (1854–1855).³

В.П.Наливкин считает, что восстание Рустамхана-тюру было в 1273 г.х. (1856).⁴

Очевидно, это восстание происходило летом 1855 г. Дело в том, что семья хана и его родственники проводили свадьбы и пиры обычно в самое благоприятное время года – летом и осенью. В конце 1854 г. происходило восстание кипчаков и киргизов, руководимое Утенбаем и Мулла Аликулом.

¹ Набиев Р.Н. Из истории Кокандского ханства. С. 53.

² ИВ АН РУз. Рукопись, инв. № 3753, л. 111–112.

³ ИВ АН РУз. Рукопись, инв. № 3753, л. 112.

⁴ Наливкин В.П. Краткая история Кокандского ханства, С. 185.

Имеющиеся архивные материалы за 1856 г., также умалчивают о восстании. Например, в одном из документов говорится, что «в течение последнего года (1856 – Х.Б.) не произошло ничего замечательного и Худаяр-хан продолжал править ханством, находясь в хороших сношениях со своими соседями».¹

Как указывалось, Р.Н. Набиев называет это событие «мятежом». Но, на наш взгляд, нужно иметь в виду, что Рустамхан решил поднять восстание из-за репрессий Худаяр-хана. По словам В.П. Наливкина, «Камбар-пансат ловит Рустема и приводит в урду, но кокандская чернь восстает, принимает сторону самозванца и изгоняет из столицы всех присланных сюда ханом. Несколько ханских чиновников были повешены народом, начинавшим уже и раньше этого довольно громко выражать свое неудовольство, первым поводом к которому послужила история с распродажей кипчакских земель. Восстанием этим руководил некий Мирза-Мунаввар»².

Как видно из этих сообщений, народ Коканда поддержали Рустамхана и изгнали карательный отряд. Восстанием кокандцев руководил Мирза-Мунаввар, который по социальному положению был простым писарем. Хотя он впоследствии и стал мирза-баши у Худаяр-хана, но, очевидно, хан обманом привлек его к себе на службу. Хан понимал, что Мирза-Мунаввар был популярным среди населения города и чтобы успокоить и сделать вид о примирении с лидером восставших, Худаяр принял его на службу. Но впоследствии Мирза-Мунаввар был выслан в Ташкент и там повешен.³

Р. Н. Набиев также писал, что «В. Наливкин причину восстания видел в насильной распродаже ханом кипчакских земель»⁴.

Ради справедливости отметим, что В. П. Наливкин в этом видел не причину, а «первый повод»⁵, так как кипчакские зем-

¹ ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 17, л. 295.

² Наливкин В. П. Краткая история Кокандского ханства. С. 186.

³ Наливкин В. П. Краткая история Кокандского ханства. С. 186.

⁴ Набиев Р. Н. Из истории Кокандского ханства. С. 53.

⁵ Наливкин В. П. Краткая история Кокандского ханства. С. 186.

ли были вынуждены покупать, наверное, имущие слои населения, которые имели достаточно денег. Тем не менее, мы считаем, что восстание Рустам-хана и Мирза-Мунаввара требует поисков дополнительных материалов, которые позволят объективно оценить это историческое событие.

ВОССТАНИЕ 1873–1876 гг.

Начало восстания. В рукописи «Ансаб ас-салатин ва таварих-и ал-хавакин» говорится, что киргиз Маъмур из рода мундуз вместе со своими людьми убил сборщиков подати, ограбил их и, собрав отряд, напал на кишлаки Джалалабад и Ханабад и разграбил их. В это время Худаяр-хан находился в Андижане, откуда направил андижанские войска против Маъмура. В результате сражения киргизы потерпели поражение. Многие из них были убиты и взяты в плен. Худаяр-хан для устрашения казнил всех пленных. Маъмuru удалось бежать. Через некоторое время он опять собрал сторонников и захватил крепость Узгента. Худаяр-хан, получив об этом известие, срочно направил шахриханские войска под предводительством Мулла Иса-Авлия и Халназара-турка с войсками против киргизов, которые опять потерпели поражение. Однако киргизы не успокоились, сформировав отряд, подошли к городу Ош, а также захватили урду Арабана, взяли оттуда оружие и ушли в горы. Худаяр-хан приказал правителю Маргилана Султан Мурадбеку вместе с усиленным отрядом Абдурахмана-Афтабачи разгромить киргизов. В результате сражения киргизы обратились в бегство. Несколько биев попали в плен.

Мусульманкул из рода киргиз-кипчак по совету нескольких киргизов отправился в Бухару искать ханзаду (принца). Он встретился с ханским потомком Пулатом (сын Мурадхана), однако тот отказался от предлагаемого престола Кокандского ханства. Затем он поехал в Ургендж к Музаффархану (сын Мухаммад Али-хана). Мусульманкул от имени народа сделал ему такое же предложение. Музаффар категорически отказался. После этого Мусульманкул был вынужден отпра-

виться назад. В Ташкенте он остановился в доме Муллы Абдолмумина сына Мухсинбая, где находился также Мулла Исхак – продавец насвая. Когда Мусульманкул рассказал о своих неудачах Мулла Абдолмину, тот посоветовал уговорить и увезти с собой Муллу Исхака и представить его как Пулатхана. Мулла Исхак дал свое согласие. После этого они прибыли в Чуст, чтобы соединиться с киргизским отрядом. Киргизы были очень обрадованы и, не подозревая подлога, подняли Муллу Исхака на белом войлоке и провозгласили ханом. Таким образом, Мулла Исхак стал лже-Пулатханом.

Худаяр-хан, узнав о новом претенденте на престол, направил против него войска. Состоялось сражение. Киргизы вместе с новоявленным ханом бежали. Через некоторое время они пришли к Касану и сумели договориться с кипчаками о совместных действиях. Через несколько дней кокандские войска направились к Касану. Кипчаки не были расположены к сражению, так как перед этим к высокопоставленным кипчакам приходили с письмом люди (очевидно, с просьбой от Абдурахмана-афтабачи, который также был представителем кипчакской знати и мингбаши у Худаяр-хана). В результате кипчаки не вступили в бой и киргизам пришлось отступить.¹

Дальнейшие события развернулись таким образом, что все киргизы и кипчаки объединились и двинулись с двух сторон в пределы Кокандского ханства. Города Узгент, Уч-Курган, Ош, Сузак и Булак-Баши были взяты восставшими. Уч-Курганский бек бежал, город Булак-Баши был razорен, около 3000 (по другим сведениям 5000) кокандских сарбазов перешли к восставшим, а 300 были взяты в плен. Хан послал Абдурахмана-Афтабачи и наманганского бека Иса-Авлию против восставших. Также было приказано выступить и другим бекам. Состоялся ряд сражений, в которых были убиты с обеих сторон. Оседлое население постепенно начало примыкать к восставшим. В городах Коканде и Андижане произошли сильные волнения и ожидали только прихода восставших, чтобы присоединиться к ним и свергнуть Худаяр-хана.²

¹ ИВ АН РУз. Рукопись, инв. № 3753, л. 156–159.

² ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 58, л. 178–180.

Восставшие, подозревая, что царское правительство может вмешаться и прийти с войсками на помощь Худаяр-хану, направили депутацию к Ходжентскому уездному начальнику для выяснения, какую позицию примет Туркестанское генерал-губернаторство в случае открытого их выступления.¹ Однако генерал-майор Эйлер приказал прекратить переговоры и немедленно удалить депутатов из Ходжента.

Получив отказ от начальника Ходжентского уезда, киргизы временно прекратили активные действия и попытались привлечь на свою сторону кипчаков, чтобы общими силами свергнуть Худаяр-хана.

Таким образом, восстание было временно прекращено в сентябре 1873 г.² Этот этап восстания был как бы пробой сил, генеральной репетицией перед общенародным восстанием. На этом этапе восстания оседлое сельское население не поддержало восставших.

Поддержка восставших оседлым населением. После непродолжительного затишья стали отмечаться отдельные волнения. Недовольные появились и среди оседлого населения и начали спланиваться вокруг второго сына Худаяр-хана – Мухаммад Амина и его дяди Батырхан-тюры. Хан, случайно узнав об этом, приказал схватить Мухаммад Амина и заключить его в тюрьму. Батырхан-тюря и шестнадцать его приверженцев были казнены.

25 июня 1874 г. Худаяр-хан написал письмо генералу Колпаковскому, в котором просил помочь в поимке одного из руководителей восстания – киргиза Мумына.⁴ А 12 сентября Колпаковский уведомил официально Худаяр-хана, что Мумин был захвачен на Чаткале и отправлен в Аулие-Ату.⁵

В 1874 г. «восстание сделалось почти всеобщим; оно соединило киргизов и кипчаков, и даже оседлые подданные хана

¹ ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 58, л. 322.

² ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 58, л. 368.

³ ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 60, л. 49.

⁴ ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 61, л. 48–49.

⁵ ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 60, л. 133.

начинают переходить на сторону восставших.¹

Киргизы, владея большими табунами, в случае неудачи восстания в любое время могли перекочевать в пределы Туркестанского генерал-губернаторства. Оседлое же население, не будучи столь подвижным и не располагая подобными перевалочными средствами, было бы вынуждено на месте выжидать своей участи и ему пришлось бы испытать всю тяжесть мести и гнева хана.

Поэтому в конце августа 1874 г. восстание было временно прекращено. На этом этапе администрация Туркестанского генерал-губернаторства оказывает содействие Худаяр-хану, которое проявляется особенно в поимке двух руководителей восстания: Мумина и Маъмира, а также удаляет Абдукаримбека из Ходжента в Ташкент. В этот же период также замечается содействие оседлого населения восставшим киргизам.

Уместно отметить, что оба этапа восстания временно прекращались осенью. Это можно объяснить тем, что в восстании принимали участие не только кочевники, но и полукочевники и земледельцы, которые должны были собрать выращенный урожай. Ханская власть также была заинтересована в этом, так как в это время они собирали натуральный налог с населения. Другой характерный момент – восставшие в основном были из горных и предгорных районов, где холода наступали рано, а зимой выпадал обильный снег. В таких условиях было трудно вести боевые действия.

Всеобщее народное восстание. В 1875 г. возобновились военные действия восставших, против которых были высланы три отряда из 4000 человек под руководством Абдурахмана-Афтабачи, Иса-Авли и Сарымсака ишик-агасы.

19 июля 1875 г. в Коканде стало известно о переходе Насреддинбека на сторону восставших и о занятии ими городов Ош, Наманган, Андижан и Ассака.² Таким образом, на сторону восставших перешли представители крупных феодалов, а

¹ С.-Петербургские ведомости, 1874. № 268; Туркестанский сборник. Т. 75. С. 48.

² ЦГВИА России, ф. 1396, оп. 2, ед. хр. 91, л. 1

также ханской династии.

20 июля 1875 г. пришло известие в Коканд о переходе на сторону восставших правителя Маргилана Султан Мурад-бека, брата Худаяр-хана. Восставшие взяли город Маргилан и прибыли к Алты-Арыку.

По словам А.А. Вейнберга, известие о приближении восставших к столице сильно повлияло на жителей Коканда. Базары закрывались, товары перевозились в более отдаленные места, на всех перекрестках диваны и дервиши проповедовали народу. Жители покупали оружие, и все они были озабоченными и встревоженными. Кроме лавок шорных, оружейных и кузниц, все было закрыто.

Волнения в городе Коканде усиливались. Видя такое положение и не надеясь на свою силу, Худаяр-хан решил просить военную помощь у русских и 20 июля 1875 г. он официально написал об этом письмо Туркестанскому генерал-губернатору К. П. фон-Кауфману.¹

Однако Худаяр-хан не был уверен, что русские войска успеют прийти в Коканд, поэтому он решил оставить столицу и бежать в Ташкент. Датой своего бегства он выбрал 22 июля 1875 г., так как нужно было подготовиться к этому, собрать свой архив, казну, многочисленную семью и т.д. Все это следовало произвести тайно, чтобы об этом не догадалось население столицы и сторонники восставших. О своем решении Худаяр-хан поставил в известность М. Д. Скобелева и А. А. Вейнберга, которые решили сопровождать его и не входить в какие-либо сношения с восставшими.

При этом А. А. Вейнберг просил полковника М. Д. Скобелева, принявшего начальство над сопровождавшим их взводом казаков, воздержаться от всяких враждебных действий против восставших и не считать также себя союзниками Худаяр-хана до получения приказаний Туркестанского генерал-губернатора по поводу его донесения и письма Кокандского хана.

21 июля 1875 г. закрепленные за Вейнбергом и Скобеле-

¹ ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 63, л. 48.

вым джигиты оставили их и ушли в неизвестном направлении. Вейнберг и Скобелев в этот день предупредили русских подданных, что они оставляют Коканд вместе с ханом, и предложили им присоединиться к ним. Четыре человека русских купцов: доверенные двух фирм Пупышевых, Быковско-го, Коншина, австрийский подданный Маучер и один татарин – доверенный братьев Каменских, с прислугой – всего девять человек – решили воспользоваться этим предложением; а остальные же мусульмане, но русские подданные, решили остаться в столице.

Затем А. А. Вейнберг отправил письмо Военному губернатору Сырдарьинской области, в котором просил дать распоряжение подготовить войска к выступлению в случае необходимости из Ходжента.¹

22 июля 1875 г. рано утром выяснилось, что половина ханского войска, находившегося в городе Коканде – около 4000 человек пехоты – вместе со вторым сыном хана Мухаммад Амин-беком ночью также ушли из столицы для воссоединения с восставшими. В этот же день передовой отряд Абдурахмана-Афтабачи дошел до урочища Караул-Тепе в трех ташах от Коканда.

В 10 часов утра хан намеревался бежать из города. Чтобы никто не догадался об этом, рано утром ханское войско – пехота и кавалерия, а также артиллерия были отправлены на позиции вне города. Войска двигались по середине улицы, по обеим сторонам же стоял народ, вооруженный ботиками, палками и камнями. Недалеко от дворцовой площади народ и войско до того столпились, что невозможно было двигаться. Через полчаса после появления русского посольства на площади, вышел из дворца Худаяр-хан, которого сопровождали Атабек-Наиб, Мирза Хаким-парваначи, Мулла Маъруф и др. Худаяр-хан на вид был спокоен. Он с четверть часа постоял под сводом главных ворот Урды, отдал последние приказания, потом сел на коня и сделал членам русского посольства знак рукою двигаться вперед, в авангарде.

¹ ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 63, л. 87.

Худаяр-хан побоялся направиться в сторону ворот Катта Газияглык, ведущих на Махрамскую дорогу, полагая, что народ не выпустит его. Поэтому, когда он пошел в сторону Муй-Мубарек, то все подумали, что хан идет на позицию с целью выждать там восставших и сразиться с ними.

А. А. Вейнберг, М. Д. Скобелев и сопровождающие его лица остановились у опушки кустарника на позиции Гаухана. 68 орудий разного калибра, из которых 4 заряжающиеся с казенной части, около 4000 пехоты и 2000 кавалерии составляли силы Кокандского хана.

Не прошло и полутора часа на стоянке, как Мирза Хаким сообщил, что хан направляется в дальнейший путь на Беш-Арык. Русское посольство и сопровождающие лица стали собираться, запрягать арбы и выючить лошадей. В это время стоявшая в 100 шагах от них ханская кавалерия пришла в волнение: она собралась в кучу, начала срывать значки с древков, посматривать то в сторону города, то на русское посольство, потом мгновенно вскочила в седла и с гиком поскакала в город. Артиллеристы, побросав орудия, также последовали их примеру, а пехота разбежалась по садам. Очевидно, им стало известно о намерении Худаяр-хана к побегу.

А. А. Вейнберг, М. Д. Скобелев и другие лица пошли к Худаяр-хану, которого застали стоявшим под большим красным знаменем и отстреливающим от наседавших на него людей. Потом русское посольство вместе с ханом и его свитой устремились в сторону Ходжента, которых преследовали восставшие.

Вместе с ханом прибыли в Ходжент младший сын хана Урманбек, Атабек-наиб, Мулла Маъруф, некоторые родственники хана, 643 человека свиты, в том числе 350 вооруженных людей, остальные – женщины, прислуга. Во время бегства были убитые и раненые. Потери русского посольства состояли из двух убитых и одного без вести пропавшего джигита, раненых казаков не было. У хана было убито восемь человек и ранено девять. Кроме того, хан потерял больше половины обоза.¹

¹ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 63, л. 83–97.

Один из махрамов Худаяр-хана, андижанец Мулла Мухаммад Умарбек, сопровождавший кокандского хана во время его бегства из Коканда в Ходжент, а оттуда в Ташкент и далее до Оренбурга, рассказал автору «Тарих-и Фаргана» Исхакхану, что свита Худаяр-хана прибыла в Ходжент в пятницу и остановилась в местечке Гульбах, расположенном на берегу Сырдарьи. Пробыв там день, она осталась ночевать в доме Камалхан-туры. Вечером Худаяр-хан тайно пригласил Мулла Мухаммад Умарбека, дал ему 6 тысяч таньга для расходов и приказал срочно ехать на коне в Ташкент к Саид Азимбаю, чтобы тот посоветовал, как поступить хану дальше. Рано утром он приехал в Ташкент к Саид Азимбаю и передал ему письмо от хана. Бай тут же приказал запрячь коляску и спросил у Муллы Мухаммад Умарбека, привез ли он денег? Когда он передал 6000 таньги, Саид Азимбай сказал, что эти деньги не пойдут и, спрятав их, взял 500 рублей, после чего они вместе поехали к одному русскому чиновнику (автор пишет «элчи», возможно они пошли к одному из иностранных послов или к адвокату). Когда ему изложили суть дела, он сказал, что скоро приедет генерал Кауфман, встретится с Худаяр-ханом и посоветует ему поехать к государю-императору. Однако хан должен отказаться от этой поездки и попроситься вернуться сначала в Коканд, чтобы успокоить народ, посадить там временно наиба, а затем съездить к императору.

С этим советом Мулла Мухаммад Умарбек вернулся к Худаяр-хану, который к тому времени уже находился в Пскенте в доме Юнус-мингбаши. Мулла Мухаммад Умарбек незаметно для других передал хану письмо с ответ. Хан, прочтя его, остался недовольным. Худаяр-хан опять отправил его в Ташкент, чтобы там еще раз посоветовались. Проделав тот же путь, он вновь прибыл к Саид Азимбаю, вместе с которым поехал уже к другому адвокату. Он тоже посоветовал хану отказаться от поездки к Императору и просить Кауфмана вернуть Худаяр-хана в Коканд. С этим ответом он поехал к хану, который уже выехал из Той-Тюбе. Ознакомившись с содержанием письма, хан вместе со свитой поехал в Ташкент и остановился в одном саду у «Арфа-базара», потом он пере-

селился в сад генерала Головачева, где прожил три дня. На четвертый день ему сообщили, что к нему едет Туркестанский генерал-губернатор К.П. фон-Кауфман.

Утром состоялась встреча Худаяр-хана с Кауфманом, который посредством переводчика обменялся приветствием, а потом сказал, чтобы хан выехал в Россию для встречи с Императором. Хан на это дал согласие. Во время аудиенции возле дверей стояли Мулла Мухаммад Умарбек, Мулла Маъруф-дадхах, Мирза Хаким-парваначи. После ответа Худаяр-хана Генерал Кауфман попрощался с ним и ушел. Когда Мулла Мухаммад Умарбек спросил Худаяр-хана, почему он не ответил Кауфману, как ему советовали, хан сказал, что во время аудиенции он все помнил, но не смог это выговорить генерал-губернатору.

В тот же день Туркестанский генерал-губернатор издал приказ. На следующий день хан со свитой отправился в Оренбург. Из приближенных Худаяр-хана следовали 75 человек, кроме них, под предводительством Атабек-Найба шли 650 сипахов. В Чимкенте Худаяр-хан что-то сказал Атабеку-наибу, после чего он вместе с сипахами ускакал в Коканд. Хан с оставшимися людьми прибыл в Туркестан, где прожил 5 дней и, попрощавшись с женщинами, которых он оставил в этом городе, направился дальше и прибыл в местечко Суран. Здесь он переночевал, а на следующий день, раздав немного денег своим сопровождавшим махрамам, он отпустил их и сам в сопровождении Мулла Маъруф-дадхаха, Касым-туксабы, Жамил-хазиначи, рабами Хурсандом и Муллача, Мирзабайсагир и Таджи-махрама поехал дальше¹.

После бегства Худаяр-хана кокандским ханом был провозглашен его сын Насреддинбек.

Сохранившиеся архивные документы удостоверяют, что Насреддинбек был провозглашен ханом 25 июля 1875 г.,² о чем 28 июля он сообщил в письме на имя Туркестанского ге-

¹ «Тарих-и Фарғона», ИВ АН РУз, рукопись, инв. № 10117, л. 80–84.

² «Тарих-и Фарғона», ИВ АН РУз, рукопись, инв. № 10117, л. 75. В другом документе написано 24 июля.

нерал-губернатора. Аналогичное письмо, но с более подробным разъяснением событий также было написано Абдурахманом-Афтабачи на имя К.П. Кауфмана.

Кауфман ответил, что он может его признать только при условии выполнения прежних обязательств, взятых предыдущими ханами, и при получении положительного ответа на его послание.¹ Из этого следует, что Кауфман пока официально не признал его ханом.

Не дожидаясь ответа Насреддинхана, Туркестанский генерал-губернатор 6 августа 1875 г. написал военному министру, что если новое правительство Коканда не сумеет поставить себя в дружеские соседские отношения к русским, то не следует откладывать завоевание ханства.²

На этом этапе восстание охватило широкие круги народных масс и стала очевидной их победа. В связи с этим феодальная верхушка решила присоединиться к восстанию и повернуть ход событий в свою пользу, что побудило Худаярхана к побегу. Тем самым восставшие добились первой своей цели – свержения ненавистного им хана. Однако ожидаемого облегчения они не получили. Вместе с этим усилилась борьба за власть.

На этом этапе также завершается и первый период восстания. В ханстве складывалась новая обстановка – назревала гражданская война. Резко выделились два основных противоборствующих лагеря в лице Абдурахмана-Афтабачи и Пулатхана. Необходимо было предотвратить это и объединить враждующие силы под единым знаменем. Этим знаменем Абдурахман-Афтабачи выбрал «газават».

Начало народно-освободительного движения. Согласно сведениям, собранному генерал-лейтенантом Головачевым, кокандцы хотели занять Кураминский уезд. Они надеялись, что население поддержит и присоединится к ним. С этой целью кокандское правительство выслало 2000 воинов: 1000 – в Аблык, 500 – в селение Бука, 500 – в урочище Каракия. Кро-

¹ ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 63, л. 121–122.

² ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 63, л. 132.

ме того, были еще небольшие отряды по 200 человек, которые стояли в Акча-кишлаке (недалеко от Аблыка) и намеревались пробраться в Паркент. Еще одна группа заняла позиции Кош-рабата.

7 августа в 5 часов вечера генералу Головачеву стало известно, что в 3 часа дня к селению Аблык подошли кокандцы – 1000 человек с 2 орудиями. Аксакал этого селения предположил, что их было около 10.000. В полночь к Кауфману с сообщением об этом приехал Головачев. Генерал-губернатор тотчас же отдал приказание выступить с 1-ым стрелковым батальоном, 4 конными орудиями и 4 сотнями казаков. (ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 63, л. 137.) Страх перед восставшими был настолько велик, что побудил «главного начальника края вооружить бессрочно-отпускных нижних чинов и раздать из арсенала оружие русским жителям г. Ташкента».¹

В тот же день К. П. Кауфман направил военному министру телеграмму: «Усилия мои к мирному разрешению вопроса не увенчались успехом. Сегодня ночью получено известие, что неприятель в числе 10.000 вторгнулся в наши пределы со стороны Намангана к Тиляу. Генерал Головачев с отрядом выступил против него; о выступлении остальных войск к Ходженту делаются распоряжения. Телеграммоу испрашиваю согласия Министра финансов об открытии кредита на сто тысяч рублей».²

Эту телеграмму показали Императору, который сделал пометку: «1. Весьма неприятное известие... 2. Вероятно преувеличено (против слов «в числе 10 тысяч») и 3. «Надобно исполнить» (под словами «на сто тысяч рублей»). Об открытии кредита сообщено Управляющему министру финансов... 12 августа № 574».³

Таким образом, открытие означенного кредита можно было считать официальным согласием царского правительства на ведение военных действий против восставших кокандцев.

¹ ЦГИА России, ф. 560, оп. 21, ед. хр. 335, л. 5.

² ЦГА РУз, ф. И-715, оп 1, ед. хр. 63, л. 136.

³ ЦГА РУз, ф. И-715, оп 1, ед. хр. 63, л. 136.

С 9 по 12 августа 1875 г. отмечались небольшие столкновения между царскими и кокандскими войсками.

13 августа, учитывая создавшееся положение и в целях предотвращения дальнейшего развития восстания, которое приняло форму газавата против колонизаторов, К.П. Кауфман написал воззвание к народу¹, которое не имело никакого влияния. Напротив, Афтабачи роздал в селения значки и они сами сформировали отряды.

14 августа 1875 г. Абдурахман-Афтабачи вывел против отряда Савримовича свои войска при 6 орудиях. Сражение длилось до 4 часов дня. Кокандские войска потерпели неудачу.²

22 августа 1875 г. произошло крупное сражение под Махрамом. Впоследствии К. П. Кауфман напишет Д. А. Милютину, что махрамский погром действительно решил участь Кокандского ханства.³ В действительности, под Махрамом войска восставших потерпели крупное поражение. Причиной его, в основном, являлось то, что отряды повстанцев были не обучены, не организованы и слабо вооружены: шашками, пиками, рогатками. Только незначительная часть имела фитильные ружья и совсем мизерное количество хорошие ружья. У повстанцев было также несколько фальконетов и пушек, однако, они ими плохо владели. Повстанцы в наступление шли толпой, не соблюдая дистанции. В результате этого, каждый выстрел царских войск попадал в цель и наносил большой ущерб кокандцам. От каждого выстрела ракетной батареи и других орудий погибало много восставших, противостоять которым они не могли. В этом сражении кокандцы заранее были обречены на полный разгром, но восстание еще не было подавлено.

26 августа 1875 г. отряд под командой К.П.Кауфмана выступил из Махрама к Коканду. На первом переходе он был встречен посольством с подарками и письмом от Насреддин-

¹ ЦГА РУз, ф. И-715, оп 1, ед. хр. 63, л. 196.

² ЦГА РУз, ф. И-715 оп. 1, ед. хр. 63, л. 210–211.

³ Москва, ГПБ, отдел рукописей, ф. 169, оп. 65, ед. хр. 26, л. 1.

хана. Генерал-губернатор подарки не принял, но письмо взял. 27 августа он отправил обратно кокандское посольство и передал устно Насреддинхану, что он будет иметь с ним личные переговоры, но не иначе, как под Кокандом. Он также объявил, что если жители Коканда встретят его, т.е. К. П. Кауфмана, с хлебом-солью, то он зла им не сделает, но если они будут драться – пощады городу не будет.¹

29 августа 1875 г. К. П. Кауфман телеграфировал Императору, что войска подошли к Коканду и заняли без боя Сары-Мазарские ворота города и ближайшие к нему барбетты. В этой телеграмме он также просил присоединить Кокандское ханство или ограничиться занятием правого берега Сырдарьи и Нарына.²

Ответ на эту телеграмму он получил 2 сентября 1875 г. Военный министр сообщил, что государь Император изволит признавать дальнейшее распространение пределов Империи в Азии противным общим интересам государства, и потому, несмотря на все затруднения, встречаемые для водворения спокойствия и порядка в сопредельных русским азиатским владениям, Его Величеству не угодно, чтобы владения эти были занимаемы русскими войсками. После наложения на кокандцев контрибуции, которая покрывала бы по возможности военные издержки, необходимо изыскать возможность к тому, чтобы водворить в Кокандском ханстве какое-либо местное управление, которое могло бы держаться у власти без постоянного присутствия русских войск. При таком счастливом исходе дела едва ли нужна будет необходимость присоединения к России какой-либо части Кокандской территории. Тем не менее, Его Величество оставляет этот вопрос открытым впредь до получения от К. П. Кауфмана обстоятельных письменных разъяснений».³

31 августа К. П. Кауфман получил письмо от Абдурахмана-Афтабачи и представителей всех родов кочевого населения

¹ ЦГВИА РФ, ф. 1396, оп. 2, ед. хр. 91, л. 254–254 об.

² ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 63, л. 346.

³ ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 63, л. 387–388.

(всего было приложено 70 печатей), которые просили предоставить им такое же спокойствие, каким пользуются жители Коканда и местности Махрама. Однако К. П. Кауфман потребовал, чтобы Абдурахман и все представители родов явились к нему в лагерь для личных переговоров.¹ Но как видно из последующих событий, это требование не было выполнено.

12 сентября 1875 г. К. П. Кауфман в письме к Д. А. Милютину сообщил, что, прибыв в Маргилан, принял депутацию от города и наложил на все Маргиланское бекство пеню 125000 тилля, что составляло по наименьшему курсу (1 тилля = 4 рубля) 500 тысяч рублей. Эта пеня была наложена за то, что маргиланцы не выдали К. П. Кауфману предводителя восстания Абдурахмана-Афтабачи, который простоял 10 дней у города с 10 тыс. человек при 4-х орудиях и, не приняв бой, отступил.²

Изученные материалы показывают, что хотя пламя восстания охватило всю территорию ханства, среди руководителей не было единства. Было несколько претендентов на ханский престол, в связи с чем силы были раздроблены. Основными претендентами со своими многочисленными сторонниками выделялись Насреддин-бек и Пулатхан.

По имеющим архивным и рукописным источникам, в этом газавате мы не видим активного участия самого Пулатхана и его ближайших сторонников. Поэтому кокандские войска потерпели поражение под Махрамом и К. П. Кауфману удалось впоследствии, без боя взять Коканд, Маргилан и Ош.

Общепародное освободительное движение. 22 сентября 1875 г. К. П. Кауфман пригласил в Маргилан Насреддинхана и навязал ему договор на кабальных условиях. В этом аспекте представляет определенный интерес письмо Насреддинхана, адресованное К. П. Кауфману, где говорится о невозможности сбора контрибуции, а также содержится признание хана в том, что народ не поддерживает его и он отказывается быть ханом и просит избавить его «от этого счастья».³

¹ ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 63, л. 384.

² Москва, ГПБ, отдел рукописей, ф. 169, оп. 65, ед. хр. 26, л. 1–1об.

³ ЦГВИА России, ф. 1393, оп. 1, ед. хр. 81, л. 495–495 об.

Против этого договора еще до его подписания высказались видные предводители, о чем свидетельствуют архивные документы.

Туркестанский военный округ. Полевой штаб войск действующих в Кокандском ханстве. № 1089. 6 ноября 1875 г. Ходжент. Военному министру. РАПОРТ

Во время расположения действующего отряда, в истекшем сентябре месяце сего года, лагерем под г. Маргиланом, при заключении мирного договора с ханом Кокандским, мною командированы были в Маргилан, где в то время, во дворце жил хан (Насреддин – Х.Б.) со своими сановниками, состоящий при мне по дипломатической части коллежский советник Вейнберг и переводчик надворный советник Ибрагимов, которым я поручил прочесть вместе с Ханом, в присутствии его сановников, все статьи проекта мирного нашего договора с Коканом и в случае надобности дать при этом соответствующие объяснения.

Во время этих занятий трое из находившихся при хане его сановников: Мулла Исса-Аулие, главный виновник возмущения в июле сего года против Худояр-хана и вооружённого движения против нас, и его клеветы: Зюльфикар и Махмут-Хан-Тюря, позволили себе, в присутствии наших чиновников, наглубить хану, при чём ими явно были высказаны враждебное настроение против нас и нежелание подчиниться условиям предлагавшегося мирного договора.

Чтобы показать пример и вместе с тем удалить из ханства этих зловредных и упорно-враждебного настроения против нас лиц, я на другой же день, по совершении ими вышеуказанного поступка, распорядился высылкою Муллы Исса-Аулие, Зюльфикара и Махмута-Хан-Тюря, под конвоем, из Маргилана, чрез Ходжент, в Ташкент и затем далее в Оренбург.

Ныне Генерал-Адъютант Крыжановский, телеграммою от 4-го сего ноября, уведомляя меня о доставлении в Оренбург

упомянутых трёх лиц, просит сообщения, как поступить с ними далее.

Имею честь испрашивать распоряжения Вашего Высокопревосходительства о помещении на жительство, под строгим надзором, трёх названных кокандских мятежников, порознь, преимущественно в те северные губернии России, где нет мусульманского населения.

До воспоследования распоряжения Вашего Высокопревосходительства я просил Генерал-Адъютанта Крыжановского о задержании их под стражею в Оренбурге.

Командующий войсками Генерал-Адъютант Фон Кауфман I.

Начальник Штаба Свиты Его Величества Генерал-Майор (подпись).

Министерство военное. Доклад по Главному Штабу. Азиатская часть. 31 декабря 1875 года. № 53.

О водворении на жительство в северных губерниях Империи трёх высланных из Коканского ханства лиц (Сбоку резолюция: Высочайше повелено исполнить. Ген. ад. подпись. 10 января 1876 г.)

Туркестанскому генерал-губернатору. 16 января № 21

Министру Внутренних Дел. 16 января № 24

Главный Начальник, действовавший в Коканском ханстве войск, во время расположения экспедиционного отряда в г. Маргилане, признал необходимым, для спокойствия Коканского ханства, выслать из оногo трёх главных деятелей вооружённого против нас движения: Муллу Исса-Аулия, Зюльфикара и Махмудхана-тюря, осмелившихся, в присутствии русских уполномоченных для заключения мирного договора, оскорбить дерзкими выражениями молодого хана Наср Эдина, причём открыто выказали самое враждебное к России настроение.

Распорядившись о дальнейшей высылке названных трёх лиц в Оренбург, Генерал-Адъютант фон-Кауфман 1-й ходатайствует о водворении их на жительство, каждого порознь и под строгим надзором, в тех северных губерниях Империи, где нет мусульманского населения.

По предварительному о сём сношению с Министром Внутренних Дел, Генерал-Адъютант Тимашёв уведомил, что для жительства поименованных Коканцев, он полагал бы назначить губернии: Архангельскую, Олонецкую и Вологодскую.

Испрашивается: Благоугодно ли будет Вашему Императорскому Величеству Высочайше повелеть: высланных из Коканского ханства муллу Исса-Аулие, Зюльфикара и Махмуд-ханатюря водворить на жительство, каждого порознь и под строгим надзором в Архангельской, Олонецкой и Вологодской губерниях.

Приписка: Мулла Исса-Аулие перемещён на жительство из Архангельской губернии в Калужскую в 1880 г. и прописан в общ. Сих дел за 1880 год.

Исса-Аулие в 1883 году возвращён на родину.

Подпись.

Министерство военное. Главный Штаб.

Азиатская часть. 16 января 1876 г. № 21.

Командующему войсками Туркестанского военного округа

По всеподданнейшему докладу представления Вашего Высокопревосходительства о водворении на жительство высланных по распоряжению Вашему из Кокандского ханства в Оренбург: Муллы Исса-Аулие, Зюльфикара и Махмуд-ханатюря в тех и за северных губерний Империи, где нет мусульманского населения, Государь Император, в 10-день сего Января, Высочайше повелеть соизволил: поименованных трёх коканцев водворить на жительство каждого порознь и под строжайшим надзором, согласно заключению Министра

Внутренних Дел, в губерниях Архангельской, Олонецкой и Вологодской.

О таковой Высочайшей воле сообщено Генерал-Адъютанту Тимашёву для зависящих распоряжений по препровождению поименованных лиц в назначенные для жительства их губернии.

Подписи: Начальник Главного Штаба Генерал-Адъютант Граф Гейден.

Заведующий Азиатскими Делами Полковник Прошенко.

Верно: Надворный Советник (подпись).

Вышеназванный договор от 22 сентября 1875 г. лег тяжёлым бременем на плечи населения. К. П. Кауфман предлагал устрашить население Кокандского ханства контрибуцией и дополнительными пенями для Маргиланского вилаята, которые вылились в огромную сумму. Он был уверен, что они испугаются новых контрибуций и больше не будут поднимать восстание. Однако, если определенная часть населения смотрела на К. П. Кауфмана как на освободителя, дарящего им мир и спокойствие, то после этого договора они стали понимать, чего стоил этот мир. И хотя этот договор был подписан, тем не менее, он не устраивал население ханства. Весь народ возмутился. Начинался новый этап восстания – общенародного освободительного движения.

На политическую арену опять выходит Пулатхан. Сразу после подписания договора он и его сторонники проводят усиленную агитационную работу среди населения. Понимая всю серьезность этой деятельности Пулатхана, Туркестанский генерал-губернатор К. П. Кауфман был вынужден обратиться к населению ханства с воззванием, в котором отмечает, что не успел отойти от Маргилана, как уже через два дня до него дошли слухи, что Пулатхан начал собирать своих сторонников и агитирует народ. К. П. Кауфман в воззвании выразил надежду, что Насреддинхан сумеет разбить повстанцев, а в

этом деле ему должно помочь население ханства, в противном случае он пошлет карательный отряд.¹

Недовольство договором проявилось и в городе Коканде, где также начались выступления, доказательством чему является письмо К. П. Кауфмана от 26 сентября 1875 г. на имя Насреддинхана: «...До меня дошли слухи, что некоторые люди и в г. Коканде также позволяют себе высказываться против состоявшегося между нами соглашения. Люди эти, вероятно, другого языка, кроме крови, не понимают. Примите немедленно меры, чтобы злоумышленники эти были найдены и строго наказаны. Для Вашего спокойствия и блага народа это необходимо».²

Заслуживают внимания «Подробные донесения о военных действиях в бывшем Кокандском ханстве с 25 декабря 1875 г. по 7 февраля 1876 г., «составленные М. Д. Скобелевым. Согласно этому документу «... власть, к тому времени утвердившаяся в ханстве, в лице своих двух представителей – Пулатхана и Абдурахмана-Афтабачи – вышла из порядка вещей заведомо нам враждебного. Тем самым она оказывалась направить свою деятельность к обратному присоединению части нами занятой. Эта власть, главным образом, опиралась на сильных в ханстве племенах-кипчаках»³.

Таким образом, из этого донесения явно просматривается народно-освободительный характер восстания. Царских генералов беспокоил глава кипчаков Абдурахман-Афтабачи, который поддержал Пулатхана и таким образом сумел объединить враждовавших между собою кипчаков и киргизов и придал им известную силу. По словам М. Д. Скобелева, «этой силе удалось ниспровергнуть образованное по воле Его Высочайшего правительства правительство Насреддина».

Утвердившись в Маргилане, Пулатхан и Афтабачи соединили около себя воинственные элементы оседлого населения, овладели материальными средствами страны и это дало им

¹ ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 63, л. 603.

² ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 63, л. 619.

³ ЦГВИА России, ф. 1393, оп. 1, ед. хр., 80, л. 194.

возможность продолжать войну».¹

1 октября 1875 г. царские войска под командованием генерал-майора Троицкого подошли к самому городу Андижану и взяли его штурмом. Обстрел города продолжался 2 часа.

Восстание готовилось и в городе Коканде, о руководителях которого сообщил К. П. Кауфман Насреддинхану, а также посоветовал ему «арестовать их и принять меры, чтобы задержанные не могли бежать. И если Насреддинхан сочтет нужным, то пусть прикажет их казнить».² Однако хан арестовал их и некоторых отправил к К. П. Кауфману, чтобы тот поступил с ними по своему усмотрению.

Этот поступок Насреддинхана сильно возмутил население не только города Коканда, но и всего ханства. Воспользовавшись этим обстоятельством, Абдурахман-Афтабачи, Пулатхан и другие руководители восстания разослали во все города и кишлаки письма, в которых призывали свергнуть Насреддинхана с престола. Очевидно, в эти дни Пулатхан и Абдурахман-Афтабачи вели переговоры о совместных действиях.

Архивные материалы освещают этот эпизод следующим образом: 9 октября 1875 г. рано утром со штурмом дворца хана началось восстание жителей города Коканда. Штурм длился около трех часов. Насреддинхан был вынужден бежать. По сообщению начальника Ходжентского уезда, хан и небольшое число верных ему людей переправились в брод через реку Сырдарья на правый берег и только тогда прекратилось преследование.⁴

В этом восстании принимали участие и жители окрестных кишлаков Коканда, которые откликнулись на призыв Абдурахмана-Афтабачи и Пулатхана. Они пришли в столицу, где вместе с горожанами овладели орудиями, причем артиллеристы тоже присоединились к ним. Во время штурма дворца был убит Атабек-наиб. Восставшие разграбили дворец хана, зах-

¹ ЦГВИА России, ф. 1393, оп. 1, ед. хр., 80, л. 194 об.

² ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 64, л. 58.

³ ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 64, л. 73.

⁴ ЦГА РУз, ф. И 715, оп. 1, ед. хр. 64, л. 93–94.

ватали в плен Султан Мурадбека и уничтожили дом Мирза Хакима-парваначи, считавшийся лучшей постройкой в Коканде.¹

Как видно из вышеописанных событий, восстание приняло освободительный характер. В нем принимали участие также часть населения Туркестанского генерал-губернаторства. В освободительном движении участвовали почти все слои коренного населения региона. На этом этапе основной целью восстания было освобождение территории, занятой царскими войсками, и восстановление бывшей границы Кокандского ханства.

Поражение народного движения. 20 ноября 1875 г. Пулатхан находился в Маргилане, откуда приказал выслать из Коканда по направлению к Ак-Джарской переправе до 4000 человек, которые прибыли к месту назначения и расположились в окрестных кишлаках.

По некоторым сведениям, Пулатхан приезжал 14 декабря в Коканд, жители которого встретили его с большим почетом: дорога от дворца до кишлака Мазанник была устлана коврами и т.д.²

16 января 1876 г. военный министр Д.Милютин прислал весьма секретное письмо находящему в С.-Петербурге в отпуске командующему войсками Туркестанского округа К.П. Кауфману, в принципе решившего судьбу Кокандского ханства: «Милостивый Государь Константин Петрович! Содержание записки Вашего Высокопревосходительства, в коей изложено мнение Ваше о предстоящем нам образе действий по отношению к Кокандскому ханству, доложено мною Государю Императору. Его Величество, в виду приведенных вами доводов в пользу необходимости решительных мер к обеспечению порядка и спокойствия на границах Сырдарьинской области и для поддержания значения нашей силы в Средней Азии, высочайше разрешить соизволил занять и остальную часть Кокандского ханства, когда Ваше Высокопревосходи-

¹ ЦГА РУз, ф. И 715, оп. 1, ед.хр. 64, л. 96.

² ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 66, л. 372.

тельство признает это неизбежным. Примите, Милостивый Государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности».¹ После получения этого согласия К.П.Кауфман все свои действия направил на полный захват Кокандского ханства, но содержание вышеназванного разрешения держал в строжайшей секретности. Даже исполняющий должность Туркестанского генерал-губернатора Колпаковский не знал об этом до 2 февраля 1876 г.

Дальнейшие события развернулись таким образом, что зимняя экспедиция в Икки-Су-арасы привела к повторному «взятию и совершенному разорению г. Андижана, к полнейшему поражению кипчаков при Ассаке и, наконец, добровольной капитуляции их главного предводителя Абдурахмана-Афтабачи и прочих кокандских вождей с их приверженцами...»².

Таким образом, на этом этапе еще раз подтвердилась историческая закономерность о предательстве феодалов в критический момент народных восстаний. В связи со сдачей Абдурахмана-Афтабачи, одновременным роспуском многочисленного ополчения судьба восстания и народно-освободительного движения фактически была предрешена на поражение.

Пулатхан, узнав о предательстве Абдурахмана, казнил его ближайших родственников и друзей, после чего бежал в Каратегинские горы. Однако из-за опасения быть выданным Каратегинским правителем Рахим-Шахом русским властям, бежал за Алай к кочующим там киргизам.³

30 января 1876 г. Насреддинбек прибыл в Коканд, где его провозгласили ханом.⁴

2 февраля 1876 г. К.П.Кауфман телеграфировал из Петербурга временному командующему войсками Туркестанского округа генерал-майору Колпаковскому: «Снисходя к общему желанию всего Кокандского народа, принять подданство Рос-

¹ ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 66, л. 133.

² ЦГВИА России, ф. 1393, оп. 1, ед. хр. 80, л. 79 об.

³ ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 66, л. 292.

⁴ ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 66, л. 261.

сии, а также, не видя возможности успокоить население другим образом, Государь Император повелел соизволить, ныне же, принять ханство в подданство Его Величества, поручая Вам самим занять ханство войсками таким способом: четвертый линейный батальон и три роты седьмого батальона, вторую батарею, четыре сотни казаков сосредоточить в Беш-Арыке; откуда направиться в город Кокан; резерв к этим войскам направить немедленно туда же; шесть облегченных пушек из Ташкента с таким числом казаков, какое найдется, с частью саперов и ротою четвертого стрелкового батальона; заряды, патроны один комплект, другой свезти в Ходжент; в Махраме оставить роту и два орудия. Генералу Скобелеву направиться к Кокану через Ассак и Маргилан. Объявляю народу о принятии в подданство Великого Государя; размер отряда Скобелева предоставить ему, расположив гарнизон в Андижане, но в составе отряда Скобелева должен быть весь третий стрелковый батальон, который предлагаю оставить в городе Кокане вместе с четвертым батальоном, усилив двумя ротами седьмого батальона; возьмите с собою полковника Богаевского для немедленного укрепления Коканской урды: поручить в Ташкенте управление краем и войсками Головачеву. Полагаюсь на Вашу распорядительность; о дальнейших действиях буду ожидать донесения по распоряжению войск. Бывшее Кокандское ханство переименовать в Ферганскую область; начальником области Скобелева. Наср-Эддина пока в Ташкент».¹

Официальное провозглашение Кокандским ханом законного наследника престола Насреддинбека ввело в замешательство генерала Колпаковского. Начальник Ходжентского уезда барон Нольде запрашивал у генерал-лейтенанта Головачева разрешение «послать к Наср-Эддину небольшую туземную депутацию с поздравлением».² А генерал-майор М. Д. Скобелев, не зная о приказе занятия Кокандского ханства, вносил предложение Колпаковскому о необходимости немедленно

¹ ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 66, л. 254.

² ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 66, л. 261.

установить правительство под непосредвенною нашею опекою, или занять ханство нашими войсками»¹. В этих обстоятельствах Колпаковский 2 февраля послал телеграмму К. П. Кауфману о провозглашении Насреддинбека ханом. На это Кауфман 4 февраля ответил телеграммой: «Нет ручательства, что вступление Наср-Эддина Кокан умиротворит ханство, потому не предстоит изменения, данных вчера»².

Таким образом, Колпаковский получил от Кауфмана повторное указание о занятии Кокандского ханства, в связи с этим 4 февраля он послал телеграмму генералу Скобелеву: «Высочайшее повелено мне занять Коканское ханство, из него образуется Ферганская область; начальником области Ваше Превосходительство. Спешу поздравить и уведомить, что движение к Кокану предписывается произвести с востока под вашим начальством таким числом, какие Вы признаете нужным, но с тем, чтобы в составе вашего отряда находился 3-стрелковый баталион, который с 4-линейным останется в Кокане; с юго-запада направится четвертый линейный баталион, три роты седьмого, вторая батарея, четыре сотни; отряд этот соберется Беш-Арыке приблизительно 16 февраля. Обеспечьте гарнизоном Андижан, следуйте на Ассакке к Маргелану, рассчитайте так ваше движение, чтобы 19 февраля одновременно юго-западным отрядом подойти Кокану. Объявите народу о принятии в подданство Великого Государя. Подробности Боголюбовым».³ 5 февраля генерал Скобелев также получил телеграмму непосредвенно от самого Кауфмана и немедленно двинулся отрядом к Коканду.⁴

Очевидно, К.П.Кауфман опасался нерешительности Колпаковского, поэтому послал телеграмму непосредвенно и самому М. Д. Скобелеву. Однако к этому времени было еще мало желающих принять русское подданство среди населения ханства. Так, по словам Скобелева, «в Коканском ханстве рез-

¹ ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 66, л. 255.

² ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 66, л. 292.

³ ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 66, л. 271.

⁴ ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 66, л. 311.

ко выделяется 3 партии: богатое купечество, издавна составляющее русскую партию, безусловно, желает присоединения к России: духовенство, народ – сила, настоящую минуту нерасположенная, сторонниками Наср-Эддина, остаются служащие...»¹.

7 февраля 1876 г: в кишлаке Якка-Мулла произошла встреча с Насреддинбеком, который повиновался объявленной ему воле царя.² В этот же день Колпаковский направил коканцам прокламацию, в которой, в частности, писалось: «Нынче же весь Кокандский народ, как оседлый, так и кочевой, принять в Российское подданство, а земли, им занимаемые, составлявшие прежде Кокандское ханство, присоединить к Российской Империи, под названием Ферганской области... Религия и имущество ваши останутся неприкосновенными, а народный обычай и суд будут сохранены, в той мере, насколько они не противоречат общим законам Империи...»³.

8 февраля из Коканда привезли имеющиеся там 29 орудий и сдали царским войскам, остальные находились еще у защитников города. А в 11 часов царские войска вступили в Коканд с четырьмя ротами пехоты, четырьмя сотнями казаков, ротою конных стрелков, ракетною батареею и шестью орудиями и, заняв урду, укрепились в нем. Комендантом Коканда назначили полковника Меллер-Закомельского, начальником – майора Ястрежембского. По словам генерала Колпаковского, «население Кокана встречало на улицах меньшим выражением радости по случаю присоединения», и объясняет «такое настроение сближению Наср-Эддина сторонниками газавата, выразившемся приглашением к себе на службу людей, наиболее враждебных России, Абдугаффарбека, Абду-Мумына... и других менее влиятельных, сбором сарбазов, враждебных русской власти, хотя, может быть, необходимым для экс-хана». Кавалерийский авангард «под командою Меллер-Закомельского Андижанского отряда» присоединился также 8 февраля,

¹ ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 66, л. 285.

² ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 66, л. 311.

³ ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 66, л. 295–296.

пройдя 140 верст за 31 час.¹

9 февраля были арестованы Батыр-Тюра и Абду-Мумын.² По распоряжению генерала Скобелева, 30 джигитов вместе с жителями Маргилана, Оша и киргизами были посланы на поимку Пулатхана. В ночь с 18 на 19 февраля 1876 г. Пулатхан был арестован в Алайских горах.³

19 февраля 1876 г. военный министр Д. Милютин официально объявил, что «Государь Император, согласно представлению Командующего войсками Туркестанского военного округа, в 19-й день сего февраля, Высочайше повелеть соизволил:

1. Вновь занятую русскими войсками территорию, составлявшую до прошлого 1875 г. ханство Кокандское, включить в границы Империи и образовать из нея область Ферганскую.

2. Управление в новой этой области предоставить Туркестанскому генерал-губернаторству ввести, применяясь к настоящим обстоятельствам и местным условиям в виде временного положения, подобно, тому, какое было введено в Зеравшанском и Амударьинском отделах. В свое время это временное положение представить на Высочайшее утверждение.

3. Расходы на управление во вновь открываемой области обращать на имеющиеся поступать с населения этой области доходы, которым вести отчетность на тех же основаниях, какия были установлены для доходов с Амударьинского, Кульджинского и Зеравшанского отделов.

4. Военным Губернатором Ферганской области и командующим в оной войсками назначить свиты Его Величества Генерал-майора Скобелева»⁴.

После официального объявления о ликвидации Кокандского ханства и образовании Ферганской области, царские генералы пытались подавить все очаги оставшихся отрядов восставших. 1 марта 1876 г. в городе Маргилане повесили Пулат-

¹ ЦГА РУз, ф. И-715, оп.1, ед. хр. 66, л. 311–312.

² ЦГА РУз, ф. И-715, оп.1, ед. хр. 66, л. 311.

³ ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 66, л. 371.

⁴ ЦГИА России, ф. 1291, оп. 32, ед. хр. 3, л. 1–2.

хана (Мулла Исхака).

Таким образом, царским правительством было официально признано занятие Кокандского ханства, упразднение его и образование на его территории Ферганской области. Однако это не означало полного и окончательного подавления восстания в Кокандском ханстве. Хотя большинство современных исследователей народных движений в Кокандском ханстве считают на этом восстание законченным, в действительности оно продолжалось до июля 1876 г., а отдельные группы оказывали сопротивление царской администрации до конца года.

Таким образом, восстание 1873-1876 гг. явилось следствием тяжелейшего положения населения Кокандского ханства. И хотя это грандиозное по своим масштабам восстание началось стихийно, после выдвижения лидером Пулатхана (Мулла Исхака) оно приобрело организованный и целенаправленный характер.

Первоначальной целью восстания были свержение ненавистного хана и его приближенных. Однако политическая ситуация сложилась таким образом, что в Кокандском ханстве могла развернуться гражданская война. Политическим силам удалось повернуть ход событий в русло народно-освободительного движения против колониальной власти Туркестанского генерал-губернаторства. Последствием этого было то, что русская армия разбила ополченцев народно-освободительного движения, захватила территорию Кокандского ханства. Оно было ликвидировано как государство, а вместо него образована Ферганская область в составе Туркестанского Генерал-губернаторства.

Восстание 1873-1876 гг. сыграло большую роль в истории национально-освободительных народных движений в Средней Азии. Его можно считать следствием всех предыдущих народных движений, происшедших в Кокандском ханстве, которые преследовали в основном узкие цели группы этнических или общественных слоев населения и имели местный характер. Большая часть населения была недовольна существующим положением, поэтому восстанием Пулатхана была ох-

вачена вся территория Кокандского ханства, а также отдельные районы Туркестанского генерал-губернаторства.

На всем протяжении восстания 1873-1876 гг. город Коканд играл большую политическую и стратегическую роль как столица Кокандского ханства. Сами горожане-кокандцы активно принимали участие в самом восстании, проявляли отвагу и героизм в борьбе против поработителей и иноземных захватчиков. Все это вошло в золотой фонд истории национально-освободительных движений народов Средней Азии.

РЕМЕСЛЕННО-КУСТАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО КОКАНДА

Говоря о ремесленно-кустарном производстве города Коканда, можно отметить, что до сегодняшнего дня данный вопрос не исследован, хотя Коканд издавна славится своими прекрасными изделиями и произведениями, отдельные мастера были известны во всей Средней Азии и на Востоке.

В данной книге мы не ставим цель подробно описать ремесленно-кустарное производство в Коканде, ибо оно заслуживает отдельного исследования и написания самостоятельной объемистой книги. Здесь мы только пытаемся показать, что эта проблема заслуживает особого внимания и показать его место в истории прелестного Коканда.

Ремесленно-кустарное производство Коканда было очень разнообразным и богатым по содержанию. Это: чеканка по меди, ювелирное дело, военное производство, керамическое дело, бумагоделие, художественное ткачество, вышивание тюбитеек, набоечное дело, мостостроительство, изготовление палаток, кузнечное производство и т.д. и т.п., число которых насчитывается несколькими десятками.

В Коканде было много людей, занятых ремесленно-кустарной промышленностью. По данным В.П. Наливкина, кузнец зарабатывал в день чистого дохода от 20 до 40 коп.; красильщик – от 40 до 60 коп; ткач хлопчатобумажных материй зарабатывал от 15 до 30 коп.; ткач шелковых материй – от 20 до 40 коп.; кожевник – от 40 до 70 коп.; плотник и штукатур –

от 50 коп. до 1 руб.; джувакаш, гонящий масло – от 15 до 30 коп.

В большинстве кустов мастер-хозяин имел подмастерьев (нимкеров), которые, кроме пищи, получали от 40 коп. до 1 руб. 20 коп. в неделю. Ежедневный же доход самого хозяина-мастера для разных производств колебался от 2 до 4 руб.¹

На ремесленно-кустарное производство в Коканде наряду с хлопководством, шелководством, животноводством и т.д. в определенной степени воздействовали добываемые в ханстве природные богатства: золото, серебро, медь, железо, драгоценные камни, уголь, нефть, строительные материалы и др. Однако способы разработки их были примитивны, а уровень производительности настолько низок, что добычи не хватало для удовлетворения собственных потребностей. Даже цена привозного металла из России была намного дешевле, чем собственного производства.

Например, в Кокандском ханстве золото добывалось по несколько пудов в год.² Золото находили в верховьях разных рек, впадающих в Сырдарью. По словам М. А. Терентьева, «в особенности на речке Касанке ниже г. Намангана»³. Золото также было найдено на реке Кукреу, севернее Каратау, и по реке Чирчик.⁴ Близ села Бричмулла и далее, по верховьям реки Чаткала, намывали прежде золото из речных песков после спада вод.⁵

Из серебряной руды, добываемой из прииска, расположенного в четырех днях пути от Намангана, по дороге к укреплению Кетмантепа из 1000 чариков руды, выходило 100

¹ Наливкин В. и Наливкина М. Очерк быта женщин оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886. С. 27.

² Горчаков И.Д. Обзорение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии//Записки ИРГО. СПб., 1849. Т. III. С. 183.

³ Терентьев М.А. Россия и Англия в борьбе за рынки. СПб, 1876. С. 50.

⁴ Венюков М. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПб. 1873. С. 345–346.

⁵ Терентьев М.А. Статистические очерки Средне-Азиатской России. СПб. 1874. С. 24.

чариков свинца, из которого отделяли 1 чарик чистого золота.¹

По имеющимся сведениям, из Коканда в Кашгар вывозили также золото в чекане и металле. В столице ханства цена за один золотник была 16,5 таньга, если это самородок, а по 14,5 таньга – за золотой песок. В обычное время каратегинское золото продавалось по 18 таньга в самородках, а в песке – по 16 таньга за золотник.²

По словам Муллы Мусульмана, золотая монета в Коканде чеканилась раньше из золота, привозимого из Сибири контрабандой, а в последние годы (1868 г.) добываемого частными промышленниками, промывающими в речках Чирчика и Касана, и доставляемого из Каратегина, верховьев р. Амударьи. Казенных разработок золота не было. Серебряную монету (коканы, таньга) чеканили из китайской монеты – ямбы (слитки), в котором $4\frac{1}{2}$ ф., из нее чеканили 700 коканов. Медную монету чеканили из меди, привозимой из России, добавляли наполовину свинец³. Монета, золотая тилля равнялась 20 коканов, серебряный кокан – 60 чек.⁴

По словам В. В. Вельяминова-Зернова, главными производителями в ханстве являлись женщины, которые «прядут бумагу, шелк, ткнут из них материи и шьют платье и белье для семейства и на продажу. Мужчины преимущественно занимаются гончарною работою и выделкою кож. В городах, в особенности в Кокане, живут мастера, которые хорошо готовят кожи и азиатскую посуду (чайники, котлы и блюда). Есть серебряники. Они порядочно делают наборы для седел и некоторые другие вещи. Оружейники не отличаются искусством. Дерево мало употребляется: изделия из него весьма дурны».⁵

¹ Горчаков И.Д. Обзорение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии// Записки ИРГО. С. 183–184.

² Вельяминов-Зернов В.В. Сведения о Кокандском ханстве//Сборник статей о Средней Азии. СПб., 1877. Т. 1. С. 356–359.

³ Географическое общество России, ф. раз. 74, оп.1, ед. хр. 1, л. 2. ⁴ Географическое общество России, ф. раз. 74, оп. 1, ед.хр. 1, л. 3.

⁵ Вельяминов-Зернов В. В. Сведения о Кокандском ханстве. Туркестанский сборник. Т. 383, л. 27.

В «Военно-статистическом сборнике» говорится, что в Коканде порох приготавливался частными лицами, которым правительство выдавало только необходимые материалы – серу и селитру. Однако иногда заставляли военнослужащих изготавливать порох. Порох в Коканде продавался по 3 таньга за 6,5 фунтов, около 8 коп. серебра за фунт.¹

Председатель Оренбургской пограничной комиссии генерал-майор Ладыжинский 10 июня 1853 г. писал, что «в Кукане и Ташкенте находятся литейные и оружейные заводы: порох же делается в ханстве почти повсеместно, но по несовершенству мастеров слишком слабого достоинства». ² Ружейные пули кокандцев были большей частью круглые, свинцовые, величиной с лесной орех и несколько больше. Ружья у кокандцев, в основном, гладкоствольные, и редко – нарезные. Плохое качество оружия кокандцев видно из анализа случаев ранения русских войск. Например, во многих случаях пуля пробивала небольшой канал в мягких местах тела и останавливалась под кожей или в мягких частях на близком расстоянии, с которого нанесено было повреждение.³

Кокандцы, во время обороны своих крепостей применяли и огненные шары. Для их приготовления они в специально приготовленную кожу заворачивали порох, затем ее крепко и толсто обматывали проволокой или шпагатом, или веревкой и со вставленной в гранату трубкой покрывали смолой.⁴

Имеются сведения, что отливал пушки, мортиры и разрывные артиллерийские снаряды по европейскому образцу один «авганец».⁵

Согласно сообщениям Максимова, пушки отливали в Ко-

¹ Военно-статистический сборник. СПб., 1868. С. 144.

² ЦГА РУз, ф. И - 715, оп. 1, ед. хр. 11, л. 249.

³ Выписка из годового отчета о состоянии здоровья частей Сырдарьинской области за 1875 г. См.: ЦГА РУз, ф. И - 715, оп.1; ед. хр. 65, л. 449–450.

⁴ ЦГА РУз, ф. И - 715, оп.1, ед.хр. 4, л.270.

⁵ ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 22, л. 113.

Канде на заводе, который находился за городом и был каменным. Медь собирали у жителей и с караванов в виде пошрины. Он также сообщал, что пороховые заводы были «во всех городишках, где по 2, где 3, 4 и более заводов, все они частные»¹.

Вообще в Коканде изготовление оружия: пушек, ружей, сабель, ножей, пик, кольчуг и другого снаряжения было одним из престижных основных видов производства кокандских ремесленников.

Определенное и важное место в хозяйстве занимали кокандские кузнецы. Их произведения необходимы были в каждом доме: практически они изготавливали все железные предметы, необходимые в повседневном хозяйстве. Многие инструменты создавались и для нужд сельских жителей, а отдельные инструменты употреблялись и горожанами, и сельчанами.

Ремесленно-кустарное производство было типичным для всех городов ханства, но каждый город имел и свои отличительные черты, особенно по качеству выпускаемой продукции. Так, например, по словам знаменитого русского художника В.В. Верещагина, металлические изделия Ташкента не отличались ни формой, ни рисунком: они стояли гораздо ниже всех предметов, выходящих из мастерских Коканда.²

Особое место в Коканде занимала мануфактурное производство, которое стояло на том же уровне, что и в соседних странах и Ограничивались примитивными способами обработки.

По мнению И. Чекалова, который в 1820 г. посетил Бухару, ремесла и произведения кокандцев были сходным с бухарскими.³

В Коканде были опытные мастера: товары их отличались высоким качеством. Они ценили свой труд и свой товар. По-

¹ Потанин Г. Показание сибирского казака Максимова о Кокандском ханстве// Вестник ИРГО. 1860. С. 126.

² Верещагин В. В. От Оренбурга до Ташкента// Санкт-Петербургские ведомости. 1868. См.: Туркестанский сборник. Т. 7. С. 48.

³ ГПБ им. С.-Щедрина, СПб., ф.8, ед. хр. 14, л. 25 об.

этому, одновременно являясь популярными среди населения, они постоянно имели своих заказчиков-потребителей. Это обеспечивало их постоянной работой и постоянными покупателями, но не перекупщиками, хотя те и встречались, но редко. Мастера продавали свой товар по его настоящей цене. Они держали свою марку и, уважая свой авторитет, производили товары высокого качества, на что естественно, уходило больше времени. Поэтому они производили меньшее количество товаров, но более высокого качества. Эти мастера имели свои производственные «секреты», которые они никому не раскрывали и передавали только своим детям, ибо в то время была сильная и беспощадная конкуренция.

Ткани, изготавливаемые кокандскими кустарями, имели большой спрос не только в странах Азии, но и в России, что не могло не отразиться на развитии текстильного производства, в том числе и в Кокандском ханстве.

В Ферганской долине большое место занимало шелководство. О хорошем качестве кокандского шелка было известно далеко за пределами Кокандского ханства: кокандское шелководство интересовало не только русских, но и европейцев. Вот что писал об этом А.П.Федченко: «Гренажная горячка, привлекая в край стольких предпринимателей, была причиной посещения Коканда несколькими европейцами. Двое из них Друцкой и г. Адамоли – описали свое посещение, ограничившееся городом Коканом и ближайшими окрестностями».¹ Это подтверждается и архивными материалами.

В мае 1870 г. в г. Ташкент прибыл князь Друцкой-Сокольниковский, у которого было рекомендательное письмо от Министра иностранных дел России. Князь обратился с просьбой разрешить ему заготовить для вывоза в Италию шелковичное семя (грены) до 2000 фунтов. Однако в Ташкенте все было уже распределено, поэтому К.П.Кауфман направил его в Кокандское ханство. Снабженный рекомендацией князь Друц-

¹ Федченко А. П. Путешествие в Туркестан. Т. 1 Ч. II. В Кокандском ханстве. СПб.; М., 1875. С. 10–11.

кой успешно завершил свое дело, заготовив до 800 фунтов семян.¹

В связи с увеличивающимся вывозом грены Туркестанский генерал-губернатор К. П. Кауфман написал М. Х. Рейтерну, что торговля греной «должна быть, безусловно, воспрещена и дать место более солидной и благотворной для края шелкомотальной промышленности, ибо незначительное количество семени, разрешенное мною к вывозу в настоящем году (т.е. 1872), при ажиотаже, с которым сопровождалось приобретение коконов на рынках для приготовления семени, не могло не повлиять на возвышение цен на оные в ущерб шелкомотальным фабрикантам и даже произвести в Коканском ханстве беспорядки, не желаемые при упрочивающихся все более и более дружественных к нам отношениях Владетеля сего ханства»².

По удостоверению посещавших Коканд приказчиков и поверенных русских купцов, собиравших сведения у кокандского мехтара, из Коканда в 1868 году было вывезено 10000 пудов шелка-сырца, а в 1869 году – до 15000 пудов.³

В последние годы существования Кокандского ханства преимущественно в Коканде начали мотать шелк-хомяк, который продавался в Россию и Афганистан. Лучшим сортом ка-лявы считался наманганский, а после него – кокандский, ходжентский и др.⁴

По словам английского посла Белью, шелковые фабрики Коканда были намного лучше, чем Хотанские.⁵

А по словам А. П. Хорошхина, в Кокандском ханстве единственная отрасль, заслуживающая внимания, было производ-

¹ ЦГИА России, ф. 954, оп.1, ед. хр. 132, л. 1 об–2.

² ЦГИА России, ф. 954, оп.1, ед. хр. 132, л. 3 об–4.

³ Шелководство в Туркестанской области и Кокане// Известия ИРГО. Т. II. СПб., 1866. № 5. С. 156.

⁴ Петровский Н. Ф. Шелководство и шелкомотание в Средней Азии. СПб., 1874. С. 120–121.

⁵ Белью. Кашмир и Кашгар. СПб., 1877. С. 20.

ство шелковых и полушелковых материй на фабриках Намангана, Коканда и Маргилана. «За Куканом никаких, так сказать, художеств не имеется, кроме его шелковых фабрик» — заключил он».¹

Рабочая плата всем рабочим с фунта шелка составлял в Ташкенте 25 коп., в Коканде — с одной чакса (чакса — 100 пайса, 1 пайса — 10 ф.) 5 коканов (кокандская серебряная монета в 20 коп). Пуд шелка, от его выхода из котла до приготовления из него основы, включительно оплачивался 10-ю рублями в Ташкенте, 16-ю — в Самарканде (без основы), 20-ю — в Коканде и 30-ю — в Бухаре.²

Одним из отдельных кустарных производств в Кокандском ханстве было производство писчей бумаги. Об этой отрасли производства подробно написал А.П.Федченко, который в 1871 г. посетил эти заведения. По его словам, писчебумажные фабрики «в Средней Азии только и существуют в Кокандском ханстве».³

Писчебумажные фабрики в Коканде все были расположены за воротами Муймубарека по арыку этого же названия и недалеко от мазара, где хранился «волос» пророка Мухаммада. Внешний вид заведения был очень незатейлив: снаружи была видна обыкновенная в тех местах толчая, а внутреннее помещение — простой сарай весьма тесных размеров, около 10–12 квадратных сажен. Одна сторона навеса была занята толчеей, другая — резервуарами с тестом, а середина служила для промывки измельчаемого тряпья. Тряпье, употребляемое на выделку бумаги, хлопчатобумажное, без всякой примеси других волокнистых веществ. Разные изношенные тряпки и особенно истрепанные и загрязненные до последнего халаты и одеяла составляли сырой материал, покупаемый на базарах по тилле (3 руб. 80 коп) за батман (10,5 пудов). Сортировки

¹ Хорошхин А. П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. С.43–44.

² Петровский Н. Ф. Шелководство и шелкотопение в Средней Азии// Туркестанский сборник. Т. 81. С. 117–118.

³ Федченко А.П. В Кокандском ханстве. С. 246.

тряпья не существовало. В дело шли и лоскуты тканей, и куски ваты, которой были набиты одеяла. Только по цвету немного разбирали тряпки и окрашенные в синий цвет пускали на выделку синей оберточной бумаги. Разборка, впрочем, самая небрежная, и на такой синей бумаге весьма нередко встречались пятна и прожилки красного цвета.

Толчение и промывка повторялись три раза. После третьей промывки получалась желтовато-белая масса, которая формировалась в круг, до трех четвертей в диаметре, и переходила в руки других мастеров, приготавливающих из нее листы.

В селе Чарку эти два процесса приготовления массы и листов производились в разных помещениях, в разных частях селения. В г. Коканде, напротив, – в том же самом, где были установлены ящики с пестами, находились и две ямы, в которых бумажное тесто разбалтывалось до необходимой густоты. Ямы эти (таска) имели до 5 четвертей глубины.

Мастер, приготавливающий листы, пользовался мутовкой, рамкой и сеткой.

Аппарат (хальпа), посредством которого мастер черпал бумажное тесто (аталя) и превращал его в листы, имел следующее устройство: на деревянную рамку (хасы) выкладывалась сетка из чия – растения из семейства злаков (наподобие камыша) довольно прочным стеблем, не толстым, но весьма правильной цилиндрической формы. Рамка с наложенной сеткой, укрепленной боковыми палочками (юпчак), спускалась в яму с тестом, которое процеживалось через сетку, оставляя на ней осадок. Тогда поперек ямы выкладывались две палочки (давандак), на которые ставилась рамка, и, пока процеженное тесто несколько обсыхает и уплотняется, мастер снимает боковые палочки (юпчак) и прикладывает их сверху и снизу, чем и обравнивает края листа. Такой лист, расплзающийся при самом легком усилии, посредством оборачивания рамки клали на доску и начинали приготовление другого, который клался на предыдущий, таким образом, получалось порядочная стопка бумаги; один мастер в течение дня приготавливал 300 листов. На следующий день они подвергались просушке, для чего служила стена, обращенная к югу. Стена

эта составляла часть забора соседнего дома или сада и отличалась только тем, что была оштукатурена гипсом и притом очень гладко, как бы отполирована. На эту стену прилепляли окрепшие за ночь листы бумаги, которые при той жаре очень быстро высыхали. После этого их собирали и складывали в пачки по 24 листа, называемые «даста». Этим и завершался весь процесс приготовления бумаги на обиджувазе.

Бумага сбывалась на базаре, где попадала в руки муракашей-мастеров, покрывающих ее клеем и наводящих лоск. Для проклейки употребляли декстрин, содержащийся в корнях ширяша, дикорастущего растения из семейства лилейных. Наведение глянца делалось посредством отшлифованного камня, насаженного на палку. После глянцеваания ценность бумаги значительно возрастала: даста (24 листа), стоившая на обиджувазе 15 коп., продавалась теперь за 20–30 коп., смотря по качеству, как был наведен лоск, по количеству склеенных и заплат дыр. А накладывали ленту бумаги или заплату, приклеивая ее и тщательно притирая своим камнем, так что такие листы с заплатами с первого раза было трудно даже заметить, и, только смотря на свет, было видно, что лист имеет заплату.

Формат кокандской бумаги был близок к русскому формату. Непроклеенная бумага употреблялась как оберточная; смазанная маслом, заменяла в окнах стекло и т.п., с наведением глянца служила для письменных надобностей.¹

На Кокандских базарах можно было встретить изящные бронзовые кувшины для воды, производством которых славился Коканд. Кокандские браслеты из массивного серебра делались без застежек и открытыми, подобно тому, как они выполнялись в средние века. Образцы же древнего ювелирного искусства, представляя часто превосходную эмалевую Работу, говорили о процветании прежде ювелирного дела.² На базарах продавались шелковые и шерстяные изделия местного производства, изящные изделия из кожи; разные седла, кнуты и различные предметы упряжки, которые выделява-

¹ Федченко А. П. В Кокандском ханстве. С. 246–249.

² Туркестанский сборник. Т. 402, л. 98–99.

лись в столице с большим вкусом и пользовались большой известностью.¹

В Ферганской долине одним из перевозочных средств служила кокандская арба. Интересно познакомиться с первобытным способом изготовления этой арбы (двухколёсные телеги). У оросительной канавы шесть человек просовывали только что срубленное, стройное дерево между двумя тополями или тутовниками, очень близко насаженными один около другого, затем загибали его около деревьев, стоящих несколько подалее. Таким образом, они готовили ободья для колес арбы. Редко обод бывал цельным, большею частью он состоял из трех частей, соединенных между собою. Там, где обода соединялись между собою косыми срезами, концы частей ободьев предохранялись от бокового расхождения посредством особых дополнительных спиц, виллообразно раскалывающихся в окружности. Кольцо препятствовало дальнейшему расщепу этих добавочных спиц, а молоткообразная часть на противоположном конце их, заземленная между двумя спицами, придавливал их к периферии колеса. Не меньшего внимания заслуживал и низ арбы. Он состоял из брусков (наподобие перекладин лестницы), соединяющих развалины дышла, и скреплялся с осью посредством упругих, обхватывающих ее снизу, прутьев. Колеса, вышиною в 6,5 фута, по возможности облегчали силу тяги, а большая ширина хода (7,5 фута) предохраняла от опрокидывания. Благодаря этому арба надежно ездилась и там, где не было дороги, а через канавы и бурные потоки перевозили груз, не замачивая его. Груз накладывался очень точно, с некоторым перевесом к заду, ибо арбакеш (возник) сидел на лошади, упираясь ногами в оглобли, с высоко поднятыми коленями. При подъеме на гору арбакеш не вставал, а лишь поднимался с седла, перенося всю тяжесть своего тела на оглобли. При спуске с горы арбу удерживали подпруги.

Арба при нагрузке 40 пудов (а если впрягался верблюд – то 60 пудов), нередко наклонялась на бок, но все же не опроки-

¹Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. СПб., 1865. С. 190.

дывалась. В арбе не было ни одной железной части. Благодаря этому она могла служить и паромом. А. Миддендорф был очевидцем этого. Об этом он пишет так: «Когда в первый раз увидел это применение арб, оно представляло поразительно красивое зрелище.

Сильно вздувшаяся Сырдарья, раскинулась на целую версту и величественно катила свои воды. Плоскодонная лодка, паром, длиною в 25 шагов, была тяжело нагружена всякого рода кладью, а также нашими лошадьми. 12 верблюдов были поставлены на колени в два ряда вплотную один около другого. Мы оттолкнулись от берега. Пара лошадей, привязанных гривами к концу лодки настолько коротко, что спины их плыли под дном ея, истомилась от чрезмерной работы своими веслами, увлекая нашу тяжелую лодку к противоположному берегу. Не успел я отделаться от чувства сожаления к этим животным, как мое внимание было привлечено чудным зрелищем. Шесть ямщиков, сложивших свой груз на наш паром, стояли на своих арбах, широко расставив ноги. Высоко держа вожжи, они погнали лошадей в воду и весело понеслись, словно в челнах, через могучую реку, напомнив возниц древнего мира; они далеко обогнали нас. Очевидно, арбы значительно облегчали плавание мужественно и гордо уносившимся животным. Только одна лошадь, вероятно больная грудью, трудно справлялась с течением; тогда возница добрался по оглобле до головы лошади и бросился в воду: плывя сам, он управлял лошадью и облегчал работу своей кормилице.

Приятно видеть, с какою заботливостью ухаживает среднеазиат за своею лошадью, так старательно чистит и моет ее, зачищает попонами от солнечного зноя, снимая их на ночь, как мягко обходится со своим животным и как обильно кормит его.

Монголы, очевидно, еще больше укрепили у славян привычку варварски обращаться с полезными животными»¹.

В Коканде было также в определенной степени развито производство фарфоровых изделий. Одним из мастеров фар-

¹ Миддендорф А. Очерки... С. 282–283.

форовых изделий являлся Байбабо, который родился в Коканде (умер в 1876 г). Его изделия отличались своей чистотой и звонкостью, тонкая роспись исполнялась в основном голубой краской, олицетворяющей чистое небо. У него было много талантливых учеников, которым он передавал секрет своего искусства. Многие фарфоровые изделия, исполненные руками мастера Байбабо, в настоящее время хранятся во многих музеях страны.¹

Среднеазиатское городское ремесло, имея длительную историю развития, было чрезвычайно специализированным. Существовали специальности по выработке лишь какого-нибудь одного вида изделий и даже по одной только операции. Об этом свидетельствуют даже названия махаллей (кварталов), которые сохранились даже до сегодняшнего дня.

ТОРГОВЛЯ КОКАНДА

Торговля в Коканде занимала важное место в жизни города и подразделялась на внутреннюю и внешнюю.

Внутренняя торговля в азиатских ханствах базировалась, главным образом, на существовавшем здесь с древнейших времен разделе труда между кочевниками-скотоводами, оседлыми земледельцами и ремесленниками сел и городов. У населения основные, насущные потребности удовлетворялись внутри собственных ханств, которые в значительной мере были натуральными. Беднейшие кочевники питались в основном продуктами своего скотоводческого хозяйства, одевались в домотканые шерстяные чапаны из армячины, сотканые на примитивных станках «урмак», сами делали себе обувь из невыделанной кожи и строили жилища. Земледельцы в случае необходимости также могли почти полностью обходиться продукцией своего натурального хозяйства. Городское и сельское специализированные ремесла вырабатывали главным образом высокосортные ткани и другие вещи для экспорта, а также для удовлетворения потребностей богатой части насе-

¹ ЎзСЭ. Т. 2. С. 313.

ления в предметах роскоши. Многие ремесленники имели сады, огороды, а иногда и пашни, выращивая, таким образом, овощи, фрукты, зерновые продукты для собственного потребления.

Вместе с тем почти в каждом самостоятельном хозяйстве существовали и крупные предметы, например, изделия из металла, праздничные одежды и т.д., которые передавались из поколения в поколение, представляя большую ценность. В городах существовала торговля продуктами и предметами первой необходимости.¹

Столица ханства Коканд был самым центральным торговым городом. Например, в 1830 г. в Коканде было «6 рынков, с каменными дворами (сараями), из которых в двух торгуют тамошние жители, а остальные четыре всегда занимают проходящими из разных стран караванами. Торги бывают три раза в неделю: в воскресенье, среду и четверг. В это время привозят из окрестных городов и селений, в большом количестве, различные товары коканского изделия и разные произведения той страны. Шелковые и бумажные материи выделывают здесь по домам, а фабрик не находятся, кроме фабрик пичей бумаги и порохового завода...»².

Первый русский академик-востоковед В.В. Вельяминов-Зернов в рукописи, написанной в 1854 г. под названием «Торговое значение Кокандского ханства для русских»³, говоря о внутренней торговле, отмечал, что самые значительные базары бывали в Ташкенте и Коканде, притом два раза в неделю: в воскресенье и среду, и что в эти дни «кайсаки» пригоняли скот, в особенности лошадей и овец, а соседние жители привозили хлеб, хлопчатобумажные ткани и различные изделия домашнего обихода. Весь внутренний торг, по словам автора, являлся мелочным, а оптового торгова не было. Самый большой подвоз хлеба (от 80 до 100 телег) на базары Ташкента и Коканда бывал в июле и августе, ибо в это время военным разда-

¹ История Узбекской ССР. Ташкент, 1967. Т. I. С. 629–630.

² Записки хорунжего Потанина. С. 282.

³ Ташкент, ГИБ им. Навои, отдел редких книг, ПУ-3579.

вали пшеницу и джугару. Но, несмотря на это, закупки зерна одним человеком порой достигали от 700 до 1000 пудов.

Приведем для примера стоимость сельхозпродуктов и других товаров, по существовавшим тогда ценам в Коканде:¹

№№ п.п.	Наименование товара	Единица измерения	Цена
1	Пшеница	1 пуд	от 70 коп до 1 руб.
2	Ячмень	1 пуд	от 35 коп до 50 коп
3	Просо	1 пуд	40 коп.
4	Рис	1 пуд	от 1 руб. 30 коп до 1 руб. 70 коп.
5	Джугара	1 пуд	от 65 коп до 70 коп.
6	Хлопок	1 батман (8 пудов)	от 4 тилля до 8 тилля
7	Марена	1 батман	от 4 тилля до 8 тилля
8	Мясо	1 фунт	от 7 коп до 11 коп
9	Кожа коровья	1 штука	3 руб. 50 коп
10	Кожа бычья	1 штука	4 руб. 12 коп.
11	Кожа баранья	1 штука	от 50 коп до 70 коп
12	Изюм	1 батман	1 тилля
13	Урюк сушеный	1 батман	1 тилля
14	Орех грецкий	2 батмана	3 тилля
15	Фисташки	1 чарик	1 руб. 40 коп
16	Миндаль	1 чарик	2 руб. 80 коп
17	Алибухары	1 батман	1 тилля
18	Груша	1 чарик	1 руб. 40 коп
19	Дуль	1 чарик	1 руб. 75 коп
20	Персик	1 чарик	1 руб. 75 коп
21	Саксаул	1 воз	2 руб. 80 коп
22	Уголь	1 воз	3 руб. 50 коп

Вес в Коканде: батман равнялся 8 пудам, черек – 4 пудам, шек – пуду, чакса – 10 фунтам, кандак - фунту, кадак (кадак) – 20 пайса.

Мера длины: кары – сажень, газ – аршин и карыш (карич – кариш – четверть аршина).

Вместимость (объем): парак – пудовка.²

¹ Вельяминов-Зернов В.В. Сведения о Кокандском ханстве//Вестник ИРГО. СПб, 1856. Т. 18.

² Географическое общество России, ф. раз. 74, оп. 1, ед.хр. 1, л. 3.

Необходимо отметить, что эти цены указаны в период, наиболее благополучный для Кокандского ханства в целом. Эти цены резко росли в период междоусобных войн, которые часто происходили в XIX в., а также в неурожайные годы.

Например, по сведениям купца А.С.Громова, в мае 1876 г. в городах Ферганской долины цены на некоторые виды продуктов были следующими:¹

Города и населенные пункты	Продукты питания	Цены за 1 пуд до появления отрядов восставших	Цены за 1 пуд при появлении отрядов восставших
Коканд	Мука	65 коп	95 коп
	Крупа	80 коп	1 руб. 20 коп
	Ячмень	50 коп	80 коп
	Джугара	40 коп	60 коп
Ош, Маргилан, Андижан и остальные пункты	Мука	68 коп	1 руб. 10 коп
	Крупа	75 коп	1 руб. 30 коп
	Ячмень	60 коп	1 руб. 40 коп
	Джугара	45 коп	70 коп

Основной причиной повышения цен было то, что в связи с военными действиями царских войск против повстанцев население боялось идти в города и другие населенные пункты с продуктами для продажи в отдаленных местах от своего дома. Они могли в любое время быть ограбленными, как со стороны восставших, так и царских войск, которые могли «конфисковать» их для «нужд» войск или под другим предлогом, как было часто в таких ситуациях. Поэтому на базар привозили продукты только спекулянты и остро нуждающиеся в деньгах дехкане, а также те, кто проживал недалеко от базара. Таким образом, из-за этого цены на зерно, как и на другие продукты и товары первой необходимости, повышались.

Интересные и ценные сведения о торговле в Кокандском ханстве оставил Филипп Сергеевич Ефремов, который лично побывал там около 1780 г. По его словам, кокандским ханом был Нарбутабек. От Коканда до Маргилана был один день пути. В Маргилане была «складень урынку каменной круглом

¹ ЦГВИА России ф. 1396, оп. 2, ед. хр. 96, л. 103.

столб, вышеною 40 сажен толщиною 2 $\frac{1}{2}$ сажени, в оном ткут всякого цвету тряпъ, а на Маргеляну стали сряжаться купцы в город Кашгар, и я тякого же купил товару, каким и оне торгуют, и поехал в виде купца, с ними; от оного ездю города Уша 3 дня, ворот двое, от Ушу в горах имеются кочевныя киргизы, дорога лежит по горам и пако со горою... ехали до Кашгару 13 дней..., в нем же бывает торг, привозят товары из Бухары, Кукану, и из всех тамошних мест, а из России приезжают находящиеся здесь татары и хтайцы привозят чай, фанзу и фарфоровую поесуду, также и серебро, коего продают и меняют на товары, пошлину берут китайцы с 30 веще одну...»¹

В экономической жизни Коканда большую роль играла внешняя торговля с Бухарой, Хивой, Кашгаром, Индией. Афганистаном, Ираном и особенно с Россией.

Например, торговля с Кашгаром проходила только через Коканд. Перевозка товаров осуществлялась при помощи лошадей, на каждую из которых выючили по 8 пудов груза. Стоимость перевоза на каждой лошади составляла от 2 до 4 тилля. При этом путь совершался за 14–20 дней. Из Коканда в Кашгар вывозили, в основном, русское железо, красную кожу, кисею, шелковые ткани, хлопчатобумажные ткани, опиум, марену, но чаще всего золото. А из Кашгара в Коканд ежегодно привозили на 30.000 лошадях чай, 200 – лошадях белый войлок, 200 лошадях – квасцы, 50 лошадях – бакалейные изделия.²

По словам М.Д.Скобелева, торговый оборот Кокандского ханства с Кашгаром приблизительно составлял 30–40 тысяч тиллей в год. Из Коканда в Кашгар в основном вывозили шелк, «краску уйрану» и особенно бязь. В Коканд привозили из Кашгара ковры, нашатырь, чай и кошму.³

Торговля Коканда с Кашгаром была довольно оживленной,

¹ СПб. ГПБ им. С.-Щедрина, отдел рукописей, ф. НСРК, поступ. 1959. № 108, л. 13 об. – 14.

² ЦГВИА России, ф. 1396, оп. 2, ед. хр. 96, л. 390 об. – 391.

³ Вельяминов-Зернов В. В. Указанное соч. С. 356–358.

караванные сообщения, несмотря на определенные трудности на пути (дорога была горная), налажены успешно. Этот путь не таил для купцов особой опасности – в этом краю было спокойно. Именно это определило постоянный, «почти еженедельный ход небольших караванов из Коканда в Кашгар и обратно.¹ Но дорога для российских караванов была довольно опасной из-за грабежей.

Как известно, после договора 1831 г. кокандский хан получил право собирать пошлину с торговцев в Кашгаре, что приносило ему большие доходы, поэтому, по мере возможности оказывал поддержку караванам от грабителей. Ярким примером может служить прибытие каравана, где находился известный Ч. Ч. Валиханов, который и описал в своем дневнике путь этого каравана. Согласно его путевым запискам, частые перевалы и холод изнурили вьючный скот; лошади и верблюды очень отощали и у многих из них были разбиты ноги. Каждый день по одному или по несколько животных умирали. Например, из 101 верблюда в Кашгар прибыло только 36.

В горном проходе Теректы кочевал в то время Атеке из племени чонбагиш, гроза кашгарских караванов, разбивший только что до них на большой дороге из Аксу в Кашгар, на виду у китайского пикета их казенный обоз. По совету кашгарцев, бывших в караване, в котором следовал и Ч. Ч. Валиханов, послали гонцов к кокандскому аксакалу с известием о приходе каравана и с просьбой выслать навстречу нескольких своих солдат.

...Толпа киргизов (казахов) проскакала вперед и заняла проход. Караван принял оборонительное положение, а толпа киргизов (казахов) стала расти. Занятием прохода лишили караван возможности сопротивляться, а потому сочли целесообразным вступить в переговоры с нападавшими. Киргизы (казахи) требовали 10 девяток красного сукна, кожи, столько же плису, ситцев и проч. В эту критическую минуту подоспели из Кашгара 5 человек – кокандских сипаев. Появление их

¹ Небольсин П. Н. Очерки торговли России со странами Средней Азии, Хивой, Бухарой и Кокандом. СПб., 1856. С. 6.

подняло дух каравана и, под покровительством кокандцев они смогли унять, рассеяли шайку (грабителей).

Ч. Ч. Валиханов писал: «Токсаба (военный чин) собственноручно надел на нас халаты, присланные в знак особенной милости аксакалом, и вручил караван-башу письмо, в котором аксакал-дадха выражал свое благорасположение. 27 числа (1857г.) мы вступили в границы китайской империи...»¹

Несмотря на то, что караванная дорога в Кульджу была затруднительной, торговая связь с Кокандом не прекращалась, хотя в год некоторые купцы теряли от 60 до 100 верблюдов.

Торговле Коканда с Кульджей определенное внимание уделил А.П.Хорошкин. Так, например, по его данным, из Коканда в Кульджу привозили шелковые материи, дабы и другие дешевые бумажные ткани, а также привозились из Коканда и Ташкента сушеные фрукты и железные товары.

Из Кульджи в 1873 г. в Коканд, Кашгар, Верный, Каракол, в Ташкент и по всему району, а также в соседние китайские оседлости (Шихо) поступали ямб, хлеба в зерне, фрукты, скот, лес, хлопок, опий, железный товар, меха и мануфактурные изделия на 279.193 руб. 80 коп. А привоз равнялся сумме 214.459 рублям.²

Кокандские купцы имели возможность непосредственно общаться с североиндийскими городами, не только через Бухару и Самарканд, но и посредством индийских колоний, разбросанных по всей Центральной Азии. «Кроме того, – пишет Расуль-Заде, – во многих городах и кишлаках Кокандского ханства существовали индийские поселения, названия некоторых из них сохранились и по сей день. Как показывают архивные материалы, в Ферганской области существовало много индийских колоний».³

¹ С.Петербургское отделение Института археологии АН России, ф. 18, Н.Н. Веселовский, арх: № 6, л. 2–3.

² Хорошкин А.П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. С. 342.

³ Расуль-Заде. Из истории Средне-азиатско-индийских связей второй половины XIX – начала XX века. Ташкент, 1968. С. 21.

В кокандских караван-сараях производили обмен товаров, привозимых из Индии, Тибета, Кашгара, Бухары, Афганистана и России.¹

О торговых отношениях Индии со Среднеазиатскими государствами, в том числе и с Кокандом, мы можем проследить по сведениям Александра Константиновича Гейнса. Так, например, по его данным во всю Среднюю Азию с Бухарой, Кокандом, Ташкентом и Кашгаром привозили через город Кабул от 10 000 до 15 000 верблюдов. Основными предметами вывоза были индиго, хлопчатобумажные ткани, кашмирские шали, кисея для чалмы, сахар и другие товары. Основными предметами ввоза в Индию были шелковые материи, шелк, козий пух, лошади, гашиш и т.д. Шелковые изделия и гашиш ввозились преимущественно из Кокандского ханства. Часть гашиша проникала контрабандой. Лошади среднеазиатских пород составлял одну из доходных статей торговли.

Кроме того, из Средней Азии в Индию ежегодно вывозились до двадцати лаков золота.²

Приведенный нами пример подтверждается и в статье «Очерк внутренней торговли Киргизской степи», где говорится, что «прежде из Коканда и Бухары шло в Индию до 1000 верблюдов с шелком, но теперь цены на шелк упали, и шелку, вообще, везут мало. Гашиш проникает в Индию контрабандою и главным образом им торгует Коканское ханство, которое получает его в свою очередь из Кашгара и Яркенда... Торговый баланс между Индией и Среднею Азией восстанавливается тем, что туда возилось ежегодно до 12 лаков золота (лак = 100000 золотых). Груз шелку стоит 400 червонцев, груз козьего – 25 червонцев. Цена гашиша до 50 руб. за пуд».³

О кокандско-индийских связях можно судить и по тому, что до последних дней существования Кокандского ханства

¹ Горчаков И.Д. Обзорение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии//Записки ИРГО. Книга III. СПб., 1849. С. 213.

² Гейнс А.К. Собрание литературных трудов. Т. II. СПб., 1888. С. 532–535.

³ Промышленность и торговля. Очерк Внутренней торговли Киргизской степи (статья вторая)//Туркестанский сборник. Т. 5. С. 319–320.

во многих его городах жили индийцы, которые занимались торговлей и ростовщичеством.

Кокандское ханство еще вело торговлю с Китаем, Афганистаном, Ираном и другими странами, но в малом количестве.

Оживленную торговлю проводил Коканд с Бухарою, которая снабжала Коканд красителями, хлопчатобумажными тканями, в том числе и английскими, привозными из Мешхеда. Эти товары отдавались в долг местным торговцам в рассрочку от 12 до 18 месяцев. В Коканд привозили также из Бухары, хотя в очень незначительном количестве, индийские бакалейные товары, кабульские кушаки и чалмы.

На бухарские рынки кокандцы привозили изделия из русского железа, чугуна и стали, а также рис, табак, шелк, некоторые китайские и местные шелковые материи, чай, фарфоровую посуду. Однако иногда они прерывались вследствие войн между ними. Тем не менее, кокандско-бухарские отношения имели свои преимущества. Так, например, для перевозки тяжестей на кокандско-бухарской дороге использовались иногда арбы, так как «сама почва земли благоприятствует этому способу транспортировки купеческих грузов».¹

Основным средством перевозки были верблюды. Из Бухары в Коканд караваны шли 20–22 дня и провозная цена с верблюда была 2,5 – 3 тилля.²

Караваны шли по следующим маршрутам: Бухара – Самарканд – Джизак – Заамин – Ура-Тюбе – Ходжент – Махрам – Беш-арык – Коканд, а также Бухара – Самарканд – Янгикурган – Джизак – Рават – Ям (Йом) – Ура – Тюбе – Ходжент – Махрам – Бешарык – Коканд.

В организации и развитии внутренней и внешней торговли большую роль играли караванные пути. В этом аспекте заслуживают внимания сведения М.А.Терентьева:

1. Из Коканда через Тиляу и горы Кендир в Ташкент. Этот путь до Тиляу разделялся на два: один по левой стороне Ангрена, через Курдинскую волость шел на Бискент, Той-Тюбе

¹ Небольсин П.Н. Очерки торговли России... С. 6.

² Небольсин П.Н. Очерки торговли России... С. 13.

и Ташкент; другой переходил Ангрен у Тияу и в село Кара-китай разветвлялся на две: одна в Той-Тюбе, другая на Кавардан, Ниязбек и Ташкент – эта ветвь была самой длинной, и пользовались ею только во время распутицы, когда участок от Той-Тюбе до Ташкента был непроходим.

2. Из Коканда через горы Уч, мимо станции Мирза-Рабат. Этот путь в 7 верстах не доходя станции Уральской (иначе – Рабат) разделялся на два: один на Бискент и Той-Тюбе, другой забирает влево, через Буку, деревни Джафан, селе Зинчаты в Ташкент.

3. Из Коканда и Намангана через Тирс была дорога, которая шла вверх по Чаткальской долине, затем по ущелью Кара Бура вступал в Аулиеатинский уезд, отделяя одну ветвь влево через Чимкентский уезд, горы Джетысу, Ак-Джарскую волость и Капланбек к Ташкенту. По этому пути шли вьючные караваны только летом, зимой же сообщение прекращалось из-за глубоких снегов.

4. Из долины Сайрама через Тияу в Коканд. Этот путь из Сайрамской долины проходил по Джетысуйской и Ак-Джарской волостям, переваливал через горы Дербесень в Александровскую волость, где по ходженскому мосту переходил Чирчик, затем через Коч-Курганскую, Китай-Тюбинскую и Канджигалинскую волости доходил до Тияу и потом по большой кокандской дороге направлялся в Коканд. Этот путь по преимуществу скотопрогонный для гуртов овец, прогоняемых из Аулие-Атинского уезда в Коканд.¹

Интересные сведения о караванных дорогах сообщает М. Венюков. Так, по его данным из Ташкента в Коканд была караванная дорога, удобная и для колесной езды с переправами, на паромах у Куйлюка через Чирчик и у Чиль-Махрама через Сырдарью. А из Аулие-Ата в Коканд была трудная вьючная дорога через горы по проходам Карабуре и Чанышу через Наманган, причем от деревни Иски-абад до Коканда караваны шли Ферганской равниной и у Санга переправляются через Сырдарью и дальше около 20 верст шли песками.

¹ Терентьев М. А. Статистические очерки. СПб., 1874. С. 113.

Из Намангана в Ташкент караванная дорога была хорошей и проходила по населенной местности. Из Оша в Джизак большой караванный путь, удобный для езды на колесах, проходил через Фергану. Эта дорога вела также на Маргилан, Коканд и Ходжент.

Из Коканда в Куляб была дорога через Каратегинские и Воханские владения на Риштан, Лангар, перевал Шахкенд, Чивильдар и Ханабад.¹

Кокандско-русские торговые отношения усиливались из года в год. Так, например, анализируя поступающие пошлины, в Оренбургскую таможенную и отпуск товаров в течение ста лет (1758–1853 гг.), И. Янжул приходит к выводу, что «Торговая Оренбургская была для русских чрезвычайно выгодна и добавляла сначала сто процентов, да и потом от 70 до 50 и не менее 40% прибылей».² Приведя цифровые данные, И. Янжул отмечал, что с 1758 по 1855 г. экспорт товаров увеличился с 174.000 до 2.171.000 руб. серебром, а импорт с 37.000 до 676.000 рублей.³ Экспорт, таким образом, превысил импорт на 1.495.000 руб. Это свидетельствует о том, что в целом товарооборот возрос в 3,2 раза. В.В. Вельяминов-Зернов еще в 1854 г., отмечая важность расширения русско-кокандской границы, писал: «Коканд есть страна вовсе не промышленная, она окружена во всех сторон народами, которые стоят или на одинаковом с ними ступени развития, или по низшей. В близком соседстве нет ни одного государства образованного, кроме России. Положение это – как нельзя более выгодно для нас. Очевидно, что Коканд местными средствами не в силах удовлетворять своим самым необходимым потребностям. Если он может откуда-либо получить товары, то из одной России».⁴

¹ Венюков М. Опыт военного обозрения. С. 350–351.

² Янжул И. Исторический опыт торговли со Средней Азии// Туркестанский сборник. Т. 375. С. 96.

³ Янжул И. Исторический опыт торговли со Средней Азии// Туркестанский сборник. Т. 375. С. 98.

⁴ Вельяминов-Зернов В.В. Торговое значение Кокандского царства для русских// Ташкент. ГПБ им. Навои. Рукопись ПУ-3579. С. 83–84.

Определенное внимание кокандско-русским торговым взаимоотношениям уделил генерал-майор Черняев. Он, в частности, в своем рапорте от 23 апреля 1865 г. писал: «Относительно наших торговых отношений ко всем Среднеазиатским ханствам, мне кажется необходимым иметь, прежде всего, в виду свободный пропуск наших купцов на среднеазиатские рынки, с ответственностью за безопасность их жизни и имущество. С достижением этого условия, все остальное, что до торговли касается, может устроиться интересам самих торгующих, без вмешательства администрации».¹

По словам Черняева, в Коканд вывозили из России железо, медь, сталь, чугуны и металлические изделия, ситцы и сукна «низшей доброты», бархат в небольшом количестве, сахар, фаянсовые чашки, небольшие зеркала, обработанную кожу. А из казахской степи, подведомственной России, вывозили свиней, скот, по преимуществу баранов, сало, масло, необработанную кожу и войлок.²

В Россию привозили из среднеазиатских ханств шелковые и хлопчатобумажные товары (халат, маты), хлопок, сушеные фрукты, рис, ковры. Избытки вывоза из ханств против «привоза из России пополнялись из последней золотою и серебряною монетою в довольно значительном количестве».³

Одним из основных видов вывоза из Коканда в Россию в 60–70-е годы XIX в. был хлопок. Если в течение 10 лет (1840–1850 гг.) было вывезено всего на 18.119 руб., то в 1867 г. хлопка было вывезено на сумму 274.293 руб. Эта цифра иногда менялась в зависимости от военных действий. Например, из Коканда в 1862 г. было вывезено на 160 руб., а в 1866 г. – 324.136 руб. Шелковых изделий в 1862 г. было вывезено на 32.831 руб., а в 1863 г. – на 10.036 руб., в 1866 г. – на 4.009 руб., тогда как вывоз сырья значительно возрос. В 1863 г. было вывезено шелка-сырца на 264 руб., а в 1867 г. – на 20.820 руб., шерсти в 1862 г. – на 60 руб., а в 1867 г. – уже на

¹ ЦГВИА России, ф. 1442, оп. 1, ед. хр. 19, л. 3.

² ЦГВИА России, ф. 1442, оп. 1, ед. хр. 19, л. 3 об.

³ ЦГВИА России, ф. 1442, оп. 1, ед. хр. 19, л. 3 об.

13.444 руб. и т.д. Из этого примера видно, что Кокандское ханство в целом превращалось в сырьевую базу России.

Известно, что после того, как царские войска утвердились в Ташкенте (1865 г.) и царизм мог диктовать свои условия соседним ханствам, — в 1867 г. после образования Туркестанского генерал-губернаторства, Оренбургская и Сибирская таможенные линии оказались внутри страны, и, естественно, были сняты.

Одним из первых в этом плане мероприятий первого Туркестанского генерал-губернатора К.П.Кауфмана было заключение в 1868 г. торгового договора с Кокандским ханством. В результате этого договора, все без исключения города и селения кокандского ханства стали открытыми для русских купцов. Им было разрешено иметь в любом месте свои караван-сарай, в которых они могли бы складывать товары. Для наблюдения за правильным ходом торговли и за законным взиманием пошлины, русским купцам предоставлялось право, если они этого захотят, в любом городе иметь своих торговых агентов.¹ Со всех товаров, идущих из русских приделов, в Коканд или оттуда в Россию, должны были взиматься столько же пошлины, сколько в Туркестанском крае, т.е. по два с половиной процента со стоимости товаров. Русским купцам с их караванами предоставлялся свободный и безопасный проезд через кокандские земли в соседние с Кокандом владения.² Эти условия были весьма выгодными для русской торговли и потому неудивительно, что М. А. Терентьев писал: «Из всех рынков мы можем считать вполне нашим только Коканд, окруженный с трех сторон нашими владениями и отрезанный для остальных соседей почти непроходимыми горами»³.

По распоряжению фон Кауфмана, в целях развития торгов-

¹ Многие из них были также агентами русской разведки. Например, Ключарёв, бывший в Коканде русским торговым агентом и торговцем, был также агентом русской военной разведки.

² Наши торговые договора с владениями среднеазиатских ханств// «Московские ведомости». 1868. № 277.

³ Терентьев М. А. Россия и Англия в борьбе за рынок. 1876. С. 49.

ли России в Средней Азии и сближения потребителей с купцами в 1870 г. в Ташкенте была учреждена ярмарка. Особый интерес представляют сведения об обороте товаров кокандских купцов, позволяющие представить масштабы кокандско-русской торговли в связи с открытием ярмарки, демонстрирующей всевозрастающую роль Кокандского ханства в поставке сырья, особенно хлопка, маты, сарнака и шелка. Так, на ярмарку было привезено всего: хлопка на 206.039 руб., в том числе из Коканда – на 191.052 руб., маты - на 118.417 руб., в том числе из Коканда – на 88.440 руб., сарнака – на 24.664 руб., в том числе из Коканда – на 23.779 руб., шелку – на 17.007 руб., в том числе из Коканда – на 14.614 руб.¹

Коканд из России непосредственно получал на 600.000 руб. товаров, а через ташкентских купцов – на 2 миллиона, всего же на 2.600.000 руб. Это являлось потребительской силой кокандского рынка.²

Статистические данные, разработанные Ташкентским ярмарочным комитетом, показывают, что в 1871 г. в Ташкент из Коканда было привезено:

Шелку 3.766 пуд 22 фунта на 589.781 руб.

Сарнака 2.846 пуд. 26 фунта на 47.326 руб.

ВСЕГО 6.613 пуд., 8 фунта на 637.107 руб.

В следующем, 1872 г. было привезено:

Шелку 4.832 пуд. 9 фунта на 798.088 руб.

Сарнака 2.188 пуд. 2 фунта на 46.097 руб.

ВСЕГО 7.020 пуд, 11 фунта на 844.185 руб.

Эти данные убедительно свидетельствуют о значительном росте шелководства в Кокандском ханстве за этот период. «То, что в течение десяти лет едва могла дать вся Средняя Азия, (ввоз на 816.661 руб.), то теперь дает один Кокан», –

¹ Терентьев М. А. Статистические сборники Среднеазиатской России. СПб., 1874. См.: примечание к ведомости 8.

² Терентьев М. А. Россия и Англия в борьбе за рынки. СПб., 1876. С. 53–54.

заклучает М. А. Терентьев.¹

Фактические данные показывают, что Кокандское правительство и царская Россия были взаимно заинтересованы в установлении торговых отношений, хотя в рассматриваемое время Россия практически получала гораздо больше выгоды от торговли, чем Коканд. Царская Россия диктовала свои торговые условия ханству. Коканд же этого делать не мог. Зависимость Коканда особенно отчетливо выразилась в торговом соглашении 1868 г.

Торговые отношения России с Кокандским ханством оказали влияние на развитие сельского хозяйства, проникновение в быт некоторых элементов русской культуры. Кокандское ханство постепенно превращалось в один из сырьевых районов легкой промышленности царской России и один из внешних рынков сбыта. Изучаемый нами материал также свидетельствует о том, что успешные русско-кокандские торговые отношения в основном сыграли прогрессивную роль, в целом, для Кокандского ханства. Но для города Коканда они сыграли отрицательную роль, так как ввод русских товаров тормозил развитие некоторых отраслей местной промышленности и вытеснял с кокандского рынка некоторые виды товаров кустарного производства.

Одной из причин активной эксплуатации Коканда, как рынка сбыта явилась крестьянская реформа (1861 г.) в России, которая создала особенно благоприятные условия для развития крупной капиталистической промышленности в стране.

НАЛОГИ И ПОВИННОСТИ В КОКАНДЕ

Ханское правительство обирало народ, налагало на него различные налоги и повинности, что чрезмерно усиливало принудительное участие населения в различных, довольно интенсивно осуществляемых, строительных работах, в хозяйствах самих феодалов, крепостях и т.д.

¹ Терентьев М. А. Россия и Англия в борьбе за рынки. СПб., 1876. С. 84—85.

По сведениям А. Л. Куна, официально существовали следующие подати: натуральный харадж или десятичная подать, закят – торговый процент с товаров и со скота, базарный сбор за право торговли на рынках, за содержание весов, за переправу через реки, пошлины на соль. Еще был особый вид подати – маклерский процент за совершение браков, который в других ханствах, на основании шариата принадлежал казиям.¹

Подати делились на хассаги и беклик. Хасаги – это доходы, поступавшие в казну хана, в виде аренды, его приближенным. Беклик – это доходы, поступавшие в казну бека. В ханскую казну шли доходы всех указанных наименований, но собирали их исключительно из Коканда и подвластных ему селений. Из других местностей в ханскую казну поступало: 1) закят с товаров и со скота; 2) пошлины с переправ через Сырдарью; 3) сбор с соли; 4) сбор с имений хассаги; 5) арендные сборы на лавки, караван-сарай, амбары, построенные на средства хана в разных городах; 6) маклерские проценты за совершение свадебных обрядов; 7) выморочные имущества.

Правителям вилаетов было предоставлено право собирать хараджную и потанабную подати. В ханскую казну в период третьего правления Худаяр-хана (1865–1875 гг.) ежегодно поступало до полутора миллиона рублей.²

В первой половине XIX в. доходы Кокандского ханства составляли как в натуре, так и деньгами, часть которых употреблялась хокимами вилаетов, на содержание войска и другие потребности. Остальная часть дохода поступала в ханскую казну. С полей, засеянных рисом, пшеницей, джугарой и другими зерновыми культурами, взималась пятая часть урожая. А с земель, занятых садами, виноградниками, посевом трав, овощами, хлопчатником и другими растениями, размер сбора определялся в зависимости от площади. Поземельный налог был известен под названием «танабана». Размер потанабной подати зависел от посеянной культуры. Например, с

¹ Кун А. Л. Очерки Кокандского ханства. 1877. С. 5–6.

² Кун А. Л. Очерки Кокандского ханства. 1877. С. 8.

танаба земли, занятого тополями и карагачами, взимали по 50 копеек, занятого огородами, засеянного дынями, огурцами, арбузами, клевером, тузовыми деревьями, луком и морковью весеннего посева – по 1 руб.; виноградом и фруктовыми садами – по 2 руб.¹

Сборы с городов определялись от числа домов, лавок и некоторых статей ремесленного производства.

Харадж поступал в распоряжение того бека, в ведении которого состояло население. Бек обязан был за это содержать гарнизон и выставлять по требованию правительства известный контингент войск во время войн.

Харадж собирался с коша. На один кош засевали от трех до пяти батмана зерна.²

Сбором хараджа в Кокандском ханстве заведовал серкер, назначаемый беком города. После назначения серкер нанимал себе помощников – мирабов. Число помощников определялось от того, на сколько разделены обрабатываемые земли, из числа принадлежащих городу. Каждым таким участком заведовал арык-аксакал.

С наступлением весенних работ серкер направлял по одному мирабу в каждый участок, которые в течение лета обязаны были узнать число хозяев на участке и количество посевов. С наступлением уборки урожая, в каждый участок посылался мулла, с прибытием которого арык-аксакал, мираб и мулла образовывали комиссию для составления хараджных списков. Они перемеривали умолот каждого, и, определив количество причитаемого налога, вносили это число в список. Список проверялся серкером через расспросы у жителей и арык-аксакалов, затем он представлялся для утверждения беку. До утверждения списка, к нему мог придти каждый желающий и просить об освобождении его от податей. Обычно

¹ Пантусов Н.И. О податях и повинностях, существовавших в бывшем Кокандском ханстве в последние годы правления Худаяр-хана//Туркестанские ведомости. 1876. № 16.

² Наши приобретения в Средней Азии. Чимкентский округ. С. 130–131

под милость бека попадали его агенты и тому подобные приспешники и в исключительных случаях самый бедный, которого должен был засвидетельствовать кази и серкер. Только после этого бек вычеркивал его из списка. Но такие милости были очень редки, так как серкер ранее включив просителей в список лиц, подлежащих уплате налога, старался доказать свою правоту, а бек всегда поддерживал серкера.

После утверждения списка подать вносилась безотлагательно, так как до этого хозяин не имел права вывезти с поля свой урожай и продать его.¹

Систематическое злоупотребление сборщиками при измерении урожаев и определении с него сбора хараджа при составлении записей ложилось тяжелым бременем на население.

Заслуживают внимания сведения о сборе хараджа в рапорте военного губернатора Ферганской области. Хотя эти сведения относятся к 1879 г., но, учитывая, что у населения собирали то же количество сбора, что и до ликвидации Кокандского ханства, они представляют определенную научную ценность. Как говорится в рапорте, «цифра хараджа доведена весьма близко до действительной. Так, например, в Кокандском уезде 200 (тысяч) танапов заплатили собственно хараджа 240 (тысяч) руб.; в Андижанском с 380 т. танапов уплачено 450 т. руб.; Наманганский с 135 т. танапов дал 140 т. руб.; Чустский с 120 т. танапов – 148 т. руб.; Исфаринский с 108 т. танапов – 109 т. руб. и Ошский приблизительно с 60 т. танапов – 69 т. руб. Таким образом, область с 1.248.000 танапов дала собственно хараджной подати 1.463.000 руб»².

Кочевые народы платили с 40 голов скота по одной. Сборы с торговых караванов производились самими областными хокимами или их приказчиками. Караваны, приходящие из-за границы, платили с суммы по $2\frac{1}{2}$ %. Этот сбор и сбор с кочевников назывался закятом.

В этом аспекте большую ценность представляет «Объяснительная записка к проекту временного положения о пошлинах

¹ Современная летопись. 1876. № 24.

² ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 14, ед. хр. 339, л.10 – 11.

за право торговли и промыслов в Туркестанском генерал-губернаторстве», подписанная К. П. фон Кауфманом I, что является его официальным мнением.

По словам Туркестанского генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана, по мусульманскому праву шариату, закят есть обязательная для каждого мусульманина подать, отдаваемая им, по своей доброй воле, на разные благородные цели, с законно владельного и приобретаемого имущества в указанных мусульманскими постановлениями размерах, преимущественно $1/40$ части. По связи с этой податью с общею мусульманскою казною (бейт-уль-мол) предназначающееся, между прочим, так же, как и зякет, на ведение войн с неверными, главы мусульманских обществ, на которых, по шариату, возлагалось распоряжение общею мусульманскою казною и ведение таких войн, присвоили себе право и на взимание зякета. Таким образом это добровольное для мусульманина пожертвование на богоугодныя дела, делаемое им самим, по его собственному выбору и усмотрению обратилось сначала в обязательную для него подать, а затем впоследствии, когда распорядители общей мусульманской казны сделались деспотами, закят стал их доходною статьею. Таким образом, в Среднеазиатских ханствах торгово-податная система под названием закята не имела почти ничего общего с тем, что в мусульманском законодательстве подразумевается под этим названием.

В среднеазиатских ханствах раньше, чем выслать свой караван за город, каждый купец обязан был доложить закятчи, что он отправляет столько-то верблюдов, такого-то товара, туда-то. Закятчи посылал своего чиновника в караван-сарай, где сложен товар указанный купцом.

Посланный осматривал товар только снаружи, не распаковывая его, и затем объявлял купцу, сколько следует закята, полагая 2,5% со стоимости товаров. Кроме того, закятчи собирал в свою пользу по 20 копеек (по одному кокану) с каждого верблюда за написание пропускного ярлыка. По выдаче квитанции на оплаченный закят, или ярлыка, купец имел право беспошлинной торговли в течение одного года, на очищенную закятом сумму, по всей территории Кокандского ханства.

Закет с суммы, на которую торговал купец, брался только раз в год; если же ценность товаров, привезенных или вывезенных им откуда-нибудь, в течение года, превзошла бы сумму, очищенную за этот год закетом, то 2,5% взыскивалось со всей разности между ценностью этих товаров и суммой, за которую уплачен закет.

Купец, приходящий с караваном, не очищенным еще закетом, обязан был остановить его за воротами города и сообщить закетчи или его (главному) чиновнику о своем прибытии. При ввозе товаров закетчи обыкновенно их распаковывал на том основании, чтобы точнее проверить купцов, уплативших уже закет, и осмотреть импортные товары.

Зякет, взимаемый с товаров, принадлежащих евреям и христианам, был вдвое больше, т.е. 5%.

Караванам, приходящим из соседних ханств в другое, приходилось уплачивать закет два раза: на своей Родине и в том государстве, куда привозился товар. Если же караван только проходил транзитом через территорию какого-либо государства, то владелец обязан был все равно уплатить закет.

Закет собирался при Кокандском владычестве с гуртов скота, при прогоне их на продажу. В закет вносили владельцы гуртов 1/40 доли стоимости каждой головы скота.

С золота и серебра также брался по 1 тилли с 40.

Закет собирался и со стадов киргизов (казахов), приписанных к городам. Для этого закетчи посылал своих чиновников в аулы и забирали в закет сороковую голову скота. Закет не собирали с товаров или баранов, если ценность их не превышала 40 тилля. С золота и серебра он тоже не собирался, если приводимая сумма не свыше 20 тилля.

Закет не учитывался кокандским правительством и вся полученная сумма полностью оставалась в распоряжении закетчи, который посылал неопределенную сумму хану и беку и должен был немедленно исполнять их денежные требования из-за опасения потерять свое место. На закетчи лежала, главным образом, обязанность снабжать войска оружием, медью и железом.

Годовой сбор закята в Ташкенте составлял 60000–80000 тилли в год.¹

Главные города Кокандского ханства в первой половине XIX в. со своими округами (вилаетами, бекствами) ежегодно давали хану следующий доход:

1. Коканд - от 80 до 90 тысяч чариков разного зерна, 100000 тиллей пошлин и 10000 тиллей за танаб, т.е. поземельной подати.

2. Ташкент, вместе с северными округами – 600000 чариков разного зерна, 60000 тиллей пошлыны и 3000 тиллей за танаб.

3. Курама – 300000 чариков сарачинского пшена (риса), 200000 пшеницы и 1000 тиллей за танаб.

4. Наманган с Тюракурганом и Тюсом (Чуст) – 800000 чариков разного зерна, 50000 тиллей пошлыны и 4.000 тиллей за танаб.

5. Ура-Тюбе – 200000 чариков пшеницы, 2000 тиллей пошлыны и 1000 тиллей за танаб.

6. Ош – 1000 чариков пшеницы, 1000 чариков ячменя и 10000 чариков джугары.

7. Андижан – 25000 тиллей пошлыны.

8. Талмазар, Кува и Шахрихан – 100000 чариков сарачинского пшена, 200000 чариков пшеницы и 4000 тиллей за танаб.

9. Маргилан и Ярмазар – 200000 чариков разного зерна, 20000 тиллей пошлыны и 2000 тиллей за танаб.²

Приняв за основание средние цены на зерно и полагая тиллю по 12 руб.80 коп. на русские ассигнации (по соотношению к 1848 г.), выходило, что Кокандский хан получал доход в рублях ассигнациями:

Коканд	– 6528000 руб.
Ташкент	– 4646400 руб.
Курама	– 3852800 руб.
Ходжент	– 2905600 руб.

¹ ЦГИА России, ф. 573, оп. 2, ед. хр. 2173, л.12 об - 13 об.

² Записки ИРГО. СПб., 1849. Т. III. С. 214–216.

Наманган – 5811200 руб.
Ура-Тюбе – 1318400 руб.
Ош – 3800 руб.
Андижан – 320000 руб.
Талмазар, Кува и
Шахрихан – 2184500 руб.
Маргилан – 1561600 руб.¹

Вообще весь доход Кокандского ханства составлял 29166900 руб. ассигнациями. К этому к статье присовокупляется 128000 руб. платимых городом Кашгаром, сбор некоторых культур земли, например, табака, городом Исфары, Чингазы и др. и разные суммы, получаемые от областных хокимов экстраординарным образом.²

После потери Туркестана, Чимкента, Ташкента и ряда других районов территория Кокандского ханства намного уменьшилась, следствием этого было сокращение дохода кокандского хана. Поэтому Худаяр-хан выдумывал новые налоги для пополнения своей казны. Так, например, 10 июня 1874 г. он ввел дополнительные налоги на население ханства. В прежнее время хворостом, валежником, камышом и травой пользовались все по мере необходимости. После введения дополнительного налога привезший известное количество должен был уступить хану половину. Кроме того, при городских воротах с каждой арбы камыша или хвороста взималось по 1/2 таньги и за место на базаре по 1 таньге.

Из сбора пиявок хан также сделал доходную статью и продавал их всем нуждающимся через особо приставленных к таким прудам людей.

При продаже рогатого скота в пользу хана начали взимать с каждой головы по одной таньги, а с баранов – по 1/2 таньги. Со всех товаров, привозимых в Коканд, начали взиматься 1/10 часть стоимости – закет и, кроме того, в пользу ха-

¹ Горчаков И.Д. Обзорение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии// Записки ИРГО России. СПб., 1849. Т. III. С. 214–216.

² Горчаков И.Д. Обзорение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии// Записки ИРГО России. Т. III. С. 207–215.

на 5% с продажной цены. Со всякого верблюжьего вьюка шелка или хлопка взимались 10 таньги. При розничной торговле начали собирать с учетом ценности вещи, с сапожного товара, платья и т.п. поштучно, от 2 коп. до 1/2 таньги.

С каждого черека (4 пуд) какого-то ни было зерна при продаже должны были платить 2 коп. С арбы овощей и фруктов начали брать в пользу хана от одной до трех таньги, кроме того, с этих же предметов взимался харадж и танап, а также брали и за место на базаре. С молока и масла начали собирать с каждой чашки по 1 коп. С каждой пары диких уток и гусей, привозимых на базар для продажи, в пользу хана забирали одну штуку. С домашней же птицы начали брать с каждой штуки по 1 коп., а с сотни яиц – по 1 таньге. За скот вообще уплачивался закят, но, кроме того, в пользу хана начали взиматься с каждого проданного верблюда 2 таньги, а с лошади и осла – по 2 таньги.¹

Хан имел несколько приученных медведей, волков и собак, которых он посылал со своими людьми по базарам, при чем приказывал взимать за это развлечение с каждой лавки по 1 коп. Кроме того, он рассылал по базарам также своих шутов и собранные ими деньги употреблял на расходы по своей кухне. Всякий имам (мулла), назначаемый в мечети, обязан был платить за это хану пять таньги.

Если хан узнавал, что в каком либо семействе собрались на туй, то он посылал туда своих музыкантов, которые, получая каждый по халату, должен был приносить, кроме того, хану от 2 до 5 тиллей.

Во время ежегодного весеннего загородного гулянья каждое общество ремесленников и купцов преподносили хану, в зависимости от своих средств, от ста до тысячи тиллей. За несоблюдение этого обычая, старшины «виновного» общества наказывались палочными ударами.²

Старший чиновник особых поручений А. Л. Кун в докладной записке от 2 октября 1875 г. генерал-губернатору К. П.

¹ ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 60, л. 195.

² ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр., 60, л. 196.

фон Кауфману писал, что «по шариату мусульманские государства вносят своим ханам подати харадж – 1/5 часть со сбора, танап – 5–10 тенег, зякет торговый с товаров – 1/40 и зякет со скота в том же размере.

В действительности в среднеазиатских ханствах, кроме этих прямых налогов, в доход ханов поступают (в Бухаре, Хиве, Кокане и владениях, занятых русскими):

- 1) теги-джай – за торговое место – базарный доход;
- 2) никах и тарикане – нотариальный и свадебный договоры и раздел имущества между наследниками;
- 3) луката – выморочные имущества;
- 4) терезу – за весы;
- 5) доходы с казенных имуществ недвижимых;
- 6) кема-пули – за переправу;
- 7) тамаки-пули – за табачные плантации;
- 8) намак-пули – пошлина за ввоз солей с копей;
- 9) риза-пули – деньги, поступающие от сбора за зелень и приправы.

Правительство Худаяр-хана к этим налогам прибавило:

- 10) хараджати – харадж с кочевников;
- 11) карагай-пули – за ввоз на базар лесу из гор;
- 12) отун-пули – пошлина за топливо (хворост, колючка, камыш и т.п.);
- 13) делал-пули – маклерские за куплю и продажу на базаре;
- 14) кок-пули – за луга и пашни;
- 15) су-пули – за воду, проведенную из гор арыками».¹

В связи с ликвидацией Кокандского ханства и образованием Ферганской области русская администрация создала комиссию, которая должна была собрать сведения о количестве податей и повинностей, взимаемых при Худаяр-хане. В марте 1876 г. эта комиссия «выяснила только сборы, могущия составить только государственный доход по всей области, а также сборы, подлежащие в годовой доход г. Кокана. К числу государственных доходов отнесены сборы: хараджный, танапный, зякетный и аренды за принадлежавшие бывшему ха-

¹ ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 64, л. 59.

ну лавки, фабрики, заводы и переправы. По собранным от мирз и должностных лиц, служивших при Худаяр-хане, сведениям, таких сборов поступило в ханскую казну среднюю цифрой хараджа с земельных продуктов 944600 руб., танапного 182440 руб., зякет с товаров и скота 197500 руб., аренды с казенных имуществ 26.940 руб. за переправы на Сырдарье 10000 руб., всего 1361480 руб.»¹.

Разумеется, эта цифра составляла минимум дохода, так как еще не было точно собранных сведений по всем статьям. Например, согласно собранным сведениям А. Л. Куна, в последние годы правления Худаяр-хана ежегодный доход составлял до 2,5 млн. руб.

К этим доходам с главных статей взимания следует еще причислить сборы пошлины за соль, арендную плату за переправы через Сырдарью, с имений хасаги, которые достигали 250.000 руб. При вычислении суммы общего валового дохода, которые выделяло ханство, А. Л. Кун принимал во внимание только освященные шариатом источники доходов.²

В Кокандском ханстве взимались также такие подати, как:

- 1) саваин-зякет – подать за право владения верблюдами;
- 2) садлук-зякет – подать за право владения баранами;
- 3) сбор с ремесленных учреждений;
- 4) Сбор с коша – подать с земледельческих орудий и сохи, запряженный парюю валов;
- 5) базарный сбор – плата, взимаемая с пригоняемых на продажу на базар животных по следующей таксе: за барана – 5 коп., лошадь и рогатый скот – 10 коп., верблюда – 20 коп;
- 6) весовой сбор – устанавливался для сбора по 1/2 коп. с каждого пуда зерна (пшеницы), привозимого на продажу на базар. По словам генерал-майора Гейнса, «с первого взгляда, весовой сбор кажется не обременительным, но в сущности он ложится на него тяжелым бременем»³. Это зависело от того, что люди откупщиков, вместо того, чтобы производить сборы

¹ ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 67, л. 190.

² Кун А. Л. Очерк Кокандского ханства. С. 8–9.

³ ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 14, ед. хр. 8, л. 13.

при весах, встречали каждого верблюда далеко за городом, останавливали его и требовали весовую таксу в совершенно произвольном размере. Кроме того, откупщики брали плату не с одного зерна, а со всего, что можно было взвешивать;

7) соляной и угольный сборы – взимались по 20 коп. с верблюда, навьюченного солью или углем.

Соль привозилась большею частью летом, когда её можно было добывать из соляных озёр. Уголь обжигался киргизами (казахами) в горах и привозились ими в город. Соль и уголь составляли для населения предмет первой необходимости. Например, уголь продавался по 25–30 коп. за мешок. Всего на верблюде таких мешков помещалось 3–4. Следовательно, население платило около 20% стоимости угля, привозимого за 100 верст от города;

8. Подводный сбор – подать с каждой лошади, верблюда или арбы, прибывающих к городским воротам с вьюком. Подводный сбор определялся в 10 коп. с каждой вьючной лошади и в 20 коп. – с верблюда или арбы. Такому сбору подвергалась каждая кладь, наравне с дровами, камышом, соломой и пр.;

9) свадебный сбор – пошлина, взимаемая в пользу казны за право выйти замуж – по 2 руб. с каждой девушки и по 1 руб. с каждой вдовы.¹

В 1875 г. территория Кокандского ханства ограничивалась в основном Ферганской долиной, вследствие чего общая сумма сбора подати заметно уменьшилась. Между тем, несмотря на это, ханское правительство старалось выжать из народа как можно больше денег. Приведём следующие данные годового дохода по некоторым видам товаров, из сведений Н. Н. Пантусова, который даёт суммы оборотов в таньгах и тиллях (мы перевели их в рубли, исходя из того, что 1 тилля в то время была равна 3 руб. 80 коп., а 5 таньга – 1 руб., согласно соотношениям 1875 г.²):

¹ ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 14, ед. хр. 8, л. 12–14.

² Пантусов Н.Н. Податные сборы в Коканде//Туркестанские ведомости. 1876. № 13.

№ п.п.	Товар	Сумма сбора в год, руб.	Примечание
1.	Шёлк	5130	
2.	Хлопок	5000	
3.	Русская мануфактура	4940	
4.	Шелковые материи	140	
5.	Кисеи	200	
6.	Бязь и астар	200	
7.	Алача	200	
8.	Платья	1000	
9.	Меха	200	
10.	Кожа	1000	
11.	Кошмы и арканы	828,4	
12.	Тюбетейки	20	
13.	Сено, дрова, клевер, солома и др.	3040	
14.	Кондитерские изделия	1000	
15.	Бараны	2000	
16.	Лошади	300	
17.	Масло	4560	Вместе с подведомственными кишлаками и г. Кокандом
18.	Зерновые продукты	6240	
19.	Коконы	2660	С подведомственными кишлаками Кокандского округа
20.	Тарике	7000	Вместе с окрестными кишлаками
21.	Никахане	800	
22.	Переправы	14502	Имеется ввиду доход со следующих переправ: Махрам, Чиль-Махрам, Акджар, Гурумсарай, Санг, Гадой топмас, Ахсы, Шоханд, Кыргыз-курган, Минг-булак, Пунган, Арсланбек.
23.	С арбакешей	1000	
24.	С ханских лавок	8098	За аренду.

Как видно из этих сведений, годовой доход Кокандского округа превышал 70.157 руб. И хотя сюда мы не включили сборы с многих товаров, можно наглядно представить весо-

вые и штучные сборы с отдельных товаров, производимых на рынках Коканда.¹

Весовой сбор с хлопка в хлопковом ханском сарае в Беш-арыке и Канибадаме давал ежегодную прибыль до 350 тиллей, т.е. 1.330 руб. Сборы с баранов производил джарчи-баши, которому, кроме Коканда, были подведомственны Беш-арык, Яйфан, Канибадам, Дурманча, Ультарма, Риштан, Алты-Арык, Янги-Курган, Биби-Убайда и другие населенные пункты. Сборы за аренду паромных переправ на реке Сырдарье, за добычу соли в соляных коях, за выморочные имущества (луката) были в ведении особого ханского серкера. Так, например, по сообщению Н. Н. Пантусова, сборы с соляных копей Сакратма, Кара-кан (Кони-сиё в Камыш-Кургане) и Ак-кан (Кони-сефид) в течение 1874 г. доходили до 9000 таньги. Сбор пошлины с соли и за переправы еженедельно осуществляли доверенные люди серкера.

По свидетельству Н. Н. Пантусова, податные сборы на базарах города Коканда во время правления Худаяр-хана приносили большие доходы в казну:

1) весовой сбор на базаре зерновых продуктов (галла бозори) приносил 5.760 руб. в год, причем, с каждой арбы продуктов взималось по 20 коп.;

2) весовой сбор на базаре торговли шелком и коконами достигал 4.860 руб. в год. За взвешивание одного пуда шелка и коконов сборщик взимал 10 коп. Часть этих сборов (3.600 руб.) составлял вакуф медресе Далаил-хана.

Кроме того, весовой сбор коконов, подведомственных Кокандскому вилаету, доходил до 2520 руб. в год;

3) на хлопковом базаре весовой сбор приносил ежегодно около пяти тысяч руб. дохода, а с хлопка в хлопковом ханском сарае в Беш-Арыке и Канибадаме – 1.260 руб.

Отличительной чертой являлось то, что с торговцев сбор взимался по 20 коп. за верблюда хлопка, а если этот груз привозился самим хозяином-земледельцем, то по 40 коп.;

4) базар по продаже масла в городе Коканде и подведомст-

¹ Туркестанские ведомости. 1876. № 13.

венных кишлаках ежегодно приносил 4.320 руб. дохода. На маслобойнях собирали с чаксы выработанного масла по 2,3 коп. и выдавали свидетельства, в противном случае собирали указанную подать за привезенное масло на базар;

5) сборами на скотном базаре заведовал джарчи-баши-серкер. Ежегодный сбор только с баранов составлял 39600 руб., а с лошадей – 5.400 руб. Сборы с баранов производил чиновник, который назначался джарчи-башием, а с лошадей и рогатого скота – другой чиновник.

6) сборы никагане (свадебные), тарике (с наследственного имущества), за аренду паромных переправ на реке Сырдарье, за добычу в соляных коях соли, выморочные имущества (лука́та) состояли в ведении особого ханского серкера. Доходы от этих сборов составляли до 3600 руб. Для сбора тарике и никагане в окрестных кишлаках г. Коканда были определены 4 человека. Они производили сбор тарике в том случае, если он не превышал 4–5 тиллей (14–18 руб.) с одного раздела имущества. Если сбор превышал 5 тиллей, то в кишлак выезжал определенный ханский чиновник. В г. Коканде был особый тарикачи. В 1871 г. сборы тарике в г. Коканде и крупные сборы тарике, от отдельных лиц, доходили до 7.000 руб. (в том числе средняя цифра сборов тарике в Коканде равнялась 3.200 руб.), сборы никагане доходили до 900 руб. (в том числе в г. Коканде – 640 руб.).

Сборы тарике мелкие (до 4–5 тилля) и никагане в окрестностях г. Коканда в 1874 г. доходили до 6500 руб. 60 коп, а сумма, собранная у кочевников Кокандского вилаета, составляла 1706 руб. которые собирались отдельными сборщиками, выезжавшими для этого в кочевья;

7) сборы на базарах по продаже сена, леса, древесины, клевера, соломы, дынь, винограда превышали 2080 руб., арендная плата составляла 2.160 руб.

8) кроме всего аксакалы-ремесленники платили известную дань за каждый цех в ханскую казну. Сборы эти производились при торговых сделках с продавца и покупателя. Так, например, в ситцевом ряду (раста), если продавалось на 360 руб. ситца, то продавец и покупатель уплачивали каждый по

1 руб. 40 коп. (сумма 2 руб. 80 коп.) и т.д. Эти сборы в год составляли приблизительно следующую сумму: (руб.)

1. С торговцев русской мануфактурой	4080
2. С торговцев чаем.....	1800
3. С торговцев платьем.....	1000
4. С торговцев шелковой материей.....	140
5. С торговцев шелком.....	1080
6. С торговцев атласом в особом сарае (и за аренду сараев в нем).....	252
7. На базаре кисей.....	200
8. На базаре кожевников (сюда входила плата за пользование водой из арыка, употребляемой для дубления кож).....	1000
9. На базаре москательных товаров	120
10. На базаре кондитерских изделий, фисташек и маиза (сушеный виноград).....	1000
11. На базаре бязи и астари.....	200
12. На базаре алачи.....	200
13. На базаре тюбетеек	120
14. На базаре мехов.....	200
15. На базаре кошмы и арканов (веревки).....	485
16. На базаре книг	36
17. С торговцев арбами и ободьями.....	600
ИТОГО:.....	12513 руб.;

9) с привезенного в Коканд киргизами из Соха угля собирали по три пуль за верблюдовоза. Эти сборы составляли вакф некоторых медресе;

10) сборы с арбакешей также арендовались и достигали 1.000 руб.;

11) Сбор арендной платы за ханские лавки в г. Коканде, которых насчитывалось 575 шт., в 1874 г. составил 7672 руб.¹ В. П. Наливкин считает, что под закето́м подразумевается «обязательное (принудительное) пожертвование части имущества или части дохода от имущества на путь Божий. Оплате закето́м подлежат: 1) скот; 2) оборотные капиталы; 3) произведения полей; 4) произведения деревьев и 5) товары 2 и 5

¹ Пантусов Н. Н. Податные сборы в г. Коканде//Туркестанские ведомости. 1876. № 13.

категории называются скрытыми (ботин) и не подлежат в отличие от остальных явных (зохир) осмотру или освидетельствованию сборщиков закета, амилей (амал), назначаемых государем.

Несовершеннолетние, умалишенные и рабы не обязаны уплачивать закет. Закет должен взиматься в нижеследующих размерах: 1) с ценностей и скота в размере $1/40$ стоимости имущества; 2) с произведений полей и деревьев в размере $1/10$ (ушр) урожая, и 3) с найденного клада в размере $1/5$ найденного.

Закет должен расходоваться:

1. На бедных и нуждающихся.
2. На сборщиков закета.
3. На нуждающихся вновь обращенных в ислам.
4. На неоплатных должников.
5. На рабов, не могущих уплатить выкуп по условию, уже заключенному с их хозяев.
6. На нужды воинов, сражающихся с неверными, и
7. На нуждающихся путешественников и чужестранцев.

Ушр ($1/10$) должен взиматься лишь в странах исконного ислама. В завоеванных же странах вместо него должен взиматься (харадж) в размере $1/5$ урожая.

Все суммы, взимаемые в виде закета, ушра и хараджа, должны поступать в (байт – уль-моль) казну религиозной мусульманской общины или мусульманского государства.

После того единая когда-то религиозная мусульманская община, расщепившись, разделилась на несколько автономных обществ, правители коих незаконно присвоили себе права верховных владык или государей, последние превратили в свое личное достояние, расходуемое ими по своему усмотрению, совсем не на те нужды, которые указаны ортодоксальным исламом»¹.

Определенную ценность для раскрытия налоговой политики в Коканде и в целом в ханстве представляет рукопись

¹ Наливкин В. П. Конспект лекций по истории ислама и по мусульманскому праву. Ташкент, 1908. Ч. I. С. 44–45.

статьи Идарова, который, наряду с другими вопросами, рассматривает и вопрос «О податях по учению ислама и зависимость рода поземельных правоотношений от размера и характера податей».

Согласно этой рукописи, подати в том смысле, как мы их понимаем, мусульманскому праву не известны. Шариат признаёт лишь милостыню, дань и оброк.

Книга «Хидая» определяет закят следующим образом. Закят есть установление божественное, обязательное для всякого человека, свободного и здорового телом и духом, взрослому мусульманина, обладающего имуществом в размере, законом определенном и состоящим в его владении не менее года.

На получение закята имеют право:

1) бедные и неимущие; 2) люди, получившие приказание собирать закят; 3) неправовверные, если содействуют мусульманам в войнах против неверных; 4) несостоятельные должники; 5) чужестранцы, если в чужой стране остались без средств к пропитанию. Он употребляется также на освобождение пленных и на богоугодные предметы: храмы, училища, мосты.

Закят вносится со всяких имуществ тайных и явных, в том числе и с продуктов земледелия. В этом случае он именуется ушри или ашр – десятина. Сама же земля закята не вносит.

Ушри бывает полная, половинная и двойная и, следовательно, колеблется от $1/20$ до $1/5$.

Ушри как один из видов закята носит священный характер, делающим его к неверным не приложным (т.е. не применимым). Напротив этого харадж есть знак, клеймо завоевания.

Харадж раз будучи наложен, никогда уже не подлежит отмене, даже в том случае если бы земля перешла в руки мусульманина. Если ушри взимается с имущества, то харадж с земли.

Харадж бывает двух родов: мувоззеф и мекосина. Первый взимается деньгами и соизмеряется с плодородием и площадью земли, второй – в виде процента с урожая, колеблясь от $1/2$ до $1/8$ части.

Харадж выражает иногда арендную плату, оброк за бес-срочный постоянный и срочный наем, иной раз – дань, заменяющую джехад – поголовную подать с народов, сдавших на капитуляцию и сохранивших все свои имущественные и политические права. Этот вид хараджа уничтожается с обращением владельца к исламу, так как он взимается не с земли, а с лица не мусульманина.

Наконец, харадж есть иной раз подать, взимаемая с земель, состоящих за владельцами их на право милька. Этот вид хараджа есть исключение в мусульманском мире и в том виде представляется он и в книге «Хидая».

Таким образом, ушри взимается с продуктов и никогда не с земли, вследствие чего, если земля переходит из рук мусульманина в руки неверного, то вместе с тем обращается в харадж.¹

В Коканде для сбора хараджа и других поземельных налогов назначался один человек, называемый серкером. Этот серкер назначал в каждый кишлак по одному диванбеги и по одному мирзе (писцу), которые составляли перепись и представляли ее серкеру, а тот из всех переписей составлял особую тетрадь и представлял ее для утверждения хану.

Если кто-нибудь из военного сословия занимался хлебопашеством, то с него не взимался харадж.

Близ Коканда находилось очень много кишлаков, состоящих из 20–100 домов, которые раздавались в награду высокопоставленным людям: мингбашиям, дастурханчиям, найбам и понсадам. 10 или 20 юзбашиям на откуп отдавался один кишлак, 30 или 40 дахбашиям – один кишлак, 50–60 ясаулмахрамам – один большой кишлак.

Если кто увольнялся, то уже больше не получал доходов от кишлака. В Коканде это назывался сенатдар кишлакдар, в Бухаре – тэнхач, в Константинополе – жалованье прислуге.

В рукописи Идарова имеются также сведения об общественной казне (бейт уль-моль), которую делят на 4 кассы доходов и расходов:

¹ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 27, ед. хр. 359, л. 69–71.

1. Бейт уль садака – казна милостынь. Сюда поступали и ашр или ушр – десятина, взимаемая с земель ушри.

2. Бейт уль ганаим – казна с военной добычи. Сюда же поступала и 1/5 часть всяких имуществ, в том числе и земельные, приобретенных на правах военной добычи.

3. Бейт уль харадж или феи – казна имуществ оброчных.

4. Бейт уль валидайн – казна имуществ бесхозьяйственных.

Бейт уль-моль в разных странах именовался по-разному: мамлякат (государственные), макуфат (обращенные в вакуф) и амляк (владение вообще). Это последнее наименование встречалось в большинстве случаев в Бухаре, Кокандском ханстве и в его пределах, отошедших под власть русского государства.¹

Тяжелое положение населения ухудшалось еще тем, что в процессе военных действий Кокандское ханство часто платило контрибуцию Бухарскому эмиру и царской России, которая ложилась на плечи трудового населения тяжелым дополнительным бременем.

Независимо от податей жители Коканда обязаны были нести различные повинности: выставлять лошадей, арбы, рабочих для ремонта или постройки крепостей, оросительных каналов, участвовать в военных действиях и т.д. При неимении возможности нести вышеназванные повинности они обязаны были платить определенную сумму. На собранные таким образом деньги нанимали рабочих, арбы, лошадей и т.д.

Одной из самых обременительных повинностей были хашары, при помощи которых бесплатно эксплуатировали народ, отрывая их от собственных забот в самый разгар работы.

10 июня 1874 г. Статский советник Вейнберг в своей докладной записке Туркестанскому генерал-губернатору писал, что в Кокандском ханстве «для проведения дорог, постройки ханских домов, для работ на его пашнях и в его садах, а также для приведения арыков и каналов рабочие сгоняются со всех концов ханства, при чем они должны трудиться безвозмездно, а в случае неявки их на работу люди эти наказываются палка-

¹ ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 27, ед. хр. 359, л. 61–62.

ми, причем случается, что их забивают до смерти (таких примеров было четыре-пять). Иногда бывало и то, что несчастных ослушников ханской воли живыми зарывали в землю».¹

Повинность чаще всего налагалась во время приготовления к войне или обороны от врагов. В первом случае повинность ложилась тяжелым бременем на население, так как она была направлена в интересах феодалов в междоусобной войне. Во втором случае повинность имела патриотический характер, так как была направлена для отражения общего врага и защиты родины. Примером этому может служить строительство стены и кургана вокруг города Коканда для обороны от войск бухарского эмира Насруллы в 1842 г.

Так, по словам автора рукописи «Ансаб ас-салатин ва таварих-и ал-хавакин», в 1842 г. военачальники и старшины Коканда, измерив длину окружности кургана с учетом возможностей, разделили по махаллям, а ров поручили окрестным кишлакам. И все население быстро воздвигло курган и вырыло ров.²

Повинность возлагалась также при строительстве оросительных систем, крепостей и т.д. Но самой тяжелой повинностью была воинская – обязательное участие мужского пола в братоубийственных междоусобных войнах.

Таким образом, можно сделать вывод, что на протяжении всего существования Кокандского ханства население Коканда было обязано уплачивать большие налоги и нести тяжелые повинности, что усложняло жизнь подавляющего большинства жителей, которые жили впроголодь и были нищими. Особенно тяжелым был последний период правления Худаярхана, о чем свидетельствуют народные волнения.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КОКАНДА

В период ханства в городе Коканде в XIX в. существовали несколько видов учебных заведений: медресе, мактабы, кары-

¹ ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 60, л. 195.

² ИВ АН РУз, указанная рукопись. № 9841, с. 13.

хана. Медресе считалось высшим мусульманским учебным заведением, а мактабы (школы) существовали, как при частных домах, так и при мечетях. Отдельно, при дворце Худаяр-хана была открыта школа (мактаб) для обучения молодого хана и детей высокопоставленных лиц. Например, в рукописи «Ансаб ас-салатин ва таварих-и ал-хавакин» говорится, что по приказу Мусульман-Кула в Урде было построено специальное здание для мактаба, где должны были обучаться Худаяр-хан и дети кипчаков. Мактабдором (директором) был назначен Мулла Садык»¹.

Однако, надо иметь в виду, что эта школа была построена не в здании ныне существующего дворца Худаяр-хана, а в старом, который существовал в 1845–1846 годах.

В мактабах, в основном, обучались элементарным правилам письма, изучали наизусть выдержки из Корана, изучали литературу и счету (т.е. арифметике). В кары-хане (спец. школа) обучались в основном слепые дети и изучали наизусть Коран, достаны, стихи. Существовали школы отдельно для мальчиков и отдельно для девочек.

Например, поэтесса Дильшод также содержала школу в Коканде. О своей педагогической деятельности писала: «Мои собеседницами и друзьями были смышленные девушки и талантливые поэтессы. В течение пятидесяти одного года я содержала школу, и, имея в среднем (ежегодно) от двадцати до тридцати учениц, всего обучила грамоте восемьсот девяносто девушек, из которых почти четвертая часть обладала способностью к поэзии, были поэтессами и умными людьми времени».²

В г. Коканде было много школ. Это говорит о том, что среди его населения грамотность была высокая и подавляющее большинство умело писать и читать.

Существование всех учебных заведений, кроме частных мактабов (школ), открытых у себя дома учителем, обеспечи-

¹«Ансаб ас-салатин...». Л. 78.

² Мухтаров А. Дильшод и ее место в истории общественной мысли таджикского народа в XIX – начале XX в.в. Душанбе, 1969. С. 301.

валось доходами с вакуфов, пожертвованных в разное время разными лицами в пользу различных учреждений, между которыми мечети занимали первое место, так как при них всегда учреждались мактабы (школы).¹

Согласно сведениям за 1841 г., в Коканде функционировало главное ханское медресе, где обучались до 1000 мулл. Этим медресе управляли два главных мудариса: Ишан Мавлани и Махзуми-Бухари, почитаемые за людей, имеющих обширные знания. Мы располагаем рукописным сборником, датированным в двух местах 1270/1853–54 г. и 1280/1863 г. В конце последнего листа написано: «Котиб Махзум жаннат макон» (Переписчик благочестивый Махзум). В сборник включены «Рисола-и муъаммо», «Байаз Мажмуа-и шуаро», имеются также рассказы в прозе, сведения о поездке автора рукописи в Карши. В баяз включены стихи и газели Навои, Хазик, Носир Али, Шайх Саъди, Бедиль, Касим Дева-на, Бахра-Хола, Мавлана Хайдар Хиратий, Мавлана Тахури Ширази, Мулла Махмуд Исфаканий, Мулла Рази, Саиб, Жамий, Акмал, Зиннат, Назим, Мирза Шавкат, Камила, Гази, Мужрим, Машраб, Шариф, Пари, Кассаб, Шайдо, Хувайдо, Амир Умархан, Махзум.

Медресе были и в других городах Кокандского ханства, но не столь значительные, как в Коканде. После окончания курса ученики (из состоятельных семей) отправлялись для дальнейшего усовершенствования в науках в Бухару и Самарканд. Курс наук состоял из толкования Корана, арабской, персидской (фарси) и тюркской (узбекской) филологии: наху (грамматика с присоединением к ней некоторых правил слога). Сведения об истории и географии они изучали из древних тюркских (узбекских), арабских и персидских исторических и географических рукописей. Определенное внимание уделялось обучению литературе, в основном поэзии. Проходили также курсы по математике, философии и астрономии. Доминирующее место занимали богословные предметы.

¹ ЦГИА России, г. СПб., ф. 954, оп. 1, ед. хр., 134, л. 9–10.

Мухитдин-хаджа, который долгое время прослужил в разных должностях при кокандских ханах, в 1861 г. учился в Кокандском медресе. Впоследствии он рассказал Н. Лыкошину, что его учитель, почтенный мударрис, держал их в строгости и не особенно жаловал тех из своих учеников, которые часто отлучались с душейной худжры для прогулки или для развлечения со сверстниками вне медресы. С самого раннего утра и до сумерек ученики проводили время за книгами, слушая объяснения домуллы (учителя) и упражняясь в каллиграфии.

В четверг учителя уходили домой и оставшиеся ученики заслуженно проводили свободное время в развлечениях. По пятницам не было занятий. Некоторые (но не все) ходили по базару и слушали проповеди и поучения маддахов – уличных проповедников, рассказчиков нравоучительных и религиозных легенд. Многие из учеников медресе мечтали попасть в мечеть, где по пятницам посещал хан и собирались ученые (по тем временам, в основном духовные лица, толкователи Корана) на иджас. Иджас – это состязание в мудрости и знании шариата, которое обеспечивало молодым ученым внимание хана и назначение в недалеком будущем на какую-нибудь должность, а старым (пожилым) доставляло случай обнаружить свою ученость, поспорить с равными себе и упрочить за собой славу.

Обычно после джума-намаза прямо в мечети хан подзывал к себе ученых и предлагал им обсудить какой-нибудь сложный и имеющий различные толкования вопрос по законоведению. Один из присутствующих высказывал свое мнение и потом начиналась дискуссия. Каждый старался подыскать доказательство и подтвердить правильность своего взгляда по данному вопросу. Цитаты из книг шариата следовали за ссылками из Корана. Диспут иногда затягивался на несколько часов.¹

Следует иметь в виду, что многие кокандские ученые и просветители, религиозные деятели служили не только в Ко-

¹ Лыкошин Н. Дорогой гость//Средняя Азия. Альманах, Ташкент, 1895. С. 201–202.

канде, но и в других городах и государствах, которые упоминаются во многих рукописных книгах. Например, в одной из таких рукописных книг «Равохий ул-кудс» («Священные ароматы» или «Священные запахи») имеются следующие сведения.

Сираджум уламо Ахунд домля. Он является кокандцем, учеником Шермухаммада. Он был способным и талантливым ученым. Умер в 1200 (1785-1786) г.

Ахунд мулла Аёзуиллахи Бухарий. Этот человек сам из Коканда, прибыл в святую Бухару учиться у Ахунд мулла Шермухаммада. Овладел всеми знаниями. Умер в Бухаре в 1200 (1785-1786) г., похоронен возле могилы Шермухаммада.

Такие же краткие сведения даются и о известных людях своего времени: Ишан Багдар Хукандий (настоящее имя Низамиддин); Ишан устад Хукандий (настоящее имя Мухаммад Якуб), умер в 1200 (1785-1786) г., похоронен в Коканде; Халифа Маллабай Кукандий; Устод хазрати домла Хожа калон Хукандий-Бухарий (настоящее имя ишана Домла Мирсайид Абул Али ходжа, а Хаджа калон псевдоним); Халифа Жалолиддин хужа Кукандий, он написал книгу «Мукошифул ас-рор», умер в 1262 (1845-1846) г.; Устод Хофиз Мирза Мухаммад Хукандий, умер в 1255 (1839-1840) г.; Шайх Миён Бузрук Накшбандий-Хукандий.

А. Л. Кун определенное внимание уделил вопросу образования в Ферганской долине. Он собрал ряд статистических данных по некоторым городам (сведения на 1875-1876 гг.)¹:

Статистические данные по некоторым городам на 1875-1876 гг.

№	Названия городов	Количество мечетей	Количество школ	Количество медресей
1.	Коканд	300	120	40
2.	Маргилан	300	80	10
3.	Андиджан	200	60	6
4.	Наманган	250	100	5
5.	Узгент	70	20	4
6.	Балыкчи	50	10	3

¹ Кун А.Л. Некоторые сведения о Ферганской долине. – С. 161–170.

В архиве Кокандского краеведческого музея имеются также некоторые сведения о медресе, мечетях, кары-хане по данным обзора Ферганской области на 1898 год.

Количество медресе и учащихся в них в бывшем Кокандском ханстве:¹

№	Наименование вилаетов	Количество медресе	Количество учащихся
1.	Маргиланский	57	838
2.	Кокандский	45	6929
3.	Наманганский	40	1324
4.	Андижанский	30	996
5.	Ошский	10	304
	ИТОГО:	182	10391

Количество мечетей в бывшем Кокандском ханстве:²

В городе Маргилане	– 243
В Маргиланском уезде	– 1494
В городе Коканде	– 247
В Кокандском уезде	– 1590
В городе Намангане	– 337
В городе Чусте	– 84
В Наманганском уезде	– 904
В городе Андижане	– 213
В Андижанском уезде	– 709
В городе Оше	– 111
В Ошском уезде	– 221
ИТОГО:	– 6154

Количество мактаб-хане и учащихся в них в бывшем Кокандском ханстве:

Маргиланский вилает	– 433 мактаб-ханы	7340 учеников
Андижанский вилает	– 428 мактаб-ханы	6756 учеников

¹ Кокандский краеведческий музей, архив, инв. № 995, Н.В. С. 116.

² Кокандский краеведческий музей, архив, инв. № 995, Н.В. С. 111.

Наманганский вилайет	– 371	мактаб-ханы	7121	учеников
Кокандский вилайет	– 301	мактаб-ханы	4210	учеников
Ошский вилайет	– 176	мактаб-ханы	2851	учеников
ИТОГО:	1709	мактаб-ханы	28283	учеников ¹

Количество кары-ханы и учащихся в них в бывшем Кокандском ханстве:

Кокандский вилайет	106	кары-ханы	604	учащихся
Наманганский вилайет	50	кары-ханы	305	учащихся
Андижанский вилайет	44	кары-ханы	320	учащихся
Маргиланский вилайет	21	кары-ханы	395	учащихся
Ошский вилайет	14	кары-ханы	76	учащихся
ИТОГО:	235	кары-ханы	1699	учащихся ²

В Маргиланском, Кокандском и Андижанском вилайетах было 6 школ для евреев, где обучалось 220 учащихся.³

ЛИТЕРАТУРНАЯ СРЕДА КОКАНДА

Город Коканд был не только столицей ханства, но и его литературным центром. Сюда стекались самые различные по таланту, мировоззрению и способностям писатели и поэты. Среди них были много коренных жителей-кокандцев. Они создали своеобразную среду, которая характеризовалась тем, что в Коканде, с идеологической точки зрения, были придворно-клерикальные поэты, восхвалявшие ханов, феодалов и богачей, а в противовес им были прогрессивные поэты, разоблачавшие ложь, открыто писавшие о тяжелом положении трудового народа, критиковавшие кровопролитные междоусобные войны, тиранство правителей, беспощадность и жадность, лезть и подхалимство. Среди тех и других были талантливые поэты и писатели.

В их числе Акмал (отец поэта Махмуда), Амирий (Кокандский хан Умархан), Бакихан-тура, Гулханий, Ёрий Хукандий, Завкий, Зорий, Махджуб, Махмур, Мукимий, Мунтазиб, Мушриф, Мухайир, Мухаммад Юнус Таиб, Мухсиний, На-

¹ Кокандский краеведческий музей, архив, инв. № 995, Н.В. С. 116.

² Там же.

³ Там же.

симий, Низамий Хукандий, Набир, Назил, Писандий, Раджий, Садоий, Умидий, Фуркат, Шукурый и мно др.

В Коканде было также много женщин-поэтов, среди которых своим талантом и поэтическими способностями выделялись Анбар-атун, Бахри-атун, Дильшод, Зебунисса, Зиннат, Карамат-ой, Махзуна, Махина-бану, Мастура-ой, Махзада-бегим, Муштарий, Надира, Саида-бану, Тути-киз, Увайсий, Фазилат-бану, Фидоийя, Хафиза-атун, Хайринисса и мно. др.

Акмал Дамулла Шермухаммад (XVIII в., Коканд) – узбекский поэт, отец знаменитого поэта Махмура. Прогрессивно мыслящий представитель своего времени. Современники дают высшую оценку его произведениям. В своих стихотворениях Акмал критиковал трудности жизни, старался просветить население Коканда. Он свои произведения объединил в два дивана (один на узбекском, другой на таджикском языке). Очень много его стихов включены в баязы.¹

Гулханий Мухаммад Шариф – узбекский поэт и баснописец. Отец его из Каратегина служил в Коканде у Шахи Кушбеги в должности юзбаши (сотник). Он женился на кокандской девушке, которая родила сына – Мухаммад Шарифа, впоследствии получившего псевдоним Гулханий.²

В молодости служил навкаром у Алимхана и принимал участие в его походах, проявляя смелость в бою.

Гулханий старался много читать, изучать классиков Джами, Низами и других поэтов-современников. Находясь в кругу дворцовых поэтов, он сумел выяснить для себя, кому они служат. Поэтому он меняет своё отношение к ним. Старается писать стихи, поднимающие настроение простого народа-труженика.

Во многих его произведениях – песнях описываются душевные переживания, капризы любимой и т.д. Часто он для сравнения описывает красоту весны.

В стихотворении «Бедех» он описывает период службы

¹ ЎзСЭ. Т. 1. С. 208.

² Исхаков Ф. Гулханийниг «Зарбул масал» асари. Тошкент, 1976. С. 10.

навкарром, рассказывает о жизненных трудностях, материальных затруднениях, и о своем тяжелом положении. Его лирический герой ни во что не ставит драгоценности – на них нельзя купить в голодные годы хлеба, риса, пшеницу и т.д.

Гулханий, хотя и служил у хана, однако держался перед ним гордо, не подхалимничал и не унижался перед феодалами. Его мировоззрение, талант проявились в замечательном произведении «Зарбул масал». В нем собраны около 400 народных поговорок, все они тематически и эпически взаимосвязаны и составляют один сюжет. Посредством их методом аллегории, языком птиц он разоблачает кокандских ханов, феодалов, баев и других приспешников, раскрывает тяжелое положение населения.¹

Амирий (псевдоним, настоящее имя Умархан, 1787–1822 гг., Коканд) узбекский поэт, хан Кокандский (1810–1822). Умар-хан выделялся своими лирическими и философскими стихами. Современники очень высоко ценили его поэзию. Свои произведения он писал на узбекском и персидском (таджикском) языках. Он был покровителем поэтов, писателей, художников, каллиграфов и других деятелей искусства. В период его правления развилась и сформировалась кокандская литературная среда, были восстановлены религиозные устои, построены медресе, мактабы, мечети. Его жена Надирабегим была знаменитой узбекской поэтессой, сын Мухаммад Али также писал стихи.

Стихи Амира Умархана собраны в диван. отдельные часто встречаются во многих баязах.

Бакихан-тура (XIX в., Коканд) – узбекский поэт. Его жизнь и литературная деятельность не изучена. Стихи встречаются в баязах и в рукописной книге «Ансаб ас-салатин ва таварих-и ал-хавакин».²

Ёрий Хукандий Муллоёрмухаммад оглы – (1853–1944, Коканд) – узбекский поэт. Учился в Кокандском «Медресе Бузрукхаджа». Принимал участие в литературных сходках,

¹ ЎзСЭ. Т. 3. С. 474–475.

² ЎзСЭ. Т. 2. С. 410.

вечерах, организованных Мукими, Фуркатом, Завки, был близко с ними знаком. И особенно дружил с Мукими. Вместе с ним он написал «Юмор о собаке»; «Уходя». Ёрий прошел сложный путь поэта. Его талант особенно проявился в последние годы жизни. Он беспощадно критиковал в своих стихах бюрократов, карьеристов и т.д.¹

Завкий Убайдулло Солих Оглы (1853–1921) – узбекский поэт-демократ. Родился в семье кустика – в махалле Шайхан г. Коканда. Учился в медресе «Мадрасаи олий» и «Чалпак». В 1874 г. был вынужден оставить учебу и заняться профессией отца – кустика-сапожников (махсидуз), но продолжал заниматься самостоятельно, писать стихи. Он познакомился с поэтами: Мукими, Фуркат, Нусрат, Мухайир, Надим, Ражий, Асирий и др. Одновременно служил писарем (мирзой) у торговца Муминхана. В этот период Завкий побывал в Ходженде, Бухаре, Самарканде, Оше, Андижане, Ташкенте, Маргилане и в других городах. В 1900 г. со своим дядей Мухаммад Сиддиком, побывал на Кавказе, в Малой Азии, Египте, Аравии и в других странах. Вернувшись в 1903 г. в Коканд, продолжил прогрессивные поэтические традиции Мукими, Фурката и др. Беспощадно разоблачал баев, чиновников, показывал народу их подлинное лицо, проделки, хитрость, жадность, корыстолюбие.

Особенной популярностью среди народа пользовались сатирические стихи «Комментарий на галошу», «Мухи», «Лампа» и др.

Завкий погиб в 1921 г.²

Махмур (настоящее имя Махмуд³, конец XVIII в., Коканд – 1844 г.) – узбекский поэт-демократ. Сын поэта-демократа Шермухаммад Акмала. Образование получил в «Мадрасаи Мир». Служил у Умархана сипахом. Махмур с детства полюбил поэзию и изучил наследие Саъдий, Хафиза, Джами и Навои. Он был материально неблагополучен и писал, что у

¹ ЎзСЭ. Т. 4. С. 240.

² ЎзСЭ. Т. 4. С. 412–413.

³ ЎзСЭ. Т. 7. С. 58–59.

него даже нет горстки зерна и никогда его дети не были сытыми.

Махмур всегда выступал против придворных поэтов, высмеивал их жадность и подкупность, подхалимаж. В своих произведениях писал о тяжелой жизни народа, обнажал усиливающиеся разногласия между ним и феодалами. Обобщив противоречия своего времени, он написал мухаммас «Мунаджат ба даргахи казиул-хаджат», где разоблачал гнет, неравноправие и несправедливость. И хотя Махмур и обвинял существующий строй, тем не менее он не мог четко обозначить пути избавления.

Его взгляды получили конкретное воплощение в стихотворениях «Хапалак» и «Тарифи вилояти Курама». В сатире «Хапалак» он сумел обнажить процесс распада одноименного кишлака, раскрыть тяжелейшее положение проживающих там крестьян. Содержание каждого сатирического стихотворения Махмура соответствовало его названию. Например «Сатира на Мир Асада», «Сатира на домлю Атаи Аштий», «Газель на кази Мухаммадражаб», «Газель Хаджа Нияз» и др.

До наших дней дошел его диван сатирических стихотворений, куда вошло 69 произведений (3417 строк). Много его лирических стихов встречаются в баязах (антология, сборник стихов). Демократические взгляды Махмура нашли отражение и в произведениях Муками, Завки, Аваз и многих других поэтов-демократов.

Муками (псевдоним, настоящее имя Мухаммад Амин-хаджа Мирзахаджа Оглы, 1850 г., – Коканд – 1903. 25. 5) один из основателей узбекской демократической литературы, поэт и просветитель. Родился в семье бедняка-пекаря. Начальное образование получил в одной из школ Коканда. Мукимий сначала учился в одном из кокандских медресе «Хоким ойим», затем в Бухаре.

С 1876 г. Муками служит в Коканде в должности мирзы (писаря) в конторе землеустройства, в 1877 г. – кондуктором на пароме Акджар на Сырдарье. После смерти в 1886 г. отца он поселяется в Коканде в худжре медресе «Хазрат». Муками

много путешествует, познает жизнь, знакомится в Ташкенте с русской культурой.

Муками в начале творчества – 60–70-е годы XIX в., он сумел сориентироваться в сложных лабиринтах, хотя и чувствуется влияние формалистической литературной среды, он глубоко изучил литературное творчество Алишера Навои, Турди, Гулханий, Машраба, Махмура и продолжил их традиции. Большая часть творчества Муками посвящена лирике. В своих стихотворениях, газелях, он воспевает человеческую дружбу, братство, любовь, чистосердечность, преданность. Его газели близки к народным песням.

Муками в своих сатирических произведениях критикует житейские пороки, законы и порядки. Например, в стихотворениях «Арба», «Твоя телега», «Грязь», «Мухи», «Заявление малярии» он разоблачает пороки колониализма и мн. др.

В стихотворении «Выборы» он образно раскрывает ложь и обман чиновников колониальной власти и местных баев в их стремлении привлечь на свою сторону выборщиков.

В целом творчество Муками пронизано любовью к народу и ненавистью к несправедливости.¹

Надир (1743 г., Коканд, год смерти не известен) – узбекский поэт. Согласно его эпосу «Хафт гулшан», Надир вел затворнический образ жизни. В период правления Умар-хана и Надиры он служил во дворце. По свидетельству поэта Фазлий, был искусным каллиграфом, писал нежные стихи. Надир в совершенстве владел персидским и арабским языками.

Его дастан «Хафт гулшан» был посвящен поэтессе Надире и состоял из семи самостоятельных поэтических произведений, которые по своему художественному содержанию написаны на высоком профессиональном уровне. Язык прост и чёткий. Выдвигаемые в нем идеи дружбы, справедливости, преданности и героизма свидетельствуют о передовых мыслях Надира в условиях XIX в.²

Назил (псевдоним; настоящее имя Аваз Мухаммад. 1788 г.,

¹ ЎзСЭ. Т. 7. С. 466–467.

² ЎзСЭ. Т. 8. С. 43.

Ходженд – умер в 1876 г., в Коканде) – узбекский поэт. Его стихи встречаются во многих баязах XIX в. Жил во дворце Умар-хана в Коканде. Его произведения созвучны с произведениями передовых и талантливых поэтов того времени Махмура, Гулханий, Маъдана и др. В последние годы он жил в нужде. Об этом свидетельствует его произведение «Мухаммас аз барон азри дил», которое написано в форме заявления.

Из произведений Назила сохранилась одна рукопись «Диван» объемом в 480 страниц.¹

Писандий (псевдоним, настоящее имя Авазмухаммад Ёрмухаммад Оглы, 1816 г. – Коканд – 1918 г.) – узбекский поэт. Образование получил в кокандском медресе. Больше писал сатирические стихи. Особо по своему идейному содержанию, где разоблачаются пороки феодализма, выделяется «Мухаммаси Писандий», «Сатира на Мухий», «Сатира на Саъдихон судью» и др.

Писандий продолжил литературные традиции Махмура и Мукими.²

Ражий (псевдоним, настоящее имя Сулайманкул-уста Суяркул Оглы, 1871 г. – Коканд – 1924 г.) – узбекский поэт и каллиграф. Учился в Кокандском медресе, потом сам преподавал по каллиграфии, литературе и муаммо. Как утверждали его современники, писал много стихов, хронограммы, где отражал их место и роль в обществе. Занимался перепиской каллиграфическим почерком произведений знаменитых поэтов Востока.³

Фуркат (псевдоним, настоящее имя Закирджан Мулла Халмухаммад Оглы, 1859 г., Коканд – 1909 г., Яркенд) – узбекский поэт-демократ, просветитель, публицист, один из основателей узбекской журналистики.

Фуркат в 1866 г. поступил учиться в школу Муллы Мухаммад Алима, в совершенстве овладел персидским языком. Интерес к поэзии у Фурката возник очень рано. Он уже в восьмилетнем возрасте был знаком с произведениями Навои, Ха-

¹ ЎзСЭ. Т. 8. С. 46.

² ЎзСЭ. Т. 8. С. 557.

³ ЎзСЭ. Т. 8. С. 309.

физа, Бедиля, Фузулий, Аттара и др., сам рано начал писать стихи. После этого он продолжил свое образование в школе Ашур Мухаммада Кари, где и остался в должности халфа. Впоследствии научился каллиграфии у Камбар Али, и в 1870 г. в мечети Джамии под руководством мударриса Подшохаджи овладел арабским языком. В 1873–1876 гг. учился в медресе. В 1876 г. переезжает в Новый Маргилан к дяде, где занимается торговлей и одновременно исполняет должность мирзы. Этот период для Фурката был знакомством с русскими людьми, с европейской жизнью, новостями и достижениями техники, тяжелой участью народа, началом преуспешной поэтической деятельности приобретать симпатии у местных поэтов и народа.

В 1880 г., возвратившись в Коканд, он женился и целиком отдался поэзии. Он много писал газели, рисоля «Банная мечта»; перевел с персидского на узбекский язык «Четыре дервеша», «Нух манзар», собрал свои лирические произведения в диван.

Фуркат сближается с выдающимися поэтами того времени Мукими, Завки и другими просветителями, которые благотворно повлияли на его творчество. В его стихотворениях звучат демократические призывы, чувствуется желание поэта помочь народу, встать на путь культуры и прогресса. Путь к избавлению от невежества Фуркат видел в обучении детей в школах, созданных по типу русских учебных заведений, в знакомстве с русской, а через нее – с мировой культурой. Особенно это выразилось в его стихотворении «Гимназия». Эту мысль он развивает в стихотворении «О науке».

Фуркат много путешествует. Так, в 1889 г. он переехал в Ташкент, а в 1891 г. – в Самарканд. Оттуда он выехал за границу. Поэт побывал в Турции, Греции, Болгарии, Египте, Аравии; Бомбее, Кашмире, Кашгаре. Затем он переезжает в Синьцзянскую провинцию Китая, где и поселился, избрав своим местожительством город Яркенд.

Фуркат последовательно, до конца жизни утверждал идею дружбы народов.¹

¹ УзСЭ. Т. 12. С. 215-217.

КОКАНДСКИЕ ПОЭТЕССЫ

Надира (псевдоним, настоящее имя Мохларойим, 1792--1842) – узбекская поэтесса, просветительница. Псевдонимы «Камила» и «Макнуна» также принадлежали ей. Отец Рахманкули-бай был правителем Андижана.

Умархан (поэт, псевдоним «Амирий»), будучи правителем Маргилана, женился на Надире, которая здесь пробует писать стихи, знакомится с поэтессой Увайсий и впоследствии приглашает её во дворец учить своих детей. К этому времени произошел дворцовый переворот и в 1810 г. Умархан сел на трон. А после смерти Умархана в 1822 г. ханом стал его сын Мухаммад Али.

Надира большое внимание уделяла развитию культуры и искусства. Во дворец были приглашены известные поэты, художники, резчики по дереву, каллиграфы. При её содействии и желанию были переписаны ряд литературных произведений, составлены диваны, баязы.

Надира придавала большое значение строительству мечетей и медресе, базаров и караван-сараев. Она приказала построить «Медресе Чалпак», «Мадрасаи Махлар-ойим».

Поэтическое наследие Надиры в основном составляет лирика. Она воспевает любовь, дружбу и преданность, красоту, жизнь женщин Востока. Любовь для Надиры имеет широкий социальный смысл. В ее стихах прослеживается ее духовная красота, хотя она и жила во дворце, но ей это было тягостно, себя считала несчастной. Она всегда покровительствовала ученым, поэтам, и особенно поэтессам. Она сумела во всех отношениях подняться намного выше окружающего ее феодального общества, хотя и стояла во главе их. Она писала: «Надеюсь, что настанет восход наших надежд».

Надира сумела продолжить классическое традиционное литературное наследие.

В 1842 г. Бухарский эмир Насрулла завоевал Коканд и по его приказу Надира была казнена.¹

¹ ЎзСЭ. Т. 8. С. 44–45.

Увайсий (псевдоним, настоящее имя Жяхон, 1779, Маргилан, – 1845, Маргилан) – известная поэтесса, просветительница. Всю сознательную жизнь прожила в Коканде. Подавляющее большинство своих произведений написала там же в Коканде. Увайсий обучалась у своей матери Чинни-биби, сначала была халфой, а потом вместе с матерью занималась преподавательской деятельностью. Теорию поэзии познала у своего брата Охунджана-певца – особенный знаток искусства аруза и муаммо. Сблизившись с кокандской литературной средой, поэтесса стала принимать участие в литературных вечерах, организуемых поэтами того периода. Она обучала поэзии Надиру, а также других девушек и женщин.

Увайсий вместе с Надирой путешествовала по округе территории ханства, побывала в Канибадаме, Ходженте, Ура-Гюбе, Ташкенте и в других городах.

После казни Надиры, в 1842 году Увайсий переезжает в Маргилан, где и прожила до конца своей жизни.

По некоторым сведениям, она написала 4 дивана. Однако до нас дошли только три из них. Кроме этого, её перу принадлежит дастан «Карбаланама» и ряд газелей, встречающихся в баязах.

Её лирические герои – это люди, любящие жизнь, борющиеся против зла, насилия, беззакония и т.д.¹

Анбар Отин, дочь Фарманкула (1870–1906 гг., Коканд). Узбекская поэтесса-демократ. Родилась в семье бедняка. Анбар поступила учиться с семи лет в школу Дильшоода, которая была известна как считалась прогрессивная поэтесса. Узнав, что Анбар интересуется поэзией, Дильшод познакомила её с произведениями поэтов-классиков. Анбар начала рано писать стихи. В своём творчестве больше подражала поэтессе Увайсий, изучила её методы стихосложения, но особенно любила Навои и считала его своим учителем. Вот как описывает поэтесса Дильшод свою ученицу Анбарой: «Особенно Анбарой, смуглая девушка, с вьющимися волосами, лунолика с глазами серны, похвального нрава и хорошо воспитанная,

¹ ЎзСЭ. Т. 11. С. 474–475.

рвение безмерное имела к ряду (цепи), поэтому [из окружения] высочайшего Навои.

Эта слабая [девочка] с восьмилетнего возраста до четырнадцати лет занималась изучением правил поведения [этики, эстетики], но я до десятилетнего возраста занималась её обучением, а потом была занята своими делами. Я всегда питаю надежду, что эта девочка станет выдающейся поэтессой...

Описание качества Анбарой. Слова на полях кончались. Причина та, что Анбарой с этой поры изучения наук сравнивала жизнь народа и недостатки способа [пути] управления и очень много размышляла.

Однако такие мысли и соображения усилиями одинокого [одного] и слабого человека не могут дать положительных результатов. Возможно, что появления еще других таких же мыслящих, убежденных и живых (духом) мужчин и женщин, все вместе смогут сделать быстрые шаги в области изучения жизни и литературы...».¹

Ее муж Захидхаджа также увлекался поэзией и часто встречался с Муками, Фуркатом, Завки и постоянно общался в их среде.

Анбар Отин своей правдивостью, умом и прозорливостью завоевала авторитет среди женщин махалли. В своих стихах она воспевала любовь, будущее, критиковала баев и их дочерей-бездельниц, за что однажды ее поймали, беспощадно избили и столкнули с лестницы, в результате чего были сломаны обе ее ноги. Это побоище отразилось на ее общем здоровье – она получила увечье, но духом не пала. Ее вечным спутником была поэзия, ни на один день она не расставалась с ней, писала новые стихи, призывала женщин бороться за свободу и процветание.²

Дильшод (1801 г. – 1905/06 гг.) – таджикская поэтесса, демократ, просветительница. Ее можно также назвать и узбекской поэтессой, так как в 17 лет она попала в плен и была вы-

¹ Мухтаров А. Дильшод и ее место в истории общественной мысли таджикского народа в XIX–начале XX вв. С. 302.

² ЎзСЭ. Т. 1. С. 343–344.

нуждена переселиться из Ура-Тюбе в Коканд. Здесь она вышла замуж и прожила до конца своей жизни в Коканде. Дильшод в совершенстве владела узбекским языком и, начиная с 1829–1830 г., большинство своих произведений написала на этом языке. В течение полувека она преподавала в школе. Всего она обучила грамоте 891 девочку.

Дильшод в своём творчестве затронула различные стороны современной ей общественной мысли. Её стихи на таджикском и узбекском языках взаимно дополняли друг друга. В своих произведениях она осуждала произвол господствующей верхушки, деспотическую власть, эксплуатацию трудового народа, клеймила позором разврат, моральный упадок, царивший в среде богачей, сочиняла сатиры на тунеядцев и людей, которые жили за счёт труда других.

Очень Интересно она описывает свою встречу с Кокандским ханом Умарханом: «Так украшенную и разодетую меня ввели в какую-то комнату, где эмир сидел в спальном халате и чекмене, а между нами и эмиром стоял черный стол, на котором стояла чашка с водой и лежал нож, на столе оказался один гранат.

Хан был высокий ростом, почтенного вида, черноглазый, с черной бородой, с открытым лицом, и после ответа на приветствие [моё] он стал со мной обходительно разговаривать.

Несмотря на приветливое обхождение свое, эмир показался мне жестоким и кровожадным царем площади [в Ура-Тюбе] казни. Он говорил мне: «Подойди же таджикская девушка, слагающая газели...»

После этих вопросов и ответов, а также расспросов о происхождении и имени [моём], эмир потребовал, чтобы я сложила газель о гранате. Тогда я сказала:

На этом свете я увидела свод (купол) небес,
Внутри, я увидела, полон он и все печальны.
На лицах у них из тонкой вуали занавески,
Сердца окровавленными, а глаза полными слёз я
увидела,
Мечом жестоким по приказу Умар-хана,
Сердце каждой красавицы рассеченным я увидела.

Как только было прочитано это стихотворение, эмир два раза хлопнул в ладоши. Вошел махрам. Он [эмир] сказал: «Эту с обрезанными косами отведите в зиндан» и сделал тому слуге знак глазами».¹

Особо заслуживает ее сообщение о поэтах и поэтессах города Коканда: «Место моего давнего пребывания и обитель жизни моей город Коканд также является городом поэтов. В этом огромном городе с двенадцатью воротами имеется, говорят, четыреста сорок махаллей [кварталов] и в каждом поэты...

В пределах дахи Сари Мазар в городе Коканде не было такой махалли, где не было бы место пребывания какого-либо поэта или мыслителя. В этой самой махалле Ходжи Калана Туры, кроме меня [т.е. Дильшод], проживают еще поэты с псевдонимами Махзани, Туроби и Бахори и поэтесса Фидоия. В соседней с нами махалле Бузрук-Ходжа когда-то жил крупный, отличающийся красноречием поэт господин Багдар [Богдор, Садовый] ишан Низами. Сейчас в той махалле проживают поэтессы Махин-бану и Хафиза-отун и поэт Сабухи. Кроме того, талантливые ученицы мои Бахри-отунча и Абартунча в зените творчества находятся.

Еще рядом с соседней махаллй Курхона молодые поэты и каллиграфы поклонники искусные.

Если же посмотрите в сторону киблы, то увидим махаллю Панджарасоз, где есть Садои и дивана Кори, поэты, имеющие свои диваны стихотворений. Короче говоря, в этом городе престольном Мавераннахра в каждом поколении рождались тысячи поэтов и образованных людей, ученых и мыслителей, которые тысячами красок творили [свои произведения] и в своих стихах кричали и жаловались на поведение не думающего неба и уходили [т.е. умирали].

Одна из бабок Анбарой мастер слова и газелей по имени Джахон-отун Увайс тоже жила и умерла в этом городе. Целая группа поэтов и мыслителей свои произведения, подобно жи-

¹ Мухтаров А. Дильшод и её место в истории общественной мысли таджикского народа в XIX – в начале XX в. С. 302.

вописцу, достаточно (ярко) раскрывали...».¹

По словам Дильшод «особенно поэт Махджуб были на самой высокой ступени свободомыслия поэтов, и местом обитания их (его) было гулах – помещение, где находится топка печи бани. Несмотря на то, что они были жителями топочной (отопительной) комнаты бани, они имели много поклонников верных. Кроме того, были поэты Мунтазир, Махджуб и Гулхани, которые скоро удалились в уединение. Сейчас Махджуб и Мунтазир живы, но какой у меня выход, они в гулахе, а я в углу дома, заперта в клетке и такое положение может быть преодолено лишь с претворением в жизнь воли народной.

Кроме того, я, ничтожная, слабая и беспомощная женщина, через два года после выхода из ханской урды поняла, что там, оказывается жила царица Ферганского владения и обладательница вкуса и поэтических способностей и песен. т.е. Надира. знаменитая и выдающаяся поэтесса эпохи. Я очень старалась встретиться [с ней], но не удалось...»².

Махзода Бегим (XIX в.) – узбекская поэтесса. О ее жизни и деятельности материалы не найдены. Ее некоторые стихи, в частности «Жахона хитоб», вошли в сборник Ибрахим Даврана (1874–1932) «Ашъори нисвон». В стихотворении «Обращение к миру» говорится о жалостной участи, несправии и тяжелой жизни девушек и женщин. Она жалуется на несправильный существующий строй.³

Махзуна (псевдоним, настоящее имя Мехрибан мулла Башман кизи, XIX в.) – узбекская поэтесса. О ее жизни и деятельности пока нет полных данных. Знаменитый поэт XIX в. Фазлий в своей рукописной книге «Мажмуат уш-шуаро» писал, что Махзуна «своим умом и талантом является единственной поэтессой Коканда, которая может сравниться с поэтессой Зебунисса.

¹ Мухтаров А. Дильшод и ее место в истории общественной мысли таджикского народа в XIX – начале XX в. С. 305.

² Мухтаров А. Дильшод и ее место в истории общественной мысли таджикского народа в XIX – начале XX в. С. 302.

³ ЎзСЭ. Т. 7. С. 397.

Псевдоним этой луноликой – Махзуна... Я несчастный разными мыслями иногда посылал ей свои газели – она наподобие феи присылала в ответ на мои четверостишие свои стихи наподобие чистых изумрудов».

Хотя в настоящее время известно о существовании дивана Махзуны, но, к сожалению, пока он не найден. Ее отдельные газели встречаются также в рукописных баязах.¹

Муштарий (псевдоним, настоящее имя Саодат, 1810/1811, Коканд, год смерти не известен) – узбекская поэтесса. Во дворце Худаяр-хана она служила секретарем и выполняла должность мунши. В своих стихах, газелях она призывала людей быть хорошими, скромными, чистосердечными и справедливыми. Она с отвращением говорила о низких, подлых и безжалостных людях. В ее литературной деятельности большое место занимают сказания, легенды и повести. Муштарий из устного народного творчества составила письменные легенды.²

Зебунисса (XIX век. Коканд) – узбекская поэтесса. Жизнь и творчество ЗебуниССы проходили в Коканде. Она отличалась своим поэтическим талантом и глубокими знаниями. В своих стихах воспевала чувство свободы и справедливости, призывала женщин к просвещению.³

Назук-ханум (конец XIX – начало XX в. Коканд) – узбекская поэтесса. Писать стихи начала с детства. Она воспевала любовь, критиковала эксплуататоров. Известны ее стихи «Фасона», «Рехт гул», «Газал афсона» и др.⁴

Зиннат (псевдоним, настоящее имя пока не известно) – поэтесса, государственная деятельница, генерал (дадхак).

В. П. Наливкин и М. С. Наливкина в книге «Очерк быта женщин оседлого туземного населения Ферганы» (Казань, 1886 г.) писали, что «в Кокане существовало две поэтессы, писавших: одна под псевдонимом Зиннат (Зиннат – Х.Б.), а

¹ ЎзСЭ. Т. 7. С. 90.

² ЎзСЭ. Т. 7. С. 460.

³ ЎзСЭ. Т. 4. С. 466.

⁴ ЎзСЭ. Т. 8. С. 48.

другая – под псевдонимом Махзуна. Уверяют, что одна из них являлась ко двору хана в мужском платье с открытым лицом и имела (генеральский) титул – дадха. Произведения обеих вошли в «Маджмуи – шаура», сборник стихов, написанных как самим Омар-ханом, так равно и его придворными поэтами».

История Кокандского ханства пока знает только одну женщину Курбанджан (1811–1907), имевшую титул «дадхах», приравняемый к чину генерала. Однако она не могла в период Умар-хана быть известной поэтессой, так как Курбанджан тогда была совсем маленькой девочкой. В рукописной книге «Равахил кудс» имеются некоторые сведения о том, что у Зебуниссы (1643–1721, потомок Бабуридов) была сестренка Зиннат, однако, в какие годы она жила пока не установлено.

Что касается литературной деятельности поэтессы Зиннат, то можно предположить, что она, вращаясь в высших кругах, имела возможность часто встречаться с поэтами и, возможно, с Надирой и другими поэтессами Коканда. С учётом того, что она была дадхохом, т.е. генералом, в её поэзии должна была звучать борьба за свободу и независимость, дружба между народами, мир и любовь. Доказательством этому может служить её стихотворение, начинающаяся словами «Бахру адабки ...». Это стихотворение включено в рукописный баяз, который находится в нашей личной библиотеке. В этом стихотворении Зиннат пишет, что вежливость есть родник времени, красота тень человека. Далее она пишет о лугах, о человеке, ищущем счастья. Она также говорит: «Есть воздух, да будет он! Есть в пруду вода, придёт ведь конец противоречиям». По её мнению «полное солнце – есть многочисленный народ» и т.д.

Конечно, делать вывод из одного стихотворения нельзя. Надеемся, что в дальнейшем будут найдены новые стихи поэтессы Зиннат и литературоведы дадут более полную оценку её литературной деятельности.

Как видно из вышесказанного, что в г. Коканде было много замечательных, талантливых и одарённых поэтесс. Пока история не знает аналогов в других городах мира. Это гово-

рит о том, что город Коканд в XIX в. вышел по своему культурному уровню, в том числе и по грамотности, на передовую линию мирового уровня.

ИСТОРИКИ КОКАНДА

В XIX в. в Коканде замечается оживление в историографии. Ряд исторических трудов предшествующих эпох переводятся на узбекский язык и пишутся новые исторические труды о Кокандском ханстве. Отличительной чертой являлось то, что одни из них были написаны прозой, часть – в стихотворной форме, а некоторые включали в себя частично стихи, что говорит о поэтической одарённости кокандских историков.

Ряд этих авторов, хотя и не являются уроженцами Коканда, однако они долго жили в Коканде. Поэтому мы их включили в данный раздел.

Одним из исторических трудов можно назвать «Тарих-и джахан-намай», автором которого является кокандец **Джунаид-мулла Авазмухаммад, сын Муллы Рузи Мухаммада-суфи**. Этот труд написан на протяжении 15 лет. Сам автор пережил одиннадцать кокандских правителей.

Данная рукопись состоит из двух книг или частей. Первая называется «Джахан наме» или «Тарих-и Джахан-намай». Она представляет собою компилятивную всеобщую историю от сотворения мира до начала правления в Бухаре эмира Музаффар ад-Дина. Вторая книга (часть) называется «Тухфат ат-таварих-и хани» и представляет собой фактически самостоятельный труд по истории Кокандского ханства, начиная от Бабура и доведенная до 1867 г. Наибольшую ценность для нас представляет вторая часть труда, охватывающая период правления Умар-хана и других кокандских ханов с 1809 по 1872 г., где содержится много интересных исторических сведений о Коканде.

В своей работе автор ссылается на «Акбар-наме», «Муфтаут ат-таварих», «Равзаут ус-сафа», «Тарих-и тазкирай хани Фаргана», «Салнамай Абдулкарим бин Мухаммад Раджаб Мунши», «Шахнамай Мавляви Фазли Фаргани», «Мунтахаб

ут-таварих», «Тарих-и Шахрухи» и ряд других исторических произведений.¹

Абдулкарим Фазлий Намангани (конец XVIII – начало XIX в.) – историк и поэт, составивший антологию современных ему ферганских поэтов в «Маджмуа-и шайран». Он также написал по приказу Умар-хана «Шахнаме» («Умар-наме», «Зафар-наме»), стихотворную (свыше 5000 бейтов) хронику царствования Умар-хана. Сочинение, законченное до начала мая 1822 г. (автор в это время был в преклонном возрасте), начинается с генеалогии кокандских ханов из династии мингов (возводится к Темуру), далее описывается правление ханов Нарбута-бия, Алим-хана, после чего более подробно говорится о самом Умар-хане.

Сам Абдулкарим Фазлий до преклонного возраста жил в Коканде.²

Мирза Каландар «Мушриф» (псевдоним) Исфараги, родившийся в городе Исфаре (на юге Ферганы, ныне Исфара является одним из городов Таджикистана). Был придворным историком и поэтом в Кокандском ханстве при Умархане и жил в Коканде. «Мушриф» был назначен на должность кази-аскара (военный судья). Как сообщает сам автор в начале своего сочинения, в 1822 г. Умар-хан приказал ему изложить в прозе стихотворную историю его царствования, написанную Фазлий Намангани под названием «Зафар-наме».

«Шах-нама-и Умар-хани» или «Шах-нама-и нусрат пайам» (так названо сочинение в тексте), или «Тарих-и Амир Умар-хани» (так названо это сочинение в «Тухфат ат-таварих-и хани» Аваз Мухаммад Аттара), история Умар-хана, посвящённая этому правителю и законченная в 1822 году уже после его смерти.

По всей вероятности сочинение основано, в значительной степени на стихотворной «Умар-наме» Фазли, из которой в

¹ Ч. А. Стори. Персидская литература. М., 1972. Ч. II. С. 1187–1201. Далее сведения об историках Коканда мы почерпнули в основном из данного источника (С. 1188–1201) Ч. А. Стори в сокращённом виде.

² Ч. А. Стори. Персидская литература. С. 1187–1188.

нем приводится много цитат. Написано оно в напыщенном стиле и содержит (после вступительной части о сотворения мира, посвящения Умар-хану и рассказа об обстоятельствах написания сочинения) генеалогию династии Минг (которая, через Бабура, возводится к Темуру), сжатую историю предков и подробную историю самого Умар-хана, начиная с детства и до смерти и вступления на престол его сына Мухаммад Али-хана.

Интересно отметить, что время написания сочинения в конце предисловия указывает автор, который пишет, что он приступил к составлению сочинения в начале мая 1822 г. Эта же самая дата начала составления сочинения приводится в его рукописи, описанной в таджикском «Каталоге восточных рукописей». Общепринятой датой смерти Умар-хана является 1822 г. В предпоследней главе сочинения приводится дата смерти хана, переданная цифрами и словами: цифрами написана дата 1238–1822/1823 год, а написанная словами дата в списке подверглась правке, при чём сделана эта правка небрежно. Поэтому нет полной уверенности в правильности чтения отдельных слов в первоначальном, а затем исправленном тексте даты. Видимо, в первоначальном тексте стояла дата – 17 раби I 1238 (2 декабря 1822 г.), которая затем была переправлена на 7 раби II 1237 (2 января 1822 г.). Произведенная здесь правка целиком оправдывается в самом тексте сочинения, в его конце, другой датой – 14 раби II 1237 (9 января 1822 г.), указанной как дата вступления на Кокандский престол Мухаммад Али. Из этого можно сделать вывод, что автор должен был приступить к составлению настоящего сочинения уже после смерти Умар-хана. Однако такому выводу противоречит то обстоятельство, что в предисловии к сочинению автор говорит о Умар-хане как о царствующем государе. Объяснить такое противоречие трудно: в самом деле, кажется маловероятным, чтобы автор мог допустить ошибку, указывая дату начала составления, и в то же время представляется совершенно невероятным, чтобы автор, начав сочинение уже после смерти Умар-хана, мог написать о нем как о живом человеке. Вопрос осложняется еще тем, что в данном случае нет доста-

точных оснований отнести отмеченное противоречие за счет ошибки переписчика, так как, по всей вероятности, описываемая рукопись является автографом Мушриффа. В связи с этим приходится признать, что вопрос о точном времени составления настоящего сочинения пока остается не совсем ясным.¹

Здесь, на наш взгляд, можно предположить, что Мушрифф начал писать свое сочинение в первоначальном варианте в 1236 (1821) г. Это также является маловероятным, так как из текста видно, что Умар-хан приказал Мушриффу изложить в прозе стихотворную историю, написанную поэтом Фазли, а он свое сочинение закончил в мае 1822 г. Выходит, что Умар-хан в мае был еще жив. Однако в рукописи «Мунтахаб ат-таворих» автор Хакимхан утверждает, что Умар-хан умер 18 раби ас-сони 1237 г., так как сам принимал участие в его похоронах. Поэтому, очевидно, Мушрифф получил задание от хана еще при его жизни и, вероятно, он использовал сочинение Фазли частями по мере его написания. Так как Фазли часто встречался с Умар-ханом, то он сам, будучи поэтом, интересовался, как выполняется его заказ по написанию истории. Возможно, хан прослушивал его частями, что и побудило его дать также задание Мушриффу переложить их в прозу. Очевидно, Мушрифф определённую часть сочинения завершил в первом черновом варианте еще при жизни Умар-хана, а окончательный вариант завершил после смерти хана.

Хаджа Махаммад Хакимхан бин Саид Маъсумхан родился около 1802 г. в Коканде и принадлежал к знатной кокандской семье: по матери был внуком кокандского хана Нарбутабека и племянником Алим-хана. По мужской линии вёл своё происхождение от знаменитого суфийского шейха Ахмада Хаджаги Касаний (умер в 1542 г.). Члены семьи автора (дед, отец и др.) пользовались большим уважением и авторитетом в Кокандском ханстве.

В период ханствования Мухаммад Али-хана, он был назначен правителем Тура-Кургана, Намангана и Касана, но вскоре

¹ Н. Д. Миклухо-Маклай. Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения. Вып. 3. М., 1975. С. 322–323.

одновременно со своим отцом попал в немилость и был изгнан из ханства и отправлен в паломничество в Мекку. Свое путешествие он совершил северной дорогой через Россию. Между прочим Хакимхан в 1824 г. был принят в Оренбурге императором Александром I. Автор подробно рассказал об этой встрече и о своей беседе с русским императором в своем сочинении «Мунтахаб ат-таворих». После России Хакимхан побывал в Турции, Сирии, Палестине и Египте, а затем – в Мекке и Медине.

Хакимхан был высокообразованным человеком своего времени. Пребывание в России, знакомство с отдельными сторонами европейской жизни и цивилизации произвели на него глубокое впечатление, не прошедшее для него бесследно. Он был одним из первых среднеазиатских историков, на творчестве которого достаточно отчетливо сказалось личное знакомство с европейской цивилизацией.

«Мунтахаб ат-таворих» является важнейшим трудом по истории Бухарского и особенно Кокандского ханства. По своему жанру сочинение имеет смешанный жанр. В нем в одно целое как бы соединились три вида произведений: всеобщая история, локальная история и мемуары (путевые записки). По своему плану и названию сочинение является типичным произведением по всеобщей истории. Однако значение и объём, занимаемый в сочинении разделами, посвященными истории Средней Азии, дают все основания рассматривать его в первую очередь как произведение по локальной истории. Фактически первая часть сочинения, повествующая о всеобщей истории, играет только роль введения к двум основным разделам сочинения, посвященным истории Бухарского и Кокандского ханств. Для истории этих ханств в последней четверти XVIII в. и в первой половине XIX в. данное сочинение имеет значение ценнейшего источника; события этого периода описаны автором на основании его личных наблюдений и устной информации, полученной от современников и очевидцев, а также участников описываемых событий. Для этого же периода сочинение содержит также ряд любопытных сведений и о событиях, происходивших в других регионах Средней

Азии и в некоторых соседних с нею странах (например, в Афганистане и Восточном Туркестане). Рассказы автора о современных ему событиях нередко переплетаются с рассказами автобиографического порядка, от чего сочинение приобретает мемуарный характер. Следует подчеркнуть, что автор в этих случаях выступает не как беспристрастный летописец; напротив, его симпатии и антипатии очень отчетливо проявляются в настоящем сочинении. Так, например, через всё повествование красной нитью проходит непримиримая вражда автора к кокандскому хану Мухаммад Али, из-за которого он был вынужден покинуть свою родину – город Коканд.

Для истории большое значение имеет и чисто мемуарная часть сочинения, в которой автор повествует о своём путешествии в Мекку через Россию и страны Ближнего Востока. Здесь автор сообщает ряд любопытных подробностей о странах, по которым пролегал его путь, и о различных злоключениях, пережитых им в пути следования. Эта часть сочинения важна тем, что она даёт достаточно конкретное и яркое представление о том, как просвещенный представитель Средней Азии 20-х годов XIX в., человек высокой образованности воспринимал европейскую жизнь и цивилизацию. Это восприятие в свою очередь лучше, чем что-либо другое, позволяет судить о культурном состоянии среднеазиатского общества того времени.

Не лишена определённого интереса и первая, чисто компилятивная часть сочинения, посвящённая всеобщей истории, правда, она построена по традиционной, средневековой схеме. Однако важно подчеркнуть, что на ней сказалось знакомство автора с европейской жизнью и его понимание той роли, которую играли в современной ему обстановке страны, находившиеся вне традиционного круга мусульманских стран. Это наглядно видно из того факта, что в сочинении после обычного для подобных произведений раздела о четырех древнеиранских династиях следует раздел о царях Китая и Европы (Фаранг). Причем в последней части этого раздела автор приводит сведения о важнейших, современных ему европейских государствах. Сведения эти были не почерпнуты автором из

письменных источников, а получены им во время его путешествий из устной информации.¹

Мулла Нийаз-Мухаммад Хуканди Ниязий бин Мулла Ашур-Мухаммад Хукандий родился около 1802–1803 гг., происходил из низших слоев военнослужилого сословия Кокандского ханства. Будучи военным и служа в ханской гвардии (в отряде махрамов), он участвовал в событиях 1845 г. в походах кокандцев в Семиречье и в сторону Туркестана в 1860–1861 гг. Занимал и в пожилом возрасте довольно скромное положение, сохраняя приверженность к низшей и средней кокандской воинской среде. Вместе с тем был связан с Ордемом Накшбандия, причисляя себя к адатам его учения и посвятил халифу ордена в Коканде Хазрат-и Сахибу (ок. 1785–1869 гг.) ряд панегирических стихов в «Тарих-и Шахрухи». Оставив военную службу в начале 60-х годов XIX в. жил в Коканде в своей махалле. Здесь он и написал своё сочинение. В своё время получил достаточно хорошее образование. Особая культурно-историческая, классовая и конфессиональная среда, в которой сложилось мировоззрение Нийаз-Мухаммада, являясь жителем Коканда и находясь в гуще политической борьбы, обладая литературным талантом, а также большим жизненным опытом, он мог сквозь призму классового мировоззрения достаточно полно отобразить свою эпоху.²

«Тарих-и Шахрухи» («Шахрухова история» под таким названием сочинение было издано Н. Пантусовым в 1885 году. Это название вошло и в научный обиход. Однако в тексте самого сочинения название его передано в несколько иной форме – «Таварих-и Шахрухийа», т.е. «Шахруховы истории». В предисловии же рукописи это сочинение названо иначе: «Таърих-и сайид Мухаммад Худайар-хани», т.е. «История, посвященная сайиду Мухаммад Худаяр-хану». Это сочинение написано по поручению кокандского хана Худаяр-хана. Оно включает в себя события со времен Шахруха до 1872 г. и

¹ Миклухо-Маклай Н. Д. Описание персидских... С. 325–327.

² Т. Бейсимбиев. «Тарих-и Шахрухи» как исторический источник»: Автореф. канд. дисс. ист. наук. Ташкент, 1983. С. 8–9.

написано на основании личных наблюдений автора и устной информации, а в компилятивной части, возможно, и на основании некоторых, не дошедших до нас письменных источников. Сочинение является ценным источником для изучения истории Коканда XVIII–XIX в.¹

Махзун (псевдоним, настоящее имя Зиёдулла Хуканди) – поэт и историк. По приказу Худаяр-хана написал книгу «Шахнаме». Эта единственная рукопись книги, хранящаяся в Турции. В библиотеке зафиксирована под названием «История Азии». Фактически в ней описаны события, происшедшие в Кокандском ханстве. Автор упоминается в газелях, в текстах и прозе называет себя «Махзун».

Книга состоит из 1696 страниц, написана почерком «жъли» и является автографом. Оглавление: начиная с династии Алтун-Бешига: Абду-Рахман сын Абдул-Карима, Ирдана-хан, Нарбута-хан, Хаджа-бек, Алим-хан, Умар-хан, Мухаммад Али-хан, Султан Махмуд, Шерали-хан и повествуется до Худаяр-хана включительно. Книга написана в виде дастана. Судьба этой рукописи такова. После бегства из Оренбурга Худаяр-хан под другим именем прибыл в Мекку. Тринадцать месяцев он жил скрытно, но потом рассказал о себе Абдурахману-афанди. Затем Худаяр-хан отправил его своим доверенным лицом в Фергану, чтобы тот собрал деньги, оставленные ханом на хранение и в долг зажиточным лицам.

Абдурахман сначала прибыл в Истамбул и рассказал Султан Хамиду о том, что Худаяр-хан ходит под чужим именем, после этого он приехал в Среднюю Азию и встретился в Ташкенте со старшим сыном Худаяр-хана Махаммад Амин-беком, после которого побывал в Коканде и Андижане. В этих городах он собрал деньги у баев и решил вернуться в Ташкент, чтобы отдать деньги сыновьям Худаяра.

Данная книга-рукопись тоже была вручена Махзуном доверенному лицу Худаяр-хана Абдурахману, который должен был отдать её ханзаде. Однако Абдурахман каким-то образом

¹ Н. Д. Миклухо-Маклай. Описание персидских... С. 331–332.

оставил эту книгу у себя и привез в Турцию. Причину написания этой книги мы узнаем со слов автора, который приписал в конце своей книге: «...сказал Махзун. Упорядочились дела многих людей. В этом отношении есть и у меня заявление. Уважаемый отец Афанди получил благословение многих людей, которым он помог осуществить их просьбы и дела. Теперь я тоже хочу сказать свою просьбу [уважаемому] Афанди. Вот уже исполнилось двадцать два года, как я начал писать эту книгу. Столько лет я трудился. Об этом, чтобы я написал книгу, приказал сам падишах Саид Мухаммад Худаяр-хан. Согласно личному приказу [Худаяр-хана], я завершил эту [книгу]. Эту книгу они сами [Худаяр-хан], взяв в руки, читали бы. Дали бы прочитать приятному собеседнику нашему хану, было бы очень прелестно. Однако этот падишах Худаяр-хан, лишившись трона и счастья, ушёл. Моя книга осталась не вручённой... Хан-хазрат сказал, чтобы от него осталась книга «Шахнаме» на память, тогда эта книга ещё не была завершена. Теперь разверзся мир... и я сам про себя подумал, чтобы мои труды не остались бесполезными, отдам через Абдурахмана-Афанди, чтобы он показал книгу шахзаде Саид Мухаммад Амин-беку и Саид Умар-беку».¹

До настоящего времени биография Махзуна глубоко не изучена. Только в 1968 г. в Коканде был обнаружен Ахмаджан Мадаминовым сборник рукописи Махзуна. Объём этого сборника 199 листов, куда были включены 1 дастан, 222 на узбекском, 34 – на таджикском языках газели; 7 мухаммаса на узбекском и 2 – на таджикском языках, 2 мусаддаса, 4 таржибанда, 1 таркибанд, 2 маснавий на узбекском языке, а также 2 таркибанда, 1 маснавий и 20 рубаи на таджикском языке. Ряд его газелей и других произведений не вошли в этот сборник.

Известно, что Махзун жил в кишлаке Уйчи (ныне Наманганская область, Уйчинский район) и, как отмечали его современники, он выделялся своим образованностью, хорошей эти-

¹ Миён Бузрук. История Ферганы на узбекском языке//Маориф ва ўқитувчи. Тошкент, 1927. № 9–10. С. 60–61.

кой и был отличным собеседником. В одном из своих стихотворений он называет город Чуст своим родным городом, из которого можно догадаться, что он родился в Чусте (ныне город Чуст в Наманганской области). Основную сознательную жизнь он провёл в Коканде, поэтому он себя называет Зиёуддин Хукандий.

Ахмаджан Мадаминов предполагал, что Махзун умер до 1821 г. Однако, как видно из вышеназванного исторического труда, Махзун был жив ещё в 1881 г. (дата эта написана его почерком на страницах вышеупомянутой «Шах-наме»). Однако можно выдвинуть и другую версию, что в Коканде были два автора, носившие псевдоним «Махзун».

Махзун прожил свою жизнь в сложных условиях, о чем доказывают его стихи. Много внимания он уделяет лирике, воспекает человечность, настоящую любовь, честность, скромность, доброту и т.д.¹

Мирза Азиз бин Махаммад Риза Маргилани был на государственной службе в Коканде в период правления Мухаммад-Али, Шерали, Худаяра и Малля. Поэтому он мог пользоваться книгами из ханской библиотеки и получать достоверные сведения о происходящих событиях. Труд Мирза Азиза «Тарих-и Азизи», посвященный истории Кокандского ханства, может быть разделен на три части: 1. История монголов и очерки из истории других государств Средней Азии; 2. История Ферганы (в основном Кокандского ханства); 3. История города Маргилана с краткими сведениями о хокимах, включая русских уездных начальников, судьях, богачах и других знаменитых людях.²

Мулла (или Имам) Али Кари («Ками») Кундузи (или Кухандузи, родом из Кундуза) родился в 1786/87 гг., жил в Бухаре и Коканде, дважды ездил в Кашгар (1824–1825 и 1843

¹ Мадаминов А. Сборник произведений Махзуна//Адабий мерос (Литературное наследие). Тошкент, 1973. С. 186–188.

² Валидов А.З. Восточные рукописи в Ферганской области//Записки Восточного отделения Императорского Русского Археологического общества. Т. 22. Пг., 1915. С. 303–320. Далее мы используем некоторые сведения из этой статьи.

гг.). Умер в 1857-1858 гг. Помимо «Таварих-и Манзума», написал ещё «Халл ал-фараид», трактат о составлении муаммо (один из литературных жанров).

«Таварих-и Манзума», сборник хронограмм, относящихся к истории Кокандского ханства и Кашгара с 1822 г. до 1856–1857 г.

По словам Р.Н.Набиева «согласно предисловию, труд охватывает хронологические даты в период с 1238 (1822–1823) до 1264 (1857–1858) г., вполне возможно, что уже другим лицом, упоминаемом в труде, – неким Баба-хан Ишаном. На последних двух страницах приведены даты событий до 1304 (1886–1887) г., что, видимо, являлось дополнением переписчика.

В начале труда автор оставил следующую запись о характере своего произведения: «Имам-Али Кундузи, прославившийся своими стихами, достигающими иногда цели, [включил] некоторые крупные исторические события и явления, в том числе назначение на должность и освобождение от нее, рождение и смерть, странствование и разрушение, землетрясения и опасность, холеру и [другие] подобные этим, которые совершались в период существования этого ничтожного в течение дня и ночи, в силу необходимости переворота вращающегося неба».

Труд написан на таджикском языке, но в нем помещены стихи и на узбекском языке. В текстах имеются много важных данных об описываемых событиях¹.

Шавкий. Ферганский поэт Мулла Шамсий Шавкий, житель селения Калвак, написал «Тарих-и Шавкий», историю о последних днях Кокандского ханства и о завоевании Ферганы русскими войсками.

Махмуд Хаким Яйфаний Хукандий (полное имя Махмуд ибн мулла Шадимухаммад Яйфаний) родился в 1850 г., умер в 1930 г. – историк, поэт, просветитель, табиб (лекарь). Писал стихи под псевдонимом «Хакимий», имеется его диван «дивани Хакимий». Он написал «Методика лечения», «Повесть об Абу Али ибн Сине», «Источник лечебных лекарств», «Прави-

¹ Набиев Р. Н. Из истории Кокандского ханства. Ташкент, 1873. С. 17.

ла лечения», «Опыты Махмуда», «История Ферганы» и др.

«История Ферганы» напечатана литографическим способом в 1914 г. и посвящена истории Кокандского ханства. В этом произведении он вначале пишет генеалогию кокандских ханов и далее сообщает сведения о происшедшем в период правления Шахруха, Абдолрахима, Абдолкарима, Ирданы, Бабабека, Сулаймана, Нарбуты, Алимхана, Умархана, Мухаммад Алихана и других ханов вплоть до Худаяра. В книге имеется много сведений о строительстве медресе, мечетей, арок, а также об архитектурных памятниках Коканда.

Аваз Мухаммад Аттар Хуканди (конец XVIII – середина 70-х годов XIX в.) – узбекский историк, написал исторический труд «Тарих-и джаханнама-йи» (известен также под названием «Тухфат ат-таварихи хани»). На протяжении всей своей жизни Аваз Мухаммад занимался практикой врачевания и перепиской книг. До нас дошла книга индийского врача Мухаммад Арзани «Муфаррих ал-кулуб» («Радость сердца»), которую переписал Аваз Мухаммад.¹

Сочинение «Тарих-и джаханнама-йи» составлено по традиционному образцу жанра исторической литературы в прозе Востока. В рукописи после «пролога» («дебоча»), общих сведений, излагается генеалогия правителя, описывается история ханства с периода правления первых ханов до времени третьего правления Худаяр-хана включительно. Каждая глава – рассказ посвящена более или менее детальному изложению эпизодов или событий из жизни хана или страны. (Вахидов Ш. Аваз Мухаммад Аттар Хуканди и его сочинение «Тарих-и джаханнамайи».)²

Немаловажное значение имеет для истории Коканда сочинение **Мирза Шамса Бухари** «О некоторых событиях в Бухаре, Хоканде и Кашгаре», изданное в тексте с переводом и примечаниями В. В. Григорьева в 1861 г. в Казани. Мирза

¹ Вахидов Ш. Аваз Мухаммад Аттар Хуканди и его сочинение «Тарих-и джаханнамайи» («Тухфат ат-таварихи хани»). Исследование, перевод, примечание. Автореф. Дис. Канд. ист. наук. Ташкент, 1990. С. 8.

² Там же. С. 8.

Шамс находился с детства при дворе эмира Бухары, был в числе немногих сторонников Мир-Хусейна. После его смерти Мирза Шамс поступил на службу к его брату Умару. Однако в трудную минуту перешел на сторону Насруллы, но, опасаясь за свою жизнь, бежал в Шахрисабз, а оттуда – в Коканд. Здесь он жил долго, принимал участие в походах на Кашгар. Через некоторое время он снова переехал в Бухару, стал заниматься торговлей, ездил в Россию и поселился в Оренбурге.

Его произведение «О некоторых событиях в Бухаре, Хоканде и Кашгаре» является ценным первоисточником по истории Коканда, так как он описывает события, участником которых был сам автор. Однако в некоторых случаях он допускает некоторые хронологические ошибки, что можно объяснить тем, что книга написана по памяти намного позже после происшедших событий, но сами факты сообщаются правильно.

Как видно из приведенных примеров, в Коканде в XIX в. было довольно успешно развита историография. Отличительной чертой являлось то, что многие авторы были одновременно и историками, и поэтами.

ИСКУССТВО КОКАНДА

Большую роль в повышении культурного уровня народа сыграли замечательные прогрессивные актёры XIX в. Они своими выступлениями не только доставляли зрителям эстетическое наслаждение, но и беспощадно клеймили позором пороки феодальной жизни, разоблачали в своих небольших спектаклях и пантомимах действия ишанов, муллов, баев и даже самого хана и его приближённых.

В период правления Худаяр-хана в Коканде находился очень популярный в своё время талантливый актер **Закирджан**. Однажды в присутствии Худаяр-хана он представил в лицах местного Шейх ул-ислама, как он справлял свое «правосудье», и это представление стоило Шейх ул-исламу потери должности и изгнания из столицы. Конечно, этому хан сразу

не поверил. Только тогда, когда присутствующий народ полностью подтвердил проделки Шейх ул-ислама, Худаяр-хан, как «блюститель правосудия», был вынужден изгнать его из Коканда. Вместе с этим сам хан был так увлечен игрой, что приказал Закирджану представить самого хана. Осторожный Закирджан поручился сначала письменным обещанием хана, что актер не будет подлежать преследованию, и потом так неподражаемо исполнил свою роль, что Худаяр-хан рассердился на него и не сдержал своего слова.

На другой день хан, оставив неприкосновенным личность самого Закирджана, согласно данному письменному обещанию, конфисковал имущество актера и навсегда удалил его от ханского двора, изгнав из Коканда.¹

Закир Ишан Рустам Мехтар Оглы (1824–1898, Коканд), – крупнейший представитель профессионального узбекского актерского искусства. Он являлся руководителем кокандской группы актеров на протяжении полувека. Его профессиональным оружием были импровизированные, логически смысловые пантомимы и звонкий, мелодичный голос. Созданные Закирджаном образы привлекали своей жизненностью, правдивой сатиричностью, содержащей социальный смысл и характер. Он воплотил в жизнь сотни устных комедий. Характерными являлись: «Сатира о хане», «Золотые косички», «Мазар», «Святой», «Старуха хаджа», «Пекарь и поденщик», «Благословение сына» и др. В них защищались интересы народа и разоблачались проделки эксплуататоров: баев, феодалов и др.²

Саъди Махсум (1809–1889, Маргилан) – заслуженный представитель узбекского традиционного театра, народный шут (клоун). Долго жил в Коканде, был в труппе Закирджана. Создал неповторимые образы галантерейщика, домлы, всадника, перепелки и др. В соавторстве с Абдуазизом-шутком он создал комедию «Обджуваз» («Мельница»). Саъди Махсум при создании образов пользовался не только словом, но и

¹ Остроумов Н. П. Сарты. Ташкент, 1890. С. 48–49.

² ЎзСЭ. Т. 4. С. 487.

мимикой, пантомимой, движениями рук и тела. Особенно преуспел в создании образов дехкан и кустарей-ремесленников. Его учениками являются знаменитые шуты, в их числе Юсуфджан Шакарджанов.¹

Матхалик Кизик (Матхалик Шут, 1840–1910) – известный актер театра шутов. В 1860–1872 гг. работал в труппе Закирджана в Коканде. Он стал особенно популярным при исполнении следующих ролей: ишана («Золотые косички»), домли («Старуха хаджа»), казы («Просьба кетменя»). В 1892 г. создал в Андижане самостоятельную труппу, куда вошли шуты Ашир-Башир, Кал-Назар, Хасан и Джура.²

Исмаил-найчи (1847–1904, Коканд) – народный музыкант. Среди узбеков, таджиков, уйгур и других народностей известен как Исмаил Устод, Исмаил Куса. Жил очень бедно, стал прототипом в стихотворении Мукими «Кусамен» («Безбородый»). Он отлично исполнял такую классическую музыку, как «Баёт», «Чаргах», «Ушшак», Сувара» и др. Свое искусство он демонстрировал в Ферганской долине, Восточном Туркестане, Иране, Афганистане, Индии, Турции, а также в других государствах и везде пользовался большой популярностью и известностью.³

Ашурали-Махрам (1825–1863) – музыкант, певец, композитор, мехтар, шелкоткач. Благодаря своему приятному голосу прославился на все Кокандское ханство. Худаяр-хан, прослышав о его таланте, пригласил к себе в Коканд во дворец на службу и назначил махрамом. Ашурали, возненавидев дворцовую жизнь, с помощью друзей сбежал из Коканда в Ташкент. Из его музыкальных произведений особенно известны «Дугах Хусайн», «Чаргах», «Баёт», «Гулёри шахназ».⁴

В 1871 г. в Коканд приехал представитель Туркестанского генерал-губернатора И. И. Ибрагимов, который впоследствии

¹ ЎзСЭ. Т. 9. С. 553.

² ЎзСЭ. Т. 7. С. 55.

³ ЎзСЭ. Т. 5. С. 104.

⁴ ЎзСЭ. Т. 1. С. 597.

опубликовал отрывки из своего дневника, где имеются интересные сведения о культурной жизни кокандцев. В частности, он описал **пляску мальчиков** с лодками у поясов. Когда он спросил у брата кокандского хана Султан Мурадбека: «Откуда кокандцы переняли пляску бачей (мальчиков) в лодках, вовсе не знакомую в других местах Средней Азии?» Султан Мурадбек рассказал, что это «нововведение» сделано по приказанию хана, в подражание китайским танцам. Купцы, бывшие в Китае, рассказывали хану, что там зимою пляшут на льду танцовщицы, с лодками у поясов. Тогда хан, любитель всевозможных увеселений, нашел необходимым ввести подобные же пляски и в своей стране, заменив только танцовщиц мальчиками.¹

Известно, что впоследствии вместо лодок начали приспособлять лошадки, которые стали очень популярными в Ферганской долине. Это было ближе к повседневной жизни ферганцев – езда на коне, конно-спортивные игры, улак и т.д.

В Коканде на площади И.И. Ибрагимов видел также устроенную **карусель**, которая была предназначена для музыкантов. Они рассаживались в особо устроенные места, в несколько рядов, один выше другого и играли, кружась на карусели.² Кокандцы проводили пышные праздники, на которых организовывали фейерверки. На народных праздниках выносили **статуи** легендарных героев Рустама и др. На большинстве праздников, гуляниях, семейных торжествах выступали так называемые **курчакбазы** – кукловоды кукольного театра. Сюжетами их выступлений являлись народные сказки, сатиры и др. Часто через них раскрывали пороки существующего строя, проделки отдельных чиновников, баев, мул, казиев и т.д.

Большой популярностью в Кокандском ханстве пользовались **дарбазы** (канатаходцы), которые были особенно попу-

¹ Ибрагимов И.И. Пять дней в Кокане//Туркестанские ведомости. 1871. № 95.

² Ибрагимов И.И. Пять дней в Кокане//Туркестанские ведомости. 1871. № 95.

лярны в Коканде. Иногда канаты поднимались до 40–50 метров. В программе канатоходцев были: ходьба взад и вперед, прыжки на канате, бег, ходьба с закрытыми глазами, ходьба на канате с завязанными глазами и привязанными к ногам медными подносами и ножами, кувыркание. На канате ходили не только взрослые, но и дети, что вызывало особое восхищение у зрителей. Выступление канатоходцев сопровождалось игрой музыкантов и участием клоунов, певцов и т. д.

Музыканты и певцы постоянно сопровождали Кокандское войско в походах. Особенно барабанщики и музыканты с карнаями возвещали о начале и окончании сражения. Во время наступления они шли в первых рядах.

Патриотизм певцов и музыкантов особенно проявился в период Кокандского восстания в 1842 г. Интересные сведения о музыкантах и певцах; участвовавших в обороне восставшего Коканда против бухарского эмира, сообщается в рукописи «Ансаб ас-салатин ва таварих-и ал-хавакин». Согласно ее, знаменитый Рахим-барабанщик, Балтахан-певец Наманганий, сурнаист Кур Юсуф Наманганий ежедневно до восхода сообща устраивали концерты, тем самым, поднимая моральный дух и боевое настроение восставшего населения города.¹

Большой популярностью в Коканде пользовались **конные скачки-улак**, где молодежь и мужчины демонстрировали свою ловкость, смелость и умение ездить верхом на коне. Скачки организовывались по поводу народных праздников, семейных торжеств, свадеб и т.д. Тот, который организовывал эти скачки, выставлял богатые призы. Поэтому организаторами, в основном, являлись ханы, беки, хокимы и богачи, а основными участниками – все без исключения желающие. Иногда в скачках принимали участие лошади хана, беков и богатых феодалов, а наездниками были их слуги, а при победе призы доставались владельцу коня.

¹ ИВ АН РУз. Указанная рукопись, инв. № 9841, л. 10–11; № 3753, л. 34 а.

Так, например, весной 1871 г. в Коканде были организованы скачки в честь «обрезания» Урман-бека (любимого сына Худаяр-хана), на которые выставлено Султан Мурад-беком (брат Худаяр-хана) 40 призов. Скачку подробно описал И. И. Ибрагимов – очевидец этого замечательного, смелого и интересного зрелища. По его словам, на финише скачки присутствовал хан, его ближайшие родственники и другие феодалы, баи и население Коканда и окрестных селений: «...Наконец, показались лошади, народ начал шуметь и кричать, смирно сидевшие подле нас важные особы нетерпеливо вставали с мест, спрашивали, чьи лошади, одни говорили – хана, другие сказали – бека. Долго им не пришлось спорить и лошадь первая оказалась ханская. Конечно, ханская, другой лошади и нельзя было предположить, говорили многие, вторая и третья – то же хана, четвертая и пятая Султан Мурад-бека, шестая и седьмая – Урман-бека»¹. Призы были дорогими: 1-й приз: один гулям (мальчик-невольник, раб); одна чури (девочка-невольница, рабыня); большие ямбы (китайское серебро, стоящее обыкновенно 120 руб.) (Надо иметь в виду, что в те годы за 1 рубль можно было купить одного хорошего барана); суконная кибитка (киргизская); арабский ковер; два кипчакских ковра; три одеяла; девять фарфоровых блюд; девять фарфоровых чашек; один медный котел; один чугунный котел; два медных кумгана (больших); два афтабы (рукомойника); два таза; две миски; два кумгана-чайдыш (в котором кипятят чай); пять чайников; два медных блюда; пять подносов; одна лошадь с золотым прибором и серебряной попоной; одна лошадь с серебряным прибором и серебряной попоной; одна лошадь с седлом и попоной; одна лошадь без прибора; два верблюда (на которых сидели вышеназванные двое рабов); два узла с халатами.

2-й приз: три небольшие ямбы (каждый стоит по 15 руб.); один верблюд; один ковер; одна лошадь с золотым прибором;

¹С.Петербургское отделение ИВ АН России. Ф., 33, оп. 1, ед. хр. 224, л. 230.

ром и серебряной попоной; одна лошадь с серебряным прибором и серебряный попоной; одна лошадь с седлом и серебряной попоной; одна лошадь без прибора; одна корова; один баран; один узел с халатами.

3–4-й призы были одинаковыми: две небольшие ямбы; один верблюд; один ковер; одна лошадь с золотым прибором и серебряной попоной; одна лошадь с серебряным прибором и серебряной попоной; одна лошадь с седлом; одна корова; один баран; один узел с халатами.

5–30-е призы уменьшались по качеству, стоимости и количеству до 6 наименований.

31–40-е призы были одинаковы: один полуселковый халат; один ситцевый халат; один халат из алачи; один баран; один козел.¹

ПЕРВЫЙ ФОТОГРАФ КОКАНДА

Одним из культурных важнейших событий в жизни населения Коканда было появление фотографии. Летом 1872 г. по поручению Туркестанского генерал-губернатора К.П. фон-Кауфмана в Кокандское ханство отправился фотограф К. Кривцов. Он должен был сделать и привезти в столицу снимки для «Туркестанского альбома». Известно, что мусульманский шариат запрещал изображать человека. Нарушивших этот обет подвергали преследованиям. При первой встрече с Худаяр-ханом в Ассаке Кривцов через переводчика объяснил цель своего визита. Ему нужно было сфотографировать воинов хана, его приближенных, самого хана. Естественно, что фотограф получил отказ. Тогда Кривцов предложил Худаяр-хану познакомиться с устройством фотоаппарата, убедиться в том, что он не опасен. 6 июля 1872 г., через два дня после первой встречи мусульмане увидели, как фотографируют.

Г. Кривцов сфотографировал сарбазов – личную охрану. Это был первый фотографический снимок на всей территории Ферганской долины. Мало-помалу снимки заинтересовали ха-

¹ С.Петербургское отделение ИВ АН России. Ф., 33, оп. 1, ед. хр. 224, л. 241–246.

на и он заставил фотографа сделать портреты своих адъютантов и фаворитов, вид приемного зала, урды. Однако отдельные приближенные хана умоляли и просили не фотографироваться, плакали, молились богу избавить их от этого. Между тем Худаяр-хан любил исполнения своего слова и оставался непреклонным. После «милостивого разрешения Кривцов побывал и в других городах ханства, сделал много снимков, которые стали ценнейшим этнографическим материалом.

Худаяр-хан и его сын попросили Кривцова прислать им фотоаппарат с надлежащими комплектами химических реактивов. Для этого вместе с русским фотографом в Ташкент отправился некий Бердикул. Ему было дано указание научиться пользоваться фотоаппаратом. Торопясь со своим отъездом в Петербург, Кривцов смог научить Бердикула лишь самым элементарным навыкам фотографирования. Он обещал, что по возвращении в Ташкент займется с ним основательно. В конце августа 1872 г. Бердикул возвратился с Коканд с двумя фотоаппаратами. Газета «Туркестанские ведомости» писала по этому поводу, что «в настоящее время в самом центре мусульманской Азии, в Кокандском ханстве существуют две фотографии».¹

Таким образом, история сохранила для нас имя первого фотографа Коканда и всей Ферганской долины – просто Бердикул. Очевидно, это был способный дворцовый мастерской. Можно предположить также, что Бердикул был первым фотографом местной национальности во всей Средней Азии, так как даже в Ташкенте, центре тогдашнего Туркестанского генерал-губернаторства, не было фотографа-узбека.

КОКАНДСКИЕ КАЛЛИГРАФЫ

В Коканде, как и во многих других городах Средней Азии, создалась своя своеобразная школа хаттатов-каллиграфов. Отличительной чертой является то, что многие из них одновременно являлись поэтами, писателями, историками, миниа-

¹ «Туркестанские ведомости». 1872. № 29–31; 1873. № 9.

тюристами и т.д. Своими произведениями они подняли кокандскую каллиграфию до уровня художественного искусства. Количество кокандских каллиграфов за всю историю города было настолько большим, что описать их всех в одном разделе книги просто невозможно. Поэтому мы надеемся, что этот аспект деятельности кокандских хаттатов станет отдельным исследованием. А в данном разделе мы приведем несколько примеров, которые могут послужить основанием для дальнейшего самостоятельного исследования. Уместно также еще заметить, что многие переписанные и красиво оформленные рукописные книги не сохранили имен авторов, хотя сказано, что переписано в Коканде или на кокандской бумаге (в этом случае не исключено, что книга переписана в другом городе). Для определения авторов-хаттатов необходимо провести серьезное научное исследование. Поэтому в данном разделе будем указывать для примера только название рукописи и краткую характеристику оформления книги, почерк, имя переписчика, место, дату переписки. В случаях, когда эти данные отсутствуют – свое предположение, а также для примера несколько сведений о самих кокандских хаттатах.

«Зафарнама-и Худаяр-хани» («Книга о победах Худаяр-хана»). Рукопись, написанная прекрасным крупным почерком на хорошей плотной бумаге и хорошо оформленная, является автографом автора Абдугафура. Дата списка – 1859 г. 65 листов, формат 21x34 см.¹

«Ат-гасриф ал-Иззи» («Иззудинова флексия»). Очень распространенный учебный трактат по арабской морфологии.

Рукопись переписана чёрными глянцевыми чернилами на шелковой бумаге, мелким, красивым и четким насталиком, с полной диакретической пунктуацией. Заголовки выписаны киноварью. Переписана в июле 1873 г. в Коканде.²

«Ал-кофия» («Достаточная»). Один из самых распространенных учебных трактатов по арабской грамматике.

Рукопись переписана на шелковой бумаге, черными гля-

¹ Собрание восточных рукописей АН РУз. Ташкент, 1952. Т. I.

² Собрание восточных рукописей АН РУз. Т. I. С. 181–182.

цевыми чернилами, мелким красивым насталиком, с полной диакретической пунктуацией. Заголовки написаны киноварью. Дата переписки – 1873 г. в Коканде.¹

«**Гулшан роз**» («Цветник тайн»). Аккуратно переписанный насталиком список на сероватой кокандской бумаге. Переписчик – Мулла Мухаммад Садык бин Мулла Джума-Кулийи Хуканди. Дата списка – 1834 г., 378 листов, формат 26,5 x 15 см. Место переписки – Коканд.²

«**Дивани Лутфи**» («Диван Лутфи»). Очень хорошая рукопись, переписанная на особо плотной кокандской бумаге (по два склеенных вместе листа) четким отличным среднеазиатским насталиком. В начале две первых страницы представляли своеобразный фронтиспис, исполненный в форме обрамляющей текст рамки, сделанной золотом и красками, но первая начальная страница утрачена. Следующие две страницы – с отдельными красками и золотом полями в виде широкого растительного бордюра. Текст расположен в виде двух колонок на странице и обрамлен золотыми и цветными линиями, одно стихотворение отделяется от другого довольно широкой полосой в золотых ободках; поля обведены красными линиями. Дата переписки – XIX в. 82 листа, формат 22 x 32 см.

«**Хафт ованг**» («Семь звезд Большой Медведицы»). Автор – Нуруддин Абдурахман Джами. Список написан насталиком на лощенной кокандской бумаге; текст обрамлен золотыми и цветными линиями, поля – красными. Переписчик – Абдушукур Хаджа. Дата переписки – 1844 г., 783 листа, формат 15,5 x 26,5 см.

«**Хамса**» **Навоий** («Пять поэм Навои»), 3) Фархад и Ширин» (с. 115–187), переписан в г. Коканде в июне-июле 1837 г. в медресе Хаджахан-бай Ташкенди, рукою Мухаммада ал-Бухари по прозвинию Хиджры. 4) «Искандер-намэ» (с. 188 – 277) переписан в Коканде в июне-июле 1837 г. в медресе Хаджахан-бай Ташкенди рукою того же переписчика.³

¹ Собрание восточных рукописей АН РУз. Т. I. С. 179.

² Собрание восточных рукописей АН РУз. Ташкент, 1954. Т. 2. С. 113.

³ Собрание восточных рукописей АН РУз. Т. 2. С. 199.

«Чахар диван Амир Алишер мутахаллис ба Навои» («Четыре дивана эмира Алишера под псевдонимом Навои»). Текст написан четким среднеазиатским насталиком по две колонки на странице и заключен в рамки из красных и синих линий. Переписчик – Мулла Мухаммад бин Мулла Ашур Мухаммад, завершил рукопись в Коканде¹ в 1834–1835 гг., 461 лист, формат 15,5 x 27,5 см.

«Чахар диван Амир Алишер Навои». Хороший, но не законченным оформлением список, переписанный крупным отличным среднеазиатским насталиком на плотной, кремового цвета восточной бумаге. Текст почти готовых листов 18–105, обрамлен синими и золотыми линиями, поля – темно-красными. Остальной текст не обрамлен. Не вписаны также заголовки. Переписчик – Мулла Сарымсак Хуканди. Дата списка – 1833–1834 гг. 139 листов, формат 21 x 32 см.²

«Гарайб ас-сагир» («Чудеса детства»). Диван детства. Текст написан по золотому фону на больших листах превосходной лощенной кокандской бумаги в один столбик на странице, причем каждые две смежные страницы текста сближены друг с другом и обведены широким кругом, изображающим стилизованное солнце, по голубому фону. Пространство между прямоугольными золотыми рамками с текстом и кругом-солнцем заполнено чрезвычайно тонко исполненной жидким золотом цветочной орнаментацией. Во многих местах поля окрашены в розовый цвет и богато покрыты крупным золотым крапом. Почерк – прекрасный среднеазиатский насталик, ясный и четкий, каждый стих имеет весьма тонко исполненную по золотому фону красками цветочную виньетку.

Судя по орнаментации и некоторым каллиграфическим особенностям, рукопись была исполнена в Коканде в бывшем Кокандском ханстве для высокопоставленного лица, возможно, для Умар-хана или Надире, видимо, в первой четверти или, во всяком случае, не позже первой половины

¹ Собрание восточных рукописей АН РУз. Т. 2. С. 215.

² Собрание восточных рукописей АН РУз. Т. 2. С. 215.

XIX в. 70 листов, формат 27 x 48 см.¹

«Диван Фузули». Исполнен прекрасным среднеазиатским насталиком на плотной, кремневого цвета кокандской бумаге. Текст, написанный по золотому крапу, обрамлен золотыми и синими линиями, поля – красными. Список не закончен оформлением; л. 1 об – 2 представляют сделанный лишь в золоте и контурах фронтиспис; поля первых 23 листов выполнены для орнаментации. Изготовлен для Кокандского хана Мухам четверти или, во всяком случае, не позже первой половины мада-Али (1822–1841); переписчик – Мирза Шариф Дабир. Место переписки – Коканд. Дата – 1836 г., 153 листов, формат 22,5 x 31 см.²

«Куллиёт Бедил» (“Полное собрание произведений Бедилы»). Хороший позднейший список; переписан почерком полупекасте на кремового цвета лощенной кокандской бумаге. Текст расположен в рамках посередине страницы и написан наискось на полях, как и столбцы, обрамленные золотыми и цветными линиями. В начале – унван в синих тонах с золотом. Перед каждым произведением, написанном на полях – художественная заставка.³ Место переписки, очевидно – Коканд. Дата списка – 1850–1851 гг. 725 листов, формат 17,5 x 31 см.

«Ал-Курьон» («Коран»). Том первый (Суры 1–5). Отличный список, написанный тушью и киноварью на очень плотной кокандской бумаге крупным красивым сулсом; Коранские стихи отделены картушами, исполненными золотом и красками. Начало Корана обозначено на полях надписями и большими орнаментальными заставками, сделанными золотом и красками. Рукопись написана в 1869–1870 гг. Переписчик – Мухаммад Ниязи Хуканди.⁴ 77 листов, формат 31x41 см.

«Ал-Курьон» («Коран») Том второй (Суры 6–18). Испол-

¹ Собрание восточных рукописей АН РУз. Т. 2. С. 222–223.

² Собрание восточных рукописей АН РУз. Т. 2. С. 253–254.

³ Собрание восточных рукописей АН РУз. Т. 2. С. 293.

⁴ Собрание восточных рукописей АН РУз. Ташкент, 1957. Т. 4. С. 48.

нен тем же переписчиком в том же 1870 г. и в таком же точно оформлении. 306 листов

Таких замечательно и с эстетическим вкусом написанных и художественно оформленных рукописей кокандских авторов и каллиграфов можно привести очень много. Однако мы считаем целесообразным ограничиться вышеназванными, ибо, как указывалось, подробное описание заслуживает особого специального исследования. Приведем краткие биографические сведения о кокандских хаттатах, родившихся в Коканде, а также уроженцев других городов, но проживавших и написавших свои труды в Коканде. Все эти сведения мы заимствуем из книги А. Мурадова «Ўрта Осиё хаттотлик санъати тарихидан» («Из истории каллиграфического искусства Средней Азии»).

Говоря о некоторых переписанных рукописях, мы должны иметь в виду, что упоминаем только о некоторых дошедших до нас. В действительности же количество их было намного больше, а в суммарном виде число выглядело бы более внушительным.

Мухаммад Латиф сын Мухаммад Шарифа – один из знаменитых кокандских катибов. В 1813 г. переписал почерком насталик «Чар диван» Алишера Навои. Диван переписан очень красиво, окаймлен золотом.

По словам А.Мурадова, в рукописном фонде Института востоковедения АН РУз под номером 1709 имеется рукопись «Чар диван», в конце которой говорится, что в 1838 г. кокандский хан Мухаммад Али приказал кокандским хаттатом переписать книгу Алишера Навои «Чар диван». В связи с этим за короткое время было переписано 300 экземпляров.

Данный список (№ 1709) является самой совершенной рукописью, отлично художественно оформленной на кокандской бумаге почерком насталик. К сожалению, имя переписчика пока остается неустановленным. Среди переписчиков были знаменитые хаттаты Хаджа Мухаммад Хижрий, Ахунд

¹ А. Мурадова Ўрта Осиё хаттотлик санъати тарихидан. Тошкент, 1971. 122–139-бетлар.

Мирхусайн, Насирхан Мулла Мухаммад бинни Ашир Мухаммад, Мулла Саримсак и великий хаттат и замечательный поэт Мирза Шариф Дабир.¹

Мирза Шарий Дабир жил в первой половине XIX века, является общепризнанным основателем Кокандской школы хаттатов, у него у самого был отличный, красивый почерк. Мухаммад Али-хан в 1836 г. приказал Дабиру переписать диван Фузули, который был выполнен красивейшим почерком насталик.

А в 1837 г. Дабир составил сборник газелей Мухаммада ибн Сулеймана Фузули и отдельно Алишера Навои. Этот список рукописи стал образцом каллиграфии и вошел в золотой фонд уникальных рукописей мировой культуры. Переписанные газели на смежных страницах соединены в один круг, оформленный в виде солнца, разукрашены цветами и окаймлены золотом.²

Абулгазы Хаджа Хуканди сын Турахаджи Хусайний Кукандийа. В 1848 г. переписал книгу Алишера Навои «Хамса».³

Турди Али родился в кишлаке Тули севернее Коканда. Учился в кокандском медресе Нарбутабека, там же получал знания и у частных лиц. Является хаттатом, писавшим почерком жали.

Написанная надпись на правой стороне арка Урды Кокандского хана, выполненная методом жали, принадлежит Турди Али. Ему также принадлежит надпись (почерком) жали, выполненная с внутренней стороны ханской урды.⁴

Мирза Бабакалан Хукандий, сын Мухаммад Риза парваначи Исти-Равшанийа. Являлся искусным хаттатом почерка насталик. Он переписал в 1870 г. красивым и прекрасным почерком насталик книгу Абулвосий Манзура «Тазкираи Сул-

¹ Мурадов А. Ўрта Осиё хаттотлик санъати тарихидан. Т., 1971. 122 – 123-бетлар.

² Мурадов А. То же название. С. 123.

³ Мурадов А. То же название. С. 124.

⁴ Мурадов А. То же название. С. 124.

тани», посвященную Худаяр-хану.¹

Мирза Мир Махмудий Хукандий, сын Мирзы Мухаммада. Родился в 1821 г. в Бухаре, учился в медресе квартала Фатхулла Кушбеги. В период разгула реакции Бухарского эмира Насруллы Мир Махмуд в 1852 г. переехал в Коканд и жил в махалле Бахмалбаф. В 1855 г. он здесь и женился.

Мирза Мир Махмуд был образованным талантливым хаттатом. Две исторические надписи на ханском арке принадлежат его перу. На левой стороне пештака, написанный почерком жали, также принадлежит ему.

Мирза Мир Махмуд был талантливым поэтом, сохранился его автограф – изящно написанные китъа и рубаи.

Мирза Мир Махмуд умер в Коканде в 1882 г.²

Мирза Афзал Хукандий являлся одним из образованнейших хаттатов, писавшим почерком насх, шикасте, насталик. Ему принадлежат множество переписанных книг. Среди них особенно выделяется насталик. Например, красивым почерком насталик он переписал комментарий к словарю Абдунасир Парахийя «Нисаби Сибиён». В конце книги вместо подписи он написал рубаи. Прекрасным почерком насталик он переписал на арабском языке касыду Мухаммад ибн Сайид Буйсирийя, а также письма Ахмед Парукий Сархандийя.³

Мукимий Мухаммад Аминхужа Мирзахужа оглы – узбекский поэт и талантливый хаттат. Родился в Коканде в 1850 г., умер в 1903 г. Его поэтическое наследие довольно известно не только в Узбекистане, но и далеко за его пределами. Однако не все знают, что он был также талантливым хаттатом – в основном, писал красивым почерком насталик. Он подписывался «Катабаху ал факирул хакир Мукимий», «Машакашу Мукимий», «Мухаммад Амин Хукандий», иногда «Мухаммад Ажинхужа»:

Мухаммад Тахир Хукандий, сын Мухаммад Сайида, жил в квартале Канаат-Парваначи. Современником Мукими,

¹ Мурадов А. То же название. С. 124.

² Мурадов А. То же название. С. 124–125.

³ Мурадов А. То же название. С. 125.

был мастером письма жали и хафи, и особенно почерка шикасте.

Мухаммад Тахир переписал очень красиво почерком шикасте диван Бедиля. Предисловие дивана Бедиля из 7 листов и другие тексты написаны очень красиво и обрамлены позолотой и тонкими цветами, выполненными с большим художественным вкусом.¹

Абдулкадыр Кары Хукандий, сын Мухаммад Алима, родился в Коканде в махалле Гишкуприк квартала Ходженд. Учился в медресе Мухаммад Али-хана, был близким другом Мукими.

Абдулкадыр Кари Хукандий прославился почерком жали. Переписанные им книги опубликованы в Ташкенте.²

Мирмахмуд Кари, сын Шамсиддина, был поэтом и хататом. Современник Мукими. Родился в Коканде в 1832 г., умер в 1902 г.

Ему принадлежит ряд написанных им самим и переписанным каллиграфическим почерком баязы, диван, сборники и письма.³

Маъсумхан Гулханий – поэт и хатат. Родился в 1860 г. в Коканде в махалле Бакаул квартала Катаган в очень бедной семье. Получил знания в медресе Минг Ойим. Ему не было место для ночлега, поэтому он устроился на работу истопником бани. Потом Маъсумхан преподавал и жил в мечети махалли Бакаул, где и умер в 1922 г. на 62-м году жизни.

Каллиграфический почерк Гулханий был классическим.

Раджий Хукандий, сын Сулайманкула уста (мастер) Суяркула, – поэт и один из талантливых и способных хататов. Родился в 1867 г., умер 11 ноября 1924 г. в возрасте 57 лет. Жил в махалле Курхана квартала Сармазар Коканда. Был высокообразованным человеком и хорошо знал классическую персидскую и узбекскую литературу. Он преподавал любителям персидскую литературу, произведения Бедиля «Нукат»,

¹ Мурадов А. То же название. С. 126.

² Мурадов А. То же название. С. 127.

³ Мурадов А. То же название. С. 128.

«Пуюзат» и «Газалиёт». Раджий Хукандий написал на узбекском и персидском языках ряд касыды, марсии и исторические манзумы. Раджий являлся наставником письменности насх и насталик. Он подготовил много способных учеников, среди которых особо отличался своими способностями Мирза Хайрулла Мирза Фахрий (1880–1942 гг.). Раджий также хорошо рисовал и поэтому в его работах много внимания уделено рисункам различных зверей, птиц. Он хорошо обрабатывал бумагу, писал по краям пиалы и чашек рубаи и т.д.

Хусайнджан Хаджа Мухсиний, сын Сулейманкула, родился в Коканде в махалле Мирза-Ядгар Маргиланского квартала. Начальное образование получил в своей махалле, потом учился в медресе Султан-Мурадбека. Хорошо знал арабскую, персидскую и узбекскую литературу, был способным и талантливым поэтом, считался хорошим и популярным хаттатом, особенно почерком насталик. Сохранилась его рукопись «Диван Мухсиний», написанный в 1916 г. и ряд других переписанных рукописей.¹

Мавланкул Кары жил в махалле Хаджибек квартала Худжанд Коканда. Он был профессиональным хаттатом и знаменит почерком насх. Он добывал себе пропитание путем переписки учебников. Любил переписывать насхом, особенно книги на арабском языке. Он также занимался преподаванием. У него было много талантливых учеников. Мавланкул умер в 1913 г.²

Мухаммад Юсуф Хукандий родился в 1835 г. в семье хаттатов. Отец Абдулкасым был одним из талантливых каллиграфов Коканда.

С детства получил воспитание и образование от родителей, получил уроки у отца искусству сулс, насх и насталик. Он переписал много рукописей почерком насх и насталик. Многих научил каллиграфии. Поэты Фуркат и Муками также обучались у него каллиграфическому искусству. Мухаммад

¹ Мурадов А. То же название. С. 134.

² Мурадов А. То же название. С. 136.

Юсуф умер на 84-м году жизни. Его сыновья Рахматулла Махдум и Нуъман Махдум также обладали красивым каллиграфическим почерком.¹

Мухаммад Ниязий Хукандий, сын Ашур Мухаммада – знаменитый кокандский поэт, хаттат и историк. Он написал книгу «Тарих-и Шахрухи» об истории Кокандского ханства и переписал ее почерком насталик. Заслуживает особого внимания его почерк сулс.²

Ахмаджан был специалистом по переписке китъа и рубаи. Его почерк был красивым и разборчивым.

Ахмаджан прожил 91 год (по некоторым сведениям более – 100 лет) и умер в 1919 г. в Коканде.³

Мухаммад Аминхан Махжур, сын Ташмухаммада родился в 1864 г. в Коканде в квартале Сармазар. Жил в медресе Чалпак, был современником Мукими и прославился, как способный поэт и хаттат. Впоследствии переехал в Маргилан и там скончался на 52 году жизни в 1916 г.⁴

В Коканде проживали многие другие талантливые и способные хаттаты, среди них Мирза Хайрулла Мирза Хукандий, сын Мирза Насира, Насирхан Мухаммад, сын Шакира, Мир Аъзам Давран сын Ибрахима, Абдулваххаб, сын Юлдаша, Турахан Махдум Хуканди, Усман Суфи, сын Мухаммеда, Мулла Шермухаммад и его сын Мулла Мухаммад Джалил.

Считаем своим долгом отметить, что в 1987 г. дочь Муллы Мухаммад Джалила подарила мне (т.е. Х. Бабабекову) несколько образцов рукописи – автографов Мулла Шермухаммада и Муллы Мухаммад Джалила. Кроме этого, она передала несколько рукописей, листы которых были так слеplены друг с другом, что в тот день удалось расклеить только один лист. Потом в Ташкенте удалось расклеить все страницы двух рукописей: 1. «Тарих-и томм», составитель Шах Кучик Ташкандий, написанный в 1777 г. на персидском языке (в 1998

¹ Мурадов А. То же название. С. 136–137.

² Мурадов А. То же название. С. 137.

³ Мурадов А. То же название. С. 137.

⁴ Мурадов А. То же название. С. 138.

г. перевод этой книги на узбекский язык опубликован в Ташкенте). В эту рукопись вклеен также комментарий на арабском и персидском языках на трактат Ибн Сины. 2. Копия рукописи Юсуфи – личного лекаря Бабура.

Мы выражаем свою благодарность дочери Мулла Мухаммад Джалила.

АРХИТЕКТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ КОКАНДА

Город Коканд славен своими архитектурными памятниками. И если в XIX веке он уступал лишь Самарканду, то настоящее время Коканд стоит на четвертом месте после Самарканда, Хивы и Бухары, так как грандиозные постройки: городские стены с крепостями, многие медресе и мечети были разрушены в колониальный и советский периоды.

Городская стена. Представляет определённый интерес как архитектурный памятник Кокандской городской стены.

В середине XVIII в. была городская стена с четырьмя воротами. Однако в связи с расширением города, очевидно, стены были разрушены. А в 1842 г. была воздвигнута новая городская стена, разрушенная в колониальный период и полностью уничтоженная в советский период.

18 июля 1875 г. полковник М. Д. Скобелев при содействии прапорщика Рудкова произвел рекогносцировку городской стены Коканда и его окрестностей. Приведем в сокращенном варианте его рапорт от 1 сентября 1875 г.

«На основании приказания Вашего Превосходительства имею честь представить описание городской оборонительной стены г. Коканда и рекогносцировку, произведенную мною при содействии прикомандированного к топографическому отделу 2-го Туркестанского линейного батальона прапорщика Рудкова, в бытность мою в г. Коканде с Г. Вейнберг, во время следования с посольством, в Кашгар 18 июля сего года.

Рекогносцировка городской стены и окрестностей.

1. Общий вид стены г. Коканда сартовского начертания лишена сильных фланкирующих построек, хотя башни, имеющие радиусы не более 1/2 саж., расположены на всем протя-

жении фронта. Только некоторые из них приспособлены к артиллерийской обороне.

Перекрестная оборона впереди лежащей местности не существует, за исключением пространства между барбетами. Доступы к следующим городским воротам обстреливаются артиллерийским огнем.

1. Газы-Аллик – впереди ворот устроен вроде монеты на 2 орудия.

2. Катта-Ган (Катаган) – на 2 оружия.

3. Рештан – на 5 орудий.

4. Ургенч (Урганжи) – на 1 орудие.

5. Кичик-Газы-Аллик – на 5 орудий (всего 15 орудий)

Укрепление впереди ворот Газы-Аллик на два орудия, стреляющие через амбразуры, в основании шириной в один аршин. Длина укрепления около 12 саж., с загнутой назад частью фронта для прикрытия прислуги с фланга, отстоит от ворот около 10 саж. Впереди ров сухой – глубиной 2 саж., ширина дна рва 1 саж. Площадь волганга изрыта, но перед амбразурами место для поставки орудий выровнено. Въезд на волганг крут, обрывист и требует исправления. С этого укрепления свободно обстреливается около 200 саж. от Биш-Арыкской дороге.

Из верхних бойниц, что пробиты в воротах, можно удобно обстреливать доступы к укреплению.

2. Впереди ворот Катта-Ган построено укрепление сходно с Газы-Аллинским: профиль его гораздо, впрочем, слабее. Рва нет. Толщина стены в основании 3 саж, на высоте волганга 1 аршин. Волганга, собственно говоря, вовсе не существует, так как прежде бывший, вероятно осыпался: часть его, шириною $1\frac{1}{2}$ арш. примыкает к стене, – насыпать волганг дело легкое, особенно по незначительной высоте его. С ворот обстреливается доступ.

3. На 5 ар. впереди ворот Рештан, сходное укрепление.

4. Впереди ворот Ургенч.

5. Впереди ворот Кичик-Гази-Аллике укрепление, совсем сходное с Газы-Алликом, только без рва.

Барбеты, находящиеся на самой городской стене показаны на плане; особенное внимание заслуживает барбет Сары-Мазарский на 5 ар. Как находящийся на том фронте, на который, по-моему мнению, казалось бы, следует вести атаку.

Кокандцы весьма метко подметили, что эта часть оборонительной линии самая слабая по удобству окрестностей для ведения атаки. Здесь у них сосредоточена наибольшая масса артиллерийского огня. Линия огня всей оборонительной линии простирается до 15 верст, средоточие же артиллерийской обороны на северном фронте, на 3-х верстах – 9 орудий на 20 (по числу амбразур и барбетов в одно орудие на всей стене), что составит половину наличного числа огня на 1/5 оборонительного фронта.

Впереди некоторых ворот устроены стенки для стрелков.

Городская стена, ширина тонкой части стены на всем протяжении не более 1 до 1/2 арш; можно столкнуть руками, не говоря об оружейных залпах на ближнем расстоянии.

Мертвое пространство существует везде:

а) для орудий, расположенных на городской стене и действующих через амбразуру, как-то Сары-Мазарский, барбет на 5 ар., ниже заделанный; между этим последним барбетом и выходом из города арыка Кичик Сай, мертвое пространство даже, я полагаю, не менее как на 200 саж. от стены;

в) для орудий, – действующих с барбетов же, но через банк, как-то: между Катта Сай арык и воротами Катта-Ган; между Рештанскими и Маргиланскими воротами; между Чимияскими и Сары-Мазарскими воротами, мертвое пространство значительно меньше;

д) для ружейной обороны, если допустить, что обороняющийся решится стрелять открыто, то мертвое пространство уменьшается до одной сажени, причем стреляющий совершенно открывается. Через же расположенные по большей части весьма редко, не ближе 1 саж. (за исключением башен у ворот, где устроены в верхней части три ряда бойниц, расстояние между ними не более аршина), мертвое пространство достигает 10 саж., т.е. до гребня внешнего рва. Вообще трудно допустить, чтобы огонь и стены из ружей и даже фалько-

нетов были бы очень действенны; многочисленные канавы представляют готовые ложименты для пехоты, на дистанции от 20 до 30 саж.; это также позволит штурмующим частям, под прикрытием огня из занятых канав, спокойно установить лестницы. Огонь из бойниц требует времени и спокойствия, а этого трудно ожидать в последний момент обороны. К тому же и рвы в мертвом пространстве (из бойниц) почти везде. Высота штурмовых лестниц должна быть не менее 3 саж...

... Высота стены в 7 слоев $2\frac{1}{2}$ саж., глубина рва $\frac{1}{2}$ саж...

Ров. Вокруг Коканда существует два рва. Вдоль второго внешнего рва, водяной почти везде, идет арбяная дорога шириною 4 саж. Исключение составляет пространство от Маргеланских ворот, идя на север на 100 саж. Вдоль этой дороги с поля тянется довольно глубокая канава... Эта канава, особенно в местах высоких, находится под самым сильным фальконетным огнем из бойниц; будуче наполнена водою, она, пожалуй, может быть названа третьим ровом.

Остальные два рва становятся вообще трудно доступны в местах возвышенных и, обратно, в местностях низких, как, например, в долинах обоих Сай, совсем исчезают. Исключение составляет выход из города арыка Катта-Сай. Размер внутреннего рва: глубина 1 саж., ширина 1 саж., ширина дна $\frac{1}{2}$ саж.

Спуск в ров и подъем из него почти везде отлоги.

Размер внешнего рва: глубина до 2-х саж., ширина более 2 саж; ширина дна менее 1 саж.

Ров этот водяной, но грунт твердый.

Подпись: Флюгель-адъютант Генерального штаба полковник Скобелев»¹.

Согласно сведениям 1867 г. окружность г. Коканда была 16 верст, наибольшая длина столицы от ворот Газавлык до Маргиланских равнялась около 5 верстам. Город делился на 12 частей и состоял из 540 махаллей. В 1842 г. город был окружен стеною вышиною в 6 аршин, а толщиною в 3,5 аршина, а у ворот – в 5 и 5,5 аршин. Позже над этой стеною была

¹ ЦГВИА России, ф.1393, оп.1, ед. хр. 81, л. 323–327.

устроена другая, вышиною в 4 аршина, толщиною у основания 1,25 аршин, а в вышине 0,5 аршин. Ров вокруг городской стены был глубиною в 8, а шириною – в 6 аршин.

Для входа в город служили 12 ворот: Ходженские, Газы-Янгликские, (Газавлык), Кудуклукские, Сары-Мазарские, Наманганские, Чимиянские, Сохские, Маргиланские, Риштанские, Муй-Мубарекские, Катаганские и Исфаринские.¹ (Так же называли Урганжи, Калмак, Афган, Катта Газы-Алык. Очевидно, названия ворот временами менялись).

О дворцах кокандских ханов XVIII – первой половины XIX в. подробные сведения отсутствуют. Имеются только некоторые упоминания о них. Так, В.П.Наливкин сообщает, что «Коканд, носивший тогда название Иски-кургана... место этой крепости... называется Маховзор».²

Далее он также пишет, что и по свидетельству автора «Джаан-нама» дворец Абду-Карима находился на месте... медресе Али» (Олий).³ Например, Российский посол Филипп Назаров, бывший в Коканде в 1813–1814 гг. оставил следующие сведения о дворце и процессе приема его Умарханом: «Не доходя до дворца 150-ти сажен, нам приказано было сойти с лошадей, и мы пешие приведены были вместе с казаками к воротам обширной ограды дворца, где дожидались около получаса, пока о нас докладывали. Стечение народа было столь велико, что все возвышенные места, дома, кровли, стены и заборы усеяны были любопытными зрителями. У дворца мы видели множество наваленных мортир и пушек без лафетов.

Вышедшие из ворот два чиновника спросили: кому поручена грамота, и по получении ответа ввели меня в ограду и показали смотрящего из окна владетеля, сказывая, чтобы я отдал ему такую же почесть, как своему государю. По их обыкновению не дозволяется снимать шапок, и я, скинув шляпу и

¹ Военно-статистический сборник. С. 21; Вельяминов-Зернов В. В. Сведения..., л. 21// Туркестанский сборник. Т. 458. Л. 45.

² Наливкин В.П. Краткая история Кокандского ханства. С. 56–57.

³ Наливкин В.П. То же название. С. 60.

отдав ему поклон, надел опять оную. Около палат в ограде под навесами на покрытых коврами возвышенных местах сидели в ряд визиря и все главные чиновники, составляющие верховный совет владетеля.

Я развернул высочайшую его императорского величества грамоту и переводное письмо государственного канцлера и, держа оные на голове обеими руками, приведен был под руки в комнаты владетеля, который сидел на возвышенном троне со ступенями. Владетелю было не более 25 лет от роду (было ему 28 лет), имел на себе китайского штофа (шелковая плотная ткань) на золоте блестящий халат и на голове шаль с золотой бахромой и кистями. Меня подвели к нему под руки два визиря, а 3-й отворил двери. Приказано было преклонить колено: и Амир Валинами (Умар-хан), приняв у меня с головы грамоту и переводное письмо, отдал оные стоявшему подле него визирю; потом, привстав с трона, подал мне руку, которую, по их обыкновению, я должен был пожать обеими руками. После сего безмолвного приветствия меня взяли опять под руки и отвели, не оборачивая к нему спиною к двери. Владетель опрашивал о здоровье его императорского величества и не имею ли я каких словесных повелений? Я ответил, что не имею и, что все заключается в сей грамоте и в имеющих при мне двух письмах корпусного командира генерал-лейтенанта Глазенапа.

После сего вывели меня опять за ограду и посадили на разостланный богатый ковер против его окна, расстоянием от одного на 8 сажень. Таким образом, вводили казачьего офицера Безязыкова и посадили со мною рядом по левую руку. За нами под навесами сидели послы Китая, Хивы, Бухары, Персии. Приказано было ввести наш отряд и внести с подарками запертый ящик. Казаков по обыкновению кокандскому посадили также на ковры поотдаль нас, а 8 человек чиновников коканских, взяв четыре опояски и подпернув оные под ящик, подняли оный и понесли в комнаты владетеля, показывая пред азиатскими послами вид о чрезвычайной его тяжести. Так как ключ от ящика был у меня, то владетель выслал ко мне за оным.

Главный визирь Мирза Малля чрез несколько времени вынес из палат на голове помянутую грамоту с переводным письмом и, показывая оную верховному совету, который с почтением её рассматривал; потом он обратно понес её в палаты. Владетель, в изъявлении особого удовольствия, сделал для нас, для азиатских послов, и для чиновников своих торжественный обед, состоящий из сарачинского пшена (рис), окрашенного розовою краскою (краска не добавлялась к плову, этот цвет зависит от технологии приготовления), с лошадиным мясом; но мы не ели оно, отзываясь запрещением нашей религии»¹.

Как известно, в 1830 г. в Коканде был хорунжий Потанин. По его словам, «двухэтажный дворец хана стоял в центре города и окружен высокою глиняною стеною и постройками из кирпича и глины. С обеих сторон стены были выштукатурены алебастром».²

Очевидно, об этом же дворце писал А.П. Хорошхин, который был в Коканде в 1867 г. Так как новый дворец Худаярхана еще не был достроен, там шли строительные работы. Поэтому описания А.П. Хорошхина представляют большой научный интерес, тем более старый дворец, описываемый им, не сохранился. Никто до него из русских авторов с такими подробностями, как он, не описывал ханский арк. Описание арка относится к 27 декабря 1867 г. «Арк, по вышине своих стен, издали похож на огромное медресе, потому что сложен из жженого кирпича; на самом же деле это огромный двор, в образе с краями весьма значительного возвышения, отчего в арк поднимаются обыкновенно по широкой отлогой, каменной лестнице... По левую сторону лестницы, под навесом, стоят орудия с их прислугой, в голубых мундирах, по правую сторону арка, на площади учились тысячи 3—4 сарбазов... На каждой ступени лестницы стояло, по ту и по другую сторону, по сарбазу, как мы сначала думали, но после оказалось, что

¹ Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии. М., 1968: С. 41—42.

² Туркестанский сборник. Т. 152. С. 281—182.

это были офицеры... На офицерах были мундиры, шитые на груди золотой и серебряной мишурой, некоторые ружья были со штыками своего кокандского приготовления.

Взобравшись на лестницу, мы вступили в крытые ворота. Там тоже стояли по обе стороны, недалеко один от другого, бородатые воины, частью в красных, частью в синих мундирах и, как и первые, с ружьями в руках... Миновав ворота, мы вступили во двор и мимо мечети вошли в длинный коридор, тут открылось новое зрелище: вдоль обеих стен коридора на лавках сидели, поджав под себя ноги, чалмоносцы с опущенными к земле глазами; концы кривых сабель, торча между сидевшими, как бы нарочно были выровнены в линию... Мы пошли по коридору под прямым углом направо, по-прежнему мимо рядов сидящих чалмоносцев, и, наконец, вышли на широкий двор, обстроенный высокими зданиями с окнами. Нас подвели к небольшому крыльцу, кругом которого видно было множество туфель. Мы вступили в переднюю комнату, очень обыкновенную, затем вошли в другую комнату с красным сукном. На стене налево постукивали трое русских часов с белыми циферблатами, расписанными розами... Вдоль левой же стены сидели на коленях ханские министры... Он (Худаярхан) сидел на полу, на небольшом коврике, поджав под себя ноги; на нем был полушелковый халат из материи зеленого цвета, называемой бикасаб; борты халата были оторочены белой тесьмой. На голове хана была огромная кисейная чалма, а в руках – четки. Хан недурен собою, полон и свеж. Он смотрел ласково, приветливо улыбался и прикладывал то ту, то другую руку к груди, в знак выражения благодарности».¹

По имеющимся сведениям, в 1865 г. Мулла Иса-Авлие приказал построить арк и другие строения в разрушающемся Урде и высыхающем саду покойного Мухаммад Али-хана.²

Но есть и другие сведения. Согласно архивным данным за

¹ Хорошхин А.П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876. С. 59–60.

² «Ансаб ас-салатин ва таварих-и ал-хавакин». ИВ АН РУз, рукопись, инв. № 3753. л. 52.

1864 г., «старинный дворец хана, находившийся в центре Коканда, по распоряжению Али-Кула уничтожен и взамен его построен и укреплен другой за чертою города. Это сделано с тою целью, чтобы не подвергнуться внезапному нападению со стороны городского населения, мало сочувствующего новому хану».¹

Как видно из предыдущих сведений, что старый дворец не был разрушен. Очевидно, Мулла Али-Кул приказал построить новый дворец, но до завершения строительства остался и старый. Однако в 1865 г. Мулла Али-Кул погиб при защите Ташкента. Начатое им строительство было завершено Худаяр-ханом.

Урда Худаяр-хана. Одним из ценнейших исторических архитектурных памятников среднеазиатских архитектурно-дворцовых сооружений XIX века является Урда Худаяр-хана. На строительстве которого работали несколько тысяч человек. Строительными работами руководили лучшие мастера, приглашенные из разных городов Кокандского ханства и Бухары. Например, Мир Убайдулла – главный мастер-архитектор; Усто Абдулла – мастер по облицовкам из Риштана; Усто Сали-Хаджа, Мулла Суяркул, Фазил-Хаджа из Бухары производили кладки стен и купола. Уста Суфи-Юлдаш – мастер резьбы по дереву, а Уста Фазил-Хаджа-мастер по росписи.

Первый входной портал с куполом был облицован позолоченными изразцами (в настоящее время не сохранился).

Фасад украшен десятью каллиграфическими надписями. Некоторые из них носят религиозную символику, другие раскрывают историю здания.

Содержание надписей на стенах Урды Худаяр-хана (Перевод с фарси на узбекский производили Г. Мелибаев и Аббасхан, на русский очевидно, М. Пащенко в 1981 г., который любезно предоставил нам фотокопию).

Фасад (справа налево): Правое крыло. На портале

1. О боже! Прости мне мои грехи.
2. Сохрани меня от беды и несчастья.

¹ЦГИА РУз, ф. И-715, оп. 1, ед. хр. 27, л. 32.

3. Во имя двух косичек Пророка.
4. Уничтожить непобедимого (сильного) врага.
5. В настоящее время кому принадлежит весь мир? Единому Всемогущему Богу!
6. 1870 г. Центральный замок Саида Мухаммада Худаяр-хана.
7. Мастер-орнаменталист искусней Бехзада.

Левое крыло

1. Поэтому уложил изразцы на поверхность стены.
2. Если спросишь об истории возникновения орнаментов, то сам я не скажу.
3. (Могу сказать об этом только) по повелению Саида (Худаяр-хана) Худаяра.

Входные ворота «Резьба по дереву»

1. Перед твоей красотой и изяществом даже ум мудреца бессилён.
2. Я создаю пристанище для хороших людей.

Во входном помещении

1. Осень наступит, а прошедшая весна не возвратится.
2. Не стоит в этом мире унывать.
3. Бог един, недостатки ему чужды, не рожал и еще не родился. Без товарища, не равный.

Он совершенно один.

4. 1870 г. Мухаммад Алим зеркальщик сын мастера Мухаммада Камала.

На террасе

Открывающий двери победы, открой и нам его. Скромный Турди Али.

В Урде Коканда, кроме традиционных сине-голубых цветов, характерных для классической архитектуры Самарканда, Бухары и Хивы, здесь использованы оттенки желтого, красного и зеленого цветов. Поэтому обращенный на Восток фасад Урды Худаяр-хана особенно красив при солнечном свете, отражающемся на блестящей половине изразцов и создающим богатую игру цветов.

Например, всемирно известный ученый-путешественник А. П. Федченко побывавший в 1871 г. Коканде, описывает

свое первое впечатление об этом дворце следующим образом: «Переехав через речку или большой арык, Улькун-сай, мы попали на огромную площадь, расстилающуюся перед крепостью. С нея и еще лучше с правого берега Улькун-сай открывается вид на дворец, в своем роде недурной. Здание дворца выстроено на возвышении и потому видно из-за крепостной стены. Виден собственно только передний фасад его с аркой по середине. Фасад весь выложен разноцветными изразцами, подражая рисункам, сохранившимся на древних памятниках Самарканда. На фронте надпись: «Построен Сеид-Магомет-Худаяр-ханом в 1287 г.» Дворец совсем новый и заложен на новом месте. Прежняя урду была совсем в другой части города. Постройка его во время моего посещения ещё не совсем была окончена. Изразцы для облицовки главной стены приготовлялись в Кокане; надо сознаться, однако, что они много уступают древним самаркандским по чистоте и тону красок.

Напротив от главных ворот находится небольшая, невзрачная на вид мечеть, а налево под навесом стоит под чехлами 40 пушек самой разнообразной величины и на лафетах»¹.

Интересно описывает А. П. Федченко и прием кокандским ханом в 1871 г.: «... Нас пригласили в довольно маленькие сени; здесь церемониймейстры подхватили меня под руки и ввели в комнату зарря, золотую, где находился хан. Он сидел на постланном на полу одеяле и шубе, подогнув ноги под себя. Видя двоих и притом одного в офицерском военном мундире, а другого в каком-то странном костюме (фраке), хан спросил, который из нас главный; затем пожелал иметь письмо, которое и получил чрез мехтера. Когда на вопрос, от кого это письмо, переводчик ответил, что от генерал-губернатора, хан спросил о его здоровье, переводчик и на этот вопрос ответил от себя. Но хан, вероятно в силу соблюдения дипломатических обычаев, остановил его и попросил перевести вопрос мне. Затем он начал читать письмо (как известно к русскому оригиналу всегда прилагается перевод) и, видимо, про-

¹ Федченко А. П. Тетрадь первая. С. 45.

чел его все; так как это продолжалось долго, то я оглядел комнату и присутствующих. ... На полу у стены сидели трое знатных кокандцев в бархатных мундирах с бляхами, держа на коленях сабли в довольно дорогой отделке; это были: Абду-Назар пансат-баши-бий, Халикуль-бий и Сарымсак-судур. Сам хан показался мне весьма свежим, полным мужчиной средних лет; на вид ему нельзя дать больше 40 лет. Одет он был в шелковый халат, на голове белая чалма.

Кончив чтение письма, хан сказал «якши» – хорошо – и поклонился. Прием кончился. Затем нас пригласили в комнату, где подали дастархан: там мехтер прочел письмо, переданное ему ханом. Поднесли халаты. На меня надели парчовый рисунок, употребляемого у нас для священнических облачений.

В арке под воротами оказался маленький птичник, вероятно, играющий роль зоологического сада: в клетках сидели белые голуби, щеглы, скворцы, горные куропатки (*Perdix chukar*) и сизоголовые овсянки¹.

Об урде Худаяр-хана имеется ряд публикаций, как специалистов профессионалов-архитекторов и не профессионалов, т.е. любителей и знатоков архитектуры, а также имеются описания урды, однако автор не указан. Поэтому, не посягая на авторские права, решили целиком привести эти небольшие по объему материалы и записки. Так будет, наверное, справедливо.

«К числу наиболее значительных архитектурных памятников принадлежит одно из немногих среднеазиатских архитектурно-дворцовых сооружений XIX в. – Урда последнего кокандского правителя – Худаяр-хана.

Строительство дворца велось с 1863 по 1870 г., а оформление фасада изразцовыми облицовками закончилось в 1873 г. На строительстве дворца работали несколько тысяч человек из разных городов Ферганской долины. Все строительные работы выполнялись вручную. Строительными работами руководили 80 мастеров, привезенных из разных горо-

¹ Федченко А.П. Тетрадь первая. С. 45–46.

дов Кокандского ханства. Планировщиком и архитектором дворца был Уста Мир Убайдулла.

В архитектуре дворца использованы традиционные формы среднеазиатского зодчества. В центре главного фасада выделяется огромный портал – характерная особенность монументальной архитектуры Узбекистана. Портал включает арку стрельчатой формы, которая в свою очередь прорезана аркой входной двери. К portalу примыкают 3 декоративные башни «Гулдаста», которые имеют круглую форму. Это работа мастера Исавая Магзума. Южная декоративная шестигранная башня – работа бухарского мастера Мулла Азамата. Эти башни являются декоративными украшениями дворца.

Гораздо больше дворец говорит зрителям своим декором, который включает разнообразные отрасли народного искусства. Основным средством украшения как фасада, так и внутренних помещений дворца являются изразцовые облицовки, где использованы мозаика и майолика. Преобладает мозаика – узор, состоящий из поливных глазурованных кирпичиков различных по цвету и форме: продолговатых, квадратных, ромбовидных, в виде пятиконечных и восьмиконечных звезд. В оформлении отдельных панно фасада применяется майолика – глазурованные плитки с нанесенным на них рисунком. Соединением этих керамических элементов мастера создавали разнообразные узоры. Это придавало зданию орнаментальное богатство и цветовую насыщенность.

При внимательном рассмотрении фасада можно заметить, что узоры внутри ниш не повторяются. В то же время узор каймы, оформляющей эти ниши сверху и с боков, для каждой стороны одинаков. Это создает единство впечатления, вносит в оформление фасада организованность.

Оформление здания изразцовым декором не было случайностью. Недалеко от Коканда находится древний керамический центр Ферганской долины – селение Риштан, издавна славившееся своими изделиями. При строившемся дворце была организована мастерская, в которой народные керамисты формировали из риштанской глины строительную керамику и тут же обжигали ее. Главный мастер облицовки Уста Абдулла

ярко раскрыл в изразцах местные художественные вкусы. Они сказались как в некоторой размельченности узора, так и в характерной для Риштана красочной гамме.

Кроме традиционных сине-голубых цветов, характерных для классической архитектуры Самарканда, Бухары и Хивы, здесь использованы оттенки желтого, красного и зеленого цветов.

Обращенный на Восток фасад особенно красив при солнечном свете, отражающемся на блестящей поливе изразцов и создавшим богатую игру цветов»¹.

Дворец Худаяр-хана подробно описали Я. К. Абрамов и С. М. Круковская. Приведем их описание с некоторым сокращением: «В оформлении дворца большое место занимает искусство резьбы по дереву. Посетитель встречается с этим видом кокандского народного искусства, подходя к массивной двухстворчатой входной двери. Она из карагача. Время, солнце, ветер, мороз выкрошили части резьбы на ее шести филенках, подвергшихся реставрации.

Входная дверь приводит в купольное помещение дарвазакханы, где некогда размещалась стража и посетители ждали аудиенции хана. По своим конструктивным формам это одна из красивейших частей дворца. Высоко поднятый купол увенчан пропускающим свет шестигранным фонарем. В оформле-

¹ Эти сведения мы взяли из текущего архива кокандской городской архитектуры. Автор этого материала об архитектурных памятниках Коканда не установлен. Инвентарный номер тоже отсутствует. Очевидно, перепечатанный материал для служебного пользования или для других целей. Поэтому, чтобы не оказаться плагиатором, мы взяли эти сведения в кавычки и не претендуем на авторство. Такие примеры в данном разделе будут ещё приведены. Поэтому мы будем ссылаться: «Из материалов кокандской городской архитектуры». Сопоставленные нами материалы показали, что сведения о дворце Худаяр-хана полностью совпадают с текстом из путеводителя «Кокандский краеведческий музей», авторами которого являются А. К. Абрамов и С. М. Круковская. (С. 4–5.) Однако из-за отсутствия даты написания текста материалов городской архитектуры невозможно установить, кто каким материалом пользовался.

нии купола использованы еще один вид узбекского народного искусства – резьба и роспись по ганчу. Крупный резной растительный узор белого цвета рельефно выступает на темно-синем фоне свода и парусов.

... Из 113 комнат до нашего времени сохранились только 19. ... Художественное оформление их сохранилось...

Завернув из дарвазаханы направо, посетитель попадает в небольшие и скромно оформленные комнаты дворца, где некогда находились канцелярия хана, казначейство, комната военачальника и т.п..., посетитель дойдет до богато оформленной угловой комнаты, предназначенной для первого министра и командующего войсками Атабек-наиба. Двери в стрельчатой нише со сталактитовой аркой и расписные панно придают помещению парадный вид. Среди последних – три панно с букетами цветов в вазоне-рисунком, характерным для росписей XIX века. В комнате находится единственный во всем дворце, построенный Уста Мамасадыком, камин, также покрытый резными ганчевыми панно. Низкие окна этого помещения ранее были закрыты деревянными решётками-панджарой. Одно окно обращено не на фасад, а на северную сторону, где размещались ханские войска.

... Расписные деревянные потолки остальных комнат... отличаются разнообразием форм и размеров, богатством композиционных приемов, неистощимостью орнаментальной фантазии. Мастер часто покрывал узорами и остальные деревянные части помещений – оконные и дверные обрамления.

... Айван опоясывал парадный двор с трех сторон. До наших дней сохранились только восточная и южная стороны айвана с 14 деревянными колоннами. Колонны типично кокандские: они расписные, имеют ствол с грушеобразным основанием и сложную сталактитовую капитель.

Роспись украшает и потолок галереи, причем балки, поддерживающие перекрытие, украшены орнаментом, в то время как лежащие между ними доски (васса) окрашены однотонно. Стены в глубине айвана прорезаны неглубокими нишами, когда-то богато расписанными, однако, не все росписи сохранились до нашего времени.

... Тронный зал (саямхана) дворца. В стрельчатой, увенчанной сталактитовым куполом нише южной стены этого зала некогда стоял трон. В оформлении зала использованы все виды народного искусства, что придает ему торжественность. По низу стены покрыты изразцовыми облицовками с геометрическим узором, а в верхней части – десятью резными ганчевыми панно. Рельефный белый орнамент растительного характера эффективно выделяется на синем, красном и зеленом фонах. Прямоугольные панно обрамлены узкой каймой резного ганча – занджирой, которая придает композиции законченность. Особенно красив потолок тронного зала, его 14 хаузков (углублений) и балки украшены росписью по дереву, выполненной в сдержанной благородной гамме. Глубокое впечатление производит также искусно разработанный переход от стен к потолку, состоящий из пяти рядов стеной росписи и сталактитовых карнизов.

Рядом с тронным залом расположена небольшая, богато украшенная комната, которая благодаря низкому потолку и единственному окну производит впечатление интимной обстановки.

... На южной стороне айвана... две не менее красивые комнаты, одна из которых известна под названием малого приемного зала. Особенностью его оформления являются украшенные сталактитами три стеновые ниши и низко расположенное окно, выходящее в сад с вековыми деревьями.

Огромное пространство дворцовой территории было застроено многочисленными постройками с двориками и переходами...».¹

Дворец Худаяр-хана описал и профессионал-архитектор И. Азимов в брошюре «Архитектурные памятники Ферганской долины» (Ташкент, 1982). Приведем для примера отрывок из этой книги. «Одна из главных достопримечательностей города Урда – дворец Худаяр-хана, построенный во второй половине XIX в. Строительство велось на искусственном возвы-

¹Абрамов Я. К. и Круковская С. М. Кокандский краеведческий музей. Путеводитель. Ташкент, 1969. С. 3–9.

шении. Дворец, занимающий прямоугольный участок площадью около 4 га, представляет многодворовую композицию. К главному входу, выделенному порталом, обращенным на восток, ведет широкий пандус. Над входом (дарвазахана) на портале – крупная надпись арабскими буквами «Аркчи олий Саид Мухаммад Худаяр-хан» («Высокие палаты Саид Мухаммад Худаяр-хана»).

На генеральных планах кокандской Урды, выполненных в 1876 г. капитаном Н. Н. Воронцом и позже топографом А. И. Борисовским, видно, что перед дворцом существовала замкнутая площадь с укрепленными воротами на главной оси, его окружали сады и казармы, а вся территория была обнесена стеной.

Сложный план дворца, содержавшего более ста помещений, вписывался в прямоугольник (65 x 138 м). Функционально выделялись парадная и жилая зоны. В первый половине дворца находились парадный двор с айваном по периметру, зал для приемов (кўринишхона), казначейства (зарринхона) и мечеть с отдельным двориком. В центральной части были построены малый зал для приемов (саламхана), группа жилых помещений для хана (шахнишин) и хозяйственный двор со складами. Вторую половину дворца занимал гарем с тремя сообщающимися меж собой дворами, где жили 3–4 законные жены хана и 40 наложниц с прислугой. Судя по иллюстрациям книги «От Парижа до Самарканда» Мари Бурдон, посетившей в 1878 г. Коканд, помещения гарема были двухъярусными с летними террасами, павильонами и переходами в верхнем уровне.

Дворец возвели местные мастера Абдулла Суяркул, Уста Салихаджа и бухарец Уста Фазилхаджа под руководством Уста Мир Убайдуллы. Основным строительным материалом служил жженный кирпич.

В архитектурном оформлении фасадов и интерьеров здания отразились расчётливость и скардность Худаяр-хана. Богато украсив фасад, дарвазахану и парадные залы, он не позаботился об отделке остальных помещений. В центре восточного фасада возведен портал, фланкированный башня-

ми с декоративными фонарями, который подчёркивает парадный вход. В стрельчатое углубление встроены деревянные резные ворота, реставрированные Уста Кадыржаном Хайдаровым. Боковые крылья фасада расчленены на стрельчатые неглубокие ниши в прямоугольных обрамлениях, кажущаяся, на первый взгляд, симметрия нарушается числом стрельчатых пролетов, рисунком декоративной облицовки и формой крайних башен (юго-восточная – шестигранная, остальные – цилиндрические). Стены венчал ряд фигурных зубцов (кунгра). На остальных фасадах кирпичная кладка была обнажена и лишена какой-либо отделки.

Навес над айваном поддерживается рядом стройных фигурных деревянных колонн со сталактитовыми капителями (мукарнас) и шаровидными основаниями (кузаги).

Интерьеры парадных залов украшены майоликовой и мазаической отделкой в сочетании с резным по ганчу орнаментом. Потолки расписаны, а в центре сделаны сталактитовые углубления (хаузак). По периметру залов выполнен лепной из ганча сталактитовый фриз. В отопляемых каминами помещениях полы выставлены арчовым паркетом, айваны выложены мраморными плитами. На стенах айванов сделана стрельчатая аркада, отделанная орнаментами.

Кокандский дворец при традиционном объемно-планировочном решении выделяется пестротой и яркостью декора. В отделке интерьеров отразились типичные художественные приемы ферганского зодчества (уместно употребить выражение «кокандского зодчества») и мастерство выполнивших эту отделку местных специалистов – Уста Абдуллы, Марасуллы, Масалиха, Хаким-бая и Суфи Юлдаша.

Ныне от комплекса сохранилась только восточная парадная часть дворца с входной группой помещений, которую после реставрации занимает краеведческий музей»¹.

Приемная хана в 1871 г. представляла смесь азиатской пестроты с европейским комфортом, но преобладающий эле-

¹ Азимов И. Архитектурные памятники Ферганской долины. 1982. С. 21–24.

мент в ней – европейский, азиатского оставалось очень немного: пестро раскрашенный потолок и ниша в передней стене, мягкоусланная коврами, одеялами и подушками.

На стене висело большое зеркало, а перед ним – круглый столик, на котором стоял канделябр с зажженными стеариновыми свечами. Направо и налево от двери висели еще два небольших зеркала, кругом стен были расставлены буковые гнутые стулья, а на столиках, в разных местах, горели лампы.¹

А. Кун в 1875 г. был в Коканде. По его словам, внутренняя отделка ханских комнат отличалась роскошным убранством в восточном вкусе, хотя в одной части дворца, переделанной незадолго до занятия царскими войсками Коканда, было несколько комнат с европейскою обстановкою: они были убраны, очевидно, вывезенными из Петербурга или Москвы...

Стены зала отделаны лепными арабесками, а простенки между решетчатыми в них дверями изукрашены местными художниками пестрыми рисунками, вроде деревьев с золотыми яблоками, букетов роз и др.²

По имеющим сведениям, в стенах некоторых комнат были проделаны окна со вставленными в них деревянными решетками или просто заклеены масляной бумагой. Но в некоторых были рамы с белыми либо преимущественно с цветными стеклами.³

Небольшой пример из дворцовой жизни. 29 января 1871 г. ханзаде Насреддинбек рассказал И. И. Ибрагимову: «У нас в Кокане прежде нигде не было в домах печей и я первый ее поставил у себя в доме. Когда пришел отец (т.е. Худаяр-хан) ко мне в дом и увидел у меня печь, то, покачав головою, сказал: «Как это тебе не стыдно, ведь ты не старик, чтобы греться у печки», и впоследствии долго подтрунивал надо мною,

¹ Ибрагимов И. И. Пять дней в Коканде//Туркестанские ведомости. 1871. № 45//Туркестанский сборник. Составитель Дмитровский. Ф. 2. С. 323.

² Кун А. Некоторые сведения о Ферганской долине//Военный сборник. 1876. С. 428.

³ В.З. Артиллерия в Кокандском походе//Артиллерийский журнал. 1877. № 39. С. 791//Туркестанский сборник. Т. 192. С. 413.

называя меня стариком. Потом же, вероятно, он понял всю пользу, которую приносят печи, и поставил их у себя во всех комнатах; даже отнял у меня и ту, которую я устроил для себя».¹

МЕДРЕСЕ КОКАНДА

В Коканде в XIX в. было множество медресе, которые считались высшими учебными заведениями. Они также являлись историческими уникальными памятниками архитектуры. Многие из них, даже их названия, на сегодняшний день не сохранились. А из сохранившихся имеются лишь отдельные отрывки, краткие описания и чаще всего просто упоминаются их названия. Поэтому мы опишем, по мере возможности, все доступные материалы и сведения и надеемся, что они послужат основанием для более детального изучения их, а также дальнейшего поиска новых материалов, так как в Коканде, как писали очевидцы, было около 40 медресе.

Медресе Нарбута-бия. Построено в 1799 г. В сооружении медресе, наряду с кокандскими мастерами, принимал участие мастер из Бухары Мухаммад Салих Уста Касым.

Характерной чертой кокандских мастеров является монументальность. Высокие пештоки (фасады) сооружений и величественные входные арки, капитальные купольные перекрытия как бы свидетельствовали о незыблемости феодального строя и его главной опоры – религии. Несмотря на однаэтажность, здание медресе Нарбута-бия отличается монументальностью решения – высоким пештоком. Суровости впечатления содействует также глухая, выложенная кирпичом стена фасада. Отсутствие изразцовых облицовок присуще большинству медресе Коканда, лишь в немногих из них применялся этот вид декоративного убранства. В организации внутреннего пространства представляет замкнутое сооружение, вокруг внутреннего двора которого по периметру расположены худ-

¹ СПб. отделение ИВ АН России, ф. 33, оп. 1; ед. хр. 224, л. 25 об–26.

жры.¹

Согласно описанию специалиста-архитектора И. Азимова, «это одноэтажное здание симметричной дворовой композиции в плане представляет прямоугольник (52 x 72 м) с цилиндрическими башнями на углах. Квадратный двор (38 x 38 м) со скошенными углами обстроен сводчатыми жилыми камерами-худжрами. Главный въезд, выделенный порталом, ориентирован на север. По сторонам от него построены мечеть с куполом на пересекающихся арках и цилиндрическом барабане, прорезанном двенадцатью стрельчатыми окнами и дарсхана (учебный класс).

В здании, построенном из жженого кирпича, почти нет декоративного убранства. Кирпичная кладка фасадов обнажена, интерьеры светят белизной ганчевой штукатурки. Зал мечети со сталактитовым, подкупольным карнизом и звездчатым заполнением михраба выглядит несколько наряднее дарсханы. Парадные двери украшает несложный геометрический рисунок, внутреннее пространство которого заполнено неглубоким резным растительным орнамент.

Форма портала и объемно-планировочное решение медресе напоминают аналогичные памятники Бухары (медресе Кукалдаш, Абдулазиз-хан, Мири-Араб).²

Резко выделялось по громадности постройки **медресе Мадали-хана** (Мухаммад Али-хана), представлявшее высокое двухэтажное здание квадратной формы из жженого кирпича с башнями по углам. В этом медресе, подобного которому не было ни в Ташкенте, ни в других городах, обучалось около 1000 мулл.³ Медресе Мадалихана разрушено в советский период.

Согласно сообщению автора «Тарих-и Туркестан», в 1861–1862 гг. в Коканде было построено «**Медресе Хазрат-и ка-**

¹ Кокандская городская архитектура. Справочный материал, инв. № отсутствует.

² Азимов И. «Архитектурные памятники...». С. 31–32.

³ Кокандское ханство по новейшим известиям//Туркестанский сборник. Т. 23. С. 33.

лон-сохиб», к которому были сделаны пристройки ханака¹ (кельи).

В этой книге сообщается также, что Мусульманкул приказал построить на месте старого арка в честь Худаяр-хана «**Мадраса-и Олий**», строительство которого длилось два года и завершилось в 1852 г.»².

Это подтверждает и Исхакхан Тура «Ибрат», автор рукописи «Тарих-и Фарғона»³. По свидетельству автора рукописи «Джахан-нама», дворец Абду-Карима находился на месте... медресе Али» (Олий).

Согласно завещанию матери Худаяр-хан приказал построить в честь нее «**Мадраса-и Хоким-ойим**» на восточной стороне мечети Джамии. Руководил строительством Мулла Тураоглы. Строительство завершилось в 1869/1870 г.

А на следующий год по указу Худаяр-хана был выведен арык из Сырдарьи в сторону Шахрихана и доход передан в вақф в пользу «Мадраса-и Хоким-ойим»⁴.

Медресе Камал-казы. Медресе было построено в 1820 г. Часть фасада медресе покрыта цветными керамическими плитками. Следует отметить, что самые высококачественные керамические облицовки в Коканде относятся, как это ни парадоксально, к работам последних поколений. Превосходны поливные плитки фасада медресе Камал-казы. Его строили местные мастера под руководством Уста Умар-хана. Керамические плитки для фасадной части изготовил в 1913 г. во время реставрации мастер-керамист Мухаммад Садык-казы. Особенно хороши желтые и синие плоские кошины (керамические плитки ровного тона, точной формовки), грубее по тону красно-коричневые и марганцовые. С большим мастерством выполнены резные тимпаны: они собраны очень уверенно и со вкусом.

¹ Тарих-и Туркестон. Ташкент, 1915. С. 102.

² Тарих-и Туркестон. Ташкент, 1915. С. 102.

³ «Тарих-и Фарғона». ИВ АН РУз, рукопись, инв. № 10117, л. 49 б.

⁴ «Ансаб ас-салатин ва таварих-и ал-хавакин» ИВ АН РУз, рукопись, инв. № 3753, л. 155.

Купол медресе построен в форме среднеазиатской тубетейки. Он покрыт квадратными листьями меди мастерами братьями Садыкханом и Хаджиматом. В последнее время здание медресе Камал-казы реставрировано.¹

Как архитектурный памятник, «Медресе Камал-казы» охарактеризовал И. Азимов следующим образом: «Медресе Камал-казы» – мусульманское высшее учебное заведение, включающее учебное помещение (дарсхану), небольшие камеры (худжры) и мечеть айван. В целом они составляют дворовую асимметричную композицию. Особого внимания заслуживает входная часть (дарвазахана), выделенная декоративно отдельным порталом с цилиндрическими башнями на углах и возвышающимися купольными фонарями. Как и во дворце Худаяр-хана, здесь богато отделана только входная часть. Портал сплошь покрыт мозаичным изразцовым орнаментом, где геометрический рисунок сочетается с арабскими надписями. За порталом возведен двурусный объём, верхняя часть которого, перекрытая четырёхгранным куполом, служила учебным помещением. Балкон дарсханы, выходящий на главный фасад, является своеобразным козырьком над входом в квадратный двор (20 x 20 м), обстроенный худжрами и мечетью. Последняя представляет собой четырёхколонный, раскрытый на восток айван с балочным перекрытием. Интерьеры отделаны ганчем, а наружные стены выложены из жжёных кирпичей, и, как и во многих других общественных зданиях, оставлены без штукатурки.

В архитектуре медресе Камал-казы отражены народные традиции кокандских мастеров».²

В районе каменного моста были еще два больших медресе, построенные на левом берегу Коканд-сая: «**Медресе Мадалихана** и «**Медресе Хаккули мингбаши**». Первое из них было основано в 1828 г. Мухаммад Али-ханом, второе построено

¹ Кокандская городская архитектура. Справочный материал, инв. № отсутствует.

² Азимов И. Архитектурные памятники... С. 26–27.

Хаккули Мингбаши Джахангирбеком, сыном дадхи в 1825 г. К сожалению, эти здания не сохранились до наших дней. На их месте построено общежитие нефтяного техникума и здание пожарной охраны.¹

Недалеко от них также было медресе «Тункатар», ныне разрушенное.

«Медресе Миён-Хазрат» построено в конце XVIII в. в южной части Коканда. Миён Ахат был родом из Пешавара (Пакистан), откуда он с семьёй переехал в Коканд. Вскоре Ахат, прославившись своими познаниями в теологии и заслужив авторитет у местного населения, стал советником при хане. Получив наследство из Пакистана, он на свои средства возвел медресе, сохранившееся до наших дней.

В плане это сложный трёхдворовый комплекс: два двора расположены по оси восток-запад, третий примыкает к ним с юга. Главный вход в медресе – с западной стороны южного двора – выделен портално-купольной дарвазаханой с деревянными воротами, отделанными резным орнаментом местным мастером Искандером Хаджой. Со всех сторон к медресе плотно примыкает жилая застройка. По периметру южного двора (32–26 м) построены жилые комнаты, только в южной части возведена многоколонная квадратная в плане мечеть с плоским балочным перекрытием. Здесь же, в юго-восточном углу, сохранился небольшой минарет.

Остальные дворы – восточный (35 x 20 м) и западный (23 x 11 м) также окружают худжры. В восточной части медресе был возведен айван (ныне утрачен), а в западной части построена учебная комната. Здесь можно наблюдать различные конструктивные виды перекрытий: своды, купола и плоские балочные. Фасады с обнаженной кладкой из жженого кирпича оформлены ритмичным рядом стрельчатых неглубоких ниш. Интерьеры оштукатурены ганчем.

Разделение комплекса на систему дворов, возможно, вызвано группировкой преподаваемых здесь наук, где, помимо теологии, изучали литературу, математику, астрономию, ис-

¹ Азимов И. «Архитектурные памятники...». С. 27.

торию и т.д.¹ В этом медресе учился выдающийся кокандец – Мухаммад Амин Хаджа – поэт Мукими.

Известно также, что по указанию Надиры в г. Коканде были построены два медресе: одно («**Мохлар-айим**») в кузнечном ряду, а другое («**Чалпак**») – у большого кладбища.

Вообще в Коканде, как уже отмечалось, было около 40 медресе: «**Мир**» (основано Нарбута-бием в 1799 г.), «**Мир-Бутабек**» (основано Мир-Бутабеком, сыном Ирдана-бека), «**Хаким-Тюра**» (основано Хаким-Тюра в 1795 г.), «**Хан-Хаджа Ишан**» (основано Хан-Хаджа Ишаном, сыном Юсуф-Хаджи Ишана в 1789 г.), «**Бузрук-Хаджа**» (основано Бузрук-Хаджа Ишаном, сыном Хасан Хаджа Ишана в 1801 г.), «**Пир-Мухаммад-Ясаул**» (основано Пир Мухаммад Ясаулом в 1802 г.), «**Хаджабек**» (основано Хаджа-беком, сыном Абдурахман-бека в конце XVIII в.), «**Ахунд-Диванбеги**» (основано Мулла Мухаммад-Ахундом в 1805 г.), «**Минг Ойим**» (основано Минг-Ойим женой Нарбута-бия, матерью Умар-хана, в 1802 г.), «**Джами**» (и также является соборной мечетью, основано Умар-ханом в 1817 г.), «**Мир-Бутабай**» (основано в 1827 г.), «**Хаджа-Дадхах**» (основано Бузрук-Хаджа Ишаном, сыном Ариф-Хаджи в 1822 г.), «**Мадалихан**» (основано Мухаммад Али-ханом в 1829 г.), «**Али**» («**Олий**»), основано Мусульманкулом в честь Худаяр-хана, завершено строительство в 1852 г.), «**Хоким-Ойим**» (основано в честь матери хана в 1869 г.), «**Султан Мурад-бек**» (основано Султан Мурад-беком, сыном Шерали-хана в 1872 г.) и другие: «**Разиккули-бек**», «**Махмуд-дастарханчи**», «**Аминхан-хиштин**», «**Мухаммад Юсуф Ахунд**», «**Хурджум**», «**Зимбардар**», «**Хан**», «**Афтаб-ойим**», «**Хазрати-и калан-сахиб**» и т.д.

МЕЧЕТИ КОКАНДА

В Коканде в XIX в. было множество мечетей. По свидетельству очевидцев, в каждой махалле была своя мечеть. По

¹ Азимов И. Архитектурные памятники... С. 27.

размеру, громадности и оформлению они были разными. Подавляющее большинство их были простой типичной махаллинской мечетью. Однако некоторые из них были громадны по размерам, высокохудожественно оформлены и поистине являются историческими архитектурными памятниками. К сожалению, таких сохранилось всего несколько.

Например, по словам знаменитого В. Л. Масальского побывавшего в Коканде, в городе было 248 мечетей, из них 18 соборных.¹

Мечеть Джамии. На мемориальной мраморной плите замурованной в стене мечети, написано, что мечеть Джамии является архитектурным памятником XVIII в. В Коканде бытует также легенда, что бревна для столбов мечети Джамии присланы будто бы знаменитой поэтессой Зебиниссой, жившей в Индии, которая является прямым потомком Бабура.

Дата на мемориальной плите и легенда ошибочны.

В действительности же Джамии было в первую очередь высшим учебным заведением, т.е. медресе, в котором построена великолепная соборная мечеть, сохранившаяся до наших дней. В Джамии имелось около 100 худжр, что говорит о большом количестве учащихся, поэтому мечеть и была большой.

Согласно старинным рукописным источникам и архивным материалам, Джамии заложено еще Алим-ханом. По словам Махмуд Хаким Яйфаний, после убийства Алим-хана кирпичи использовали для восстановления старой урды (Иски Урда). Потом по указу Умар-хана в 1817 г. заново началось строительство. Когда нужно было закладывать первый кирпич, Умар-хан обратился к собравшимся с вопросом: «Есть ли среди присутствующих человек, который в жизни не совершил ни одного греха?». Все молчали. Тогда он еще несколько раз повторил свой вопрос, так как именно такой человек должен заложить первый кирпич. Когда и в этот раз никто не отозвался, Умар-хан сказал, что он сам в жизни грешного еще не совершал и поэтому сам заложит первый кирпич.

¹ Масальский В. И. Туркестанский край. СПб., 1913. С. 700.

По словам автора книги «Тарих-и Фаргана», после этого Умар-хану было дано прозвище «Жаннат макон»¹, т.е. «бого-угодный», «достойный рая», «любимец бога».

Мечеть Джами построенная в 1818 г., являлась главной соборной мечетью Коканда. Сама мечеть представляла собой закрытый с трех сторон айван с ханакой. Свод айвана поддерживает 98 колонн, 10 из них находится внутри ханаки. Некоторые из колонн покрыты тонкой резьбой растительного характера. Многие колонны имеют сталактитовые капители. Характерная особенность мечети – внушительная протяженность фасада: длина около 100 метров. В центральной части фасада карниз приподнят, образуя так называемый кайван. Потолок мечети, в основном, сделан в стиле «васса джуфт». Но в некоторых местах потолок имеет хаузаки сталактитовые, балки потолка и углубления покрыты узорами геометрического и растительного характера. Роспись углублений и потолка центральной части айвана (перед ханакой) отличается своей оригинальностью и выполнена на материале, наклеенном на потолок.²

Рядом с мечетью Джами в 1852 г. построен минарет³ с гладкой кольцевой кладкой из жженого кирпича и шестиарочным фонарем, увенчанным граненым куполом. Доминируя над городом, он вносил свой вертикально-высотный акцент в окружающие его низкие и плоские жилые строения. Минарет, прежде всего, служил для призыва населения к молитве.

В 1857 г. по указанию Худаяр-хана самые лучшие мастера и художники реставрировали мечеть Джами.⁴ Для реставрации он приказал использовать двухлетний доход с вакфа.⁵ В 1905-1907 гг. мечеть реставрировал местный богач Мир Хабиб-бай. Он объявил, что намерен реставрировать забро-

¹ ИВ АН РУз, рукопись, инв. № 10117, с. 32.

² Текущий архив Кокандского городского отдела архитектуры. Справочный материал.

³ Махмуд Хаким Яйфаний. Хуллас ат-таварих. Коканд, 1914. С. 29-51.

⁴ Ансаб ас-салатин... С. 113.

⁵ Наливкин В. П. Краткая история Кокандского ханства. С. 185.

шенную мечеть Джами. Со всех сторон, городов и селений Ферганской долины собрались мастера разной квалификации. Из Армении были приглашены каменотесы. Среди опытных реставраторов были и молодые неопытные, плохо владеющие кистью мастера. Они полностью закрасили неустойчивыми красками ранее существовавший орнамент.

При советской власти медресе было разрушено, а мечеть закрыта, передний фасад заложен кирпичом и превращен в склад. Площадь перед мечетью превратили в базар.

В 1982 г. мечеть Джами была капитально реставрирована и восстановлена в прежнем виде. При этом был обнаружен первоначальный орнамент, восстановленный местными реставраторами. Но самой своевременной и серьезной работой при реставрации мечети была замена основания всех колонн. Мастера отпиливали сгнившую часть колонны и на её месте подкладывали обработанный местный камень.¹

В настоящее время во дворе мечети Джами построена новая чайхана «Гулдаста», выполненная по проекту кокандских архитекторов Р. А. Ахмедова и А. Ахмедова. Чайхана построена на основе национальных среднеазиатских традиций с применением традиционных резных колонн (кокандская резьба по дереву, работа народного мастера К. Хайдарова), переднего навеса с покатым фризом и нишами. Отличительной особенностью данного объекта является обилие росписи и наличие внутри арены для престарелых и почетных граждан города. Если осмотреть этот угол интерьера, то в глаза бросается ажурная сплошная резьба по ганчу с применением декоративных подсвечников под куполом.

Приведем описание специалиста-архитектора: «Симметричный план мечети, получивший развитие поперечной оси, состоит из зимнего помещения и просторного трехстороннего айвана, плоское перекрытие которого поддерживают 98 деревянных колонн.

Главный фасад здания, представляющий стройную колон-

¹ Текущий архив Кокандского городского отдела архитектуры. Справочный материал.

наду со ступенчатым, декоративно отделанным карнизом, обращен к востоку. Мечеть поражает огромными размерами (97,5 x 25, 5 м) и многообразием декора.

В контраст аскетичным фасадам, где кладка из жженого кирпича оставлена без отделки, главный фасад и интерьеры содержат богатый декор. Плафоны и балки потолка покрыты различными узорами растительного и геометрического характера. Линии пересечения стен и перекрытия смягчены сталактитовым фризом. Стены отделаны ганчем с последующим членением их на прямоугольные панно со стрельчатыми углублениями. В нижней части стен панель украшена орнаментами в технике «часпак». Этот вид декора следует чисто народным традициям и представляет собой ганчевую мозаику. Он несложен по технике и весьма эффективен. Отдельные рисунки вырезаются в алебастровом слое и заполняются раствором другого тона при сохранении гладкой поверхности стены. Эта техника широко применялась не только при отделке интерьеров в архитектуре Ферганы, но и в других областях Средней Азии.

Фигурные колонны мечети имеют сталактитовые завершения и мраморные базы, гармонично сочетающиеся с выстилкой пола из такого же материала.

Рядом возвышается минарет. Он имеет форму усеченного конуса с шестигранным купольным фонарем сверху. Внутри ствола устроена винтовая лестница. Строгий монументальный объем минарета высотой более 22 м совершенно лишен декора.

Комплекс Джамии, будучи типичным культовым сооружением ферганского зодчества, с ценными монументально-декоративными элементами, находится под государственной охраной»¹.

22 февраля 1871 г. Мирза Хаким пригласил И.И. Ибрагимова посмотреть строящуюся на средства Худаяр-хана новую мечеть в Коканде. Двор этой мечети был большим с рощей тополей и карагача. Сама мечеть очень большая, с входной

¹ Азимов И. Архитектурные памятники. С. 24–26.

стороны во всю длину сделаны решетка и несколько дверей для входа. Длина мечети – 200 шагов, ширина – 34. В середине то же здание, в нескольких местах двери, которые еще делались. Строители сказали, что двери будут стеклянными. Потолок разукрашен на аратика. Колонн оказалось 204 из толстых карагачей и тополей толщиной более 4 аршин.¹

КОКАНДСКИЕ УСЫПАЛЬНИЦЫ

Для керамических облицовок кокандских мастеров первой половины XIX в. особенно характерна усыпальница «**Дахма-и Шахан**», построенная в начале XIX в., по приказу Надиры – знаменитой поэтессы, жена бывшего кокандского хана Умархана и матери Мухаммад Али-хана. Рядом с усыпальницей построено медресе Чалпак. Вокруг усыпальницы по указанию Надиры были разбиты цветники и фруктовый сад. Усыпальница «Дахма-и Шахан» состоит из трех основных частей: Подобразного портала; с купольным помещением, мечети-айвана с двумя колоннами и фамильным кладбищем.

Строгие формы усыпальницы и ее приземистый купол придают ей суровый вид. В качестве художественного средства использована красочная изразцовая облицовка. Широкою образную раму портала охватывает лента из маликовых плит с парными изображениями темно-синей фигурой стручка перца на голубом фоне. В среднем – внизу – восьмиконечные звезды, выложенные стежками из синих, зеленых и белых клопичеков, а сверху зубчатыми полосами – желтыми, красными, черными, зелеными, на манер свисающего паласа. В тимпанах – шестиугольные и ромбовидные плитки красного, розового, зеленого, синего, белого цветов. Такая же яркая нарядная пестрота и в оформлении основания купола, поясом из плиток двух родов: ромбических и в треть шестиконечной звезды, что удобно для выкладки мозаичного несложного узора рисунка.

Красоту декора дополняют две резные двери, одна – в пор-

¹ Ибрагимов И.И. Пять дней..., л. 192–193 //См.: также СПб. О ИВ АН, ф. 33, оп. 1, ед. хр. 224, л. 193.

тале, вторая – при входе в мечеть. Обе двухстворчатые, сделаны из цельных кусков чинары. Они покрыты резьбой растительного характера, по своей художественной обработке, пожалуй, не уступают некоторым самаркандским и хивинским.

Вторые двери, ведущие в мечеть, сделаны маргиланским мастером Мухаммад Иса. Потолок мечети был покрыт росписью мастером Мухаммад Кузы. Разделенный на четыре квадрата потолок поддерживают две колонны, стены покрыты росписью и резьбой по ганчу.¹

Усыпальница «Дахмаи Шахан» была полностью реставрирована в 1971 г. Во время работы мастера старались сохранить стиль и характер первоначальной росписи.

Художественную ценность представляют каменные надгробные плиты, покрытые резьбой, тонкими орнаментами и арабской вязью.

Рядом с «Дахмаи Шахан» есть усыпальница «**Модарихан**».

Об этих архитектурных памятниках И. Азимов сообщает следующее: «Некрополи Дахмаи Шахан и Модарихан – обе постройки XIX в. – содержат характерные черты ферганской мемориальной архитектуры. Уместно отметить, что на основе древнего и в общем – то не соблюдавшегося предписания ислама, где осуждается возведение над захоронениями какого-либо сооружения из камня и кирпича и мусульманам запрещается молиться прямо над могилой, в ферганской долине получили развитие сложные архитектурно-пространственные мемориальные комплексы, именуемые «Хазира». Ядром такого комплекса является почитаемое захоронение, которое выделяется оградой, а рядом возводится поминальная мечеть – зияратхана. Хазира является одним из тех примеров в истории средневекового зодчества, в котором отражено влияние ислама на формы архитектуры.

Хазира Дахмаи Шахан (надгробия шахов) представляет фамильную усыпальницу кокандских ханов. Ее архитектурно-

¹ Текущий архив Кокандского городского отдела архитектуры. Справочный материал.

пространственная композиция состоит из парадного портално-купольного входа (9,4 x 11,7 м), ведущего во двор с захоронениями, двухколонной мечети-айвана. Двухплановый резной растительный орнамент, покрывающий двери, росписи интерьеров и плафонов мечети составляют декоративное убранство комплекса. Портал украшают мозаичные узоры геометрического рисунка, выполненные из глазурованных изразцов, где преобладают голубой и синий цвета. Весьма оригинальна верхняя часть «П»-образного мозаичного обрамления портала, которая по рисунку очень напоминает ферганские ткани для верхней одежды – бекасам.

В Хазира Модарихан (Мать хана) захоронены женщины – представительницы ханской династии. От комплекса сохранился только входной портално-купольный объем (7,5 x 8,7 м) с двумя гранеными башнями, возведенными на углах главного фасада. В отличие от предыдущего комплекса здесь более изящны пропорции и значительно изысканней декор портала, где мозаичный изразцовый геометрический рисунок сочетается с майоликовым нежным, тонким растительным орнаментом и ганчевым сталактитовым заполнением стрельчатой ниши. Справа на портале на одной из шестигранных плиточек зодчий под глазурью оставил дату строительства 1241 г. хиджры (1825 г.). Оригинальна отделка купола в интерьере, который украшает спирально-ребристый ганчевый рисунок.

Композиционный прием и декоративное решение этих некрополей воплотили местные традиции позднего мемориального зодчества Ферганы.¹

Здесь же была захоронена в 1842 г. поэтесса Надира. Указом Президиума Верховного Совета Узбекистана от 25 мая 1967 г. прах Надиры был перенесен из усыпальницы Модарихон на новое место и воздвигнут памятник, который сооружен по проекту архитектора Р. Ахмедова. Памятник выполнен из белого мрамора (Газганское месторождение Самаркандской области) и бронзы в стиле изящной среднеазиатской арки.

¹ Азимов И. Архитектурные памятники. С. 28–31.

КОКАНДСКИЕ БАЗАРЫ, МОСТЫ, ДОМА И ДРУГИЕ СООРУЖЕНИЯ

А.П.Федченко откровенно восхищался кокандским базаром. «Из всех виденных мною в крае это положительно лучший по своему устройству, да кажется во всей Средней Азии»¹, – писал он.

Базар, который описывает А.П.Федченко, был построен на месте старого сгоревшего базара. На этом пожаре сгорело более 800 лавок, большая часть которых принадлежала хану, он восстановил его за свой счет. При этом Худаяр-хан отобрал все места, принадлежащие частным лицам. Главное достоинство кокандского базара состоит в том, что он был крытый.

В Средней Азии в XIX в. почти каждый базар или базарчик на лето крылся, но это делалось наскоро, кое-как, с помощью перекинутых на улицу жердей, на которые набрасывался камыш или плетенка. Крыша же на кокандском базаре была сделана из дерева, из хорошо пригнанных досок и поднята очень высоко, так что имелось довольно воздуха, только не хватало вентиляции, как заметил А.П.Федченко, хотя бы даже в форме нескольких окошек внутри, чтобы было совсем хорошо.²

А.П.Федченко и А.П.Хорошхин с восхвалением говорят о мостах в Коканде. Так, например, мост Махаммад-Али-хана, через Катта-сай каменный на арках с лавками по обе стороны, что делает большую честь его строителю Хаджа-датха.³

Еще имеется другой мост, то же с лавками Дегризлик. А. П. Федченко видел строительство третьего моста, «напоминавшего нечто вроде моста на жидких сваях. Мост этот длиною в 7 сажен служил основанием устраиваемой на нем

¹ Федченко А.П. В Кокандском ханстве. СПб.; М., 1875. Т. 1. Ч. 2// Туркестанский сборник. Т. 125. С.48.

² Федченко А.П. Там же. С. 48.

³ Хорошхин А. П. Сборник статей.... С. 41; Федченко А. П. В Кокандском ханстве. С. 49. Но он вместо Хаджа-Датха пишет Хаджи-Кушбегги.

стены, которая должна была сомкнуть подходившие к воде оврага концы городской стены»¹.

Город со своими садами и окрестностями снабжался водой из горной речки, протекающей по Улькан-саю (или Катта-саю), которая разводилась на множество арыков.²

Дома в Коканде были разнообразны и отличались по состоянию самих владельцев: чем тот был богаче, тем лучше были его дом и двор с садом. Но так как богатых людей было намного меньше основного населения города, то, естественно, больших домов с большими садами было немного, хотя, площадь, занимаемая ими, была внушительна.

Так, например, А. П. Хорошхин описал дом, где остановился 24 декабря 1867 г. посланник генерального штаба подполковник Шауфус и его свита.

Этот дом принадлежал Мирза-Хакому. А для конвоя посольства был отведен соседний дом бека Мирзы-Ахмада.

Мирза-Хаким был доверенным лицом Худаяр-хана в Ташкенте. Он по торговым делам несколько раз ездил в Россию и один раз был в Париже. Он также владел русским языком. Все это, несомненно отразилось на обстановке его хозяйства. К тому же он был одним из прогрессивных представителей кокандской знати, которые всячески старались держаться в дружеских связях с русскими. Мирза-Хаким вложил определенную лепту в деле добрососедских отношений Кокандского ханства с Россией. Потом в дальнейшем он стал русским агентом под кличкой Умидов.

А. П. Хорошхин так описывает дом Мирза-Хакима: «Во многих домах мусульманского Ташкента есть хорошо расписанные, в азиатском вкусе, комнаты, но все же я не видел ничего лучше в этом роде, как потолок и стены в трех комнатах, отведенных в Коканде под свиту нашего посланника. Цветы и арабески всевозможной окраски и форм бросаются в глаза отовсюду, куда вы не взглянете, но и в самой пестроте

¹ Федченко А. П. В Кокандском ханстве. С. 53.

² Кун А. Некоторые сведения о Ферганской долине//Туркестанский сборник. Т. 117. С. 159–160.

этой проглядывает настолько много оригинальности, что я нередко засматривался на потолок, и в особенности на картины, хотя мои глаза достаточно привыкли уже ко всем подобным узорам и цветам, каких не найдется ни в одном ботаническом атласе. Обыкновенно сакли даже у богатых людей строятся без окон. В доме Мирзы-Хакима – большие светлые окна, а на полу богатые ковры. Мебель, хотя и не замысловатая, была сделана к приезду посольства. Затем европейская посуда, лампы и всё, по возможности европейская обстановка, даже небольшая аптечка, завезенная Мирзой-Хакимом из России, – все это вызывало заслуженное уважение и удивление к вкусам и предприимчивости нашего кокандского амфириона»¹.

Во время пребывания в Коканде А. П. Федченко остановился в доме Османа-байбачи: «Дом Байбачи был устроен на широкую ногу: «большие крытые ворота вели в обширный двор, отделяющейся постройками от огромного сада. Ворота, согласно тамошним правилам, были устроены так, что вход на двор приходился не против входа, а сбоку, чтобы с улицы не было видно, что делается во дворе... Постройка у ворот, так называемая дарваза-хана – напоминающая что-то вроде прохладного сарая, была отведена для постоя сарбаз, учредивших здесь, как бы свою гауптвахту: увешали стены оружием и разместились сами на имевшихся завалинках. Ворота помещений, занятых беками и вообще важными лицами, всегда имеют такой вид и стражу... Двор с двух сторон имел навесы для лошадей, кроме того, посреди двора были набиты кольца для привязи лошадей. В стороне сада возвышалась постройка с кладовыми и жилой комнатой, остальные стороны были заняты галереями, яйван (айван), обмазанными алебастром с множеством ниш в стенах...

Сад был обширный, но, очевидно, молодой, так что давал мало тени... Несмотря на отсутствие пруда, в саду было несколько арыков, протекавших через него, были настолько глу-

¹ Хорошхин А.П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876. С. 54.

боки, что в них можно было купаться, хотя вязкий, илистый грунт был к тому значительной помехой. В саду росли только плодовые деревья и посеы дженушки...»¹.

И. И. Ибрагимов, также описывая дом кокандского купца Миралим-хаджи, отмечает «совершенно русскую обстановку. Буковые стулья, зеркала, гладкие превосходные портьеры – все это напоминало... гостиную какого-нибудь зажиточного русского семейства. На стенах не было и следов тех пестрых узоров и украшений, какие встречаются в домах богатых азиатцев. Все было просто, но очень мило и изящно».²

Как видно в Коканде – столице ханства, сравнительно по тем временам, была развита средневековая культура, где переплетались разные течения и направления, но отдельным прогрессивным путем развивалась и процветала поэзия и литература, искусство, народное зодчество, архитектура и т.д.

2 марта 1872 г. И.И.Ибрагимов посетил **летнюю резиденцию Худаяр-хана Афган-баг**. Этот сад расположен в 1½ версте от Коканда. Возле ворот сада была водяная мельница. Направо от ворот – большой навес для караульных. За воротами налево – дом с двумя окнами, к двери вели несколько ступеней. Потом располагался небольшой дворик, направо в том же домике были еще два окна. С правой стороны – комната, приемная хана с шестью русскими окнами. Сидя у этих окон, выходящих на первый дворик, хан принимает посетителей. Комната была длиною в 7 и шириною в 2 шага (очевидно, это была веранда). Пол – каменный и посередине сделано че-тырехугольное углубление для огня и прямо от этого наверху небольшое отверстие для выхода дыма. Рядом с этой комнатой два маленьких русских умывальника. Далее Шел следующий дворик ичкари, т.е. женская половина. Посреди небольшого дворика глубиной в аршин разбит че-тырехугольный цветник, недалеко от него – пруд. Прямо от вхо-

¹ Федченко А. П. В Кокандском ханстве. С. 40–41.

² Ибрагимов И. И. Пять дней в Коканде. Туркестанские ведомости, 1871. № 45. См. также: Туркестанский сборник. Т. II. Составитель Дмитровский. С. 33.

да – дверь в комнату с двумя зелеными окнами, другая дверь направо была на замке, окна внутри закрыты ставнями. Ещё правее других располагалась комната, то же с двумя русскими окнами и одна сакля с маленькой передней. В одном окне этой комнаты посередине стены видно небольшое крупное зеркало.

Через следующую дверь – выход к деревянной закрытой галерее, как люди называли следующий направо умывальник. Вверху небольшие четырехугольные окна, ниже резные тоже деревянные окна, поднимаемые вверх для их открытия. Окна выходили в сад. От калитки направо была еще одна сакля без стёкл и рам, с сорванными окнами и ставнями (очевидно заброшенный домик). Налево от калитки, через маленький дворик шла дверь в сад.

Далее И. И. Ибрагимов пишет, что он спустился «по лестнице и пошел кругом дома. Начиная от лестницы кругом до другого угла все было деревянным, резные галереи с окнами. Только против умывальни не было, открыл резные окна, было залатано глиной, и внизу торчал длинный желоб. Я мерил высоту каменного цоколя (фундамента) опорной: было выше моих плеч. В глубине сада виделось деревянное помещение на каменном цоколе с минаретом наверху. Это помещение бадаулета (хана), в нем он в жаркое время дня сидит сам».

Это было квадратное деревянное помещение, построенное на фундаменте. С четырех сторон резные двери. Посередине раскрашенный небольшой арк, наверху которого была каланча с разноцветными окнами. Стены были сделаны из досок и состояли из поднимаемых окон. По четыре столба на каждой стороне составляли украшением комнаты. Вокруг дома были посажены молодые тенистые деревья.

Они были вывезены из гор по приказанию хана. Дальше за этим домом было поле, засеянное американским хлопком. Однако, по словам садовника, он погиб от холода. За домом, чуть дальше, был на большой площади виноградник.

Садовник показал И. И. Ибрагимову еще один молодой сад, который был посажен около трех лет назад. Хан посадил

здесь разные фруктовые деревья. Занимаемая площадь всего сада Афган-баг составляла 400 танапов.

Был еще один дворик, где видны куры, голуби, в арыке плавали утки. Во дворе виднелся дом, где были женщины. И. И. Ибрагимов, пройдя мимо этого дома, вышел к мельнице. Через мостик люди ходили с докладом к хану, который сидел в домике в саду.

И. И. Ибрагимов спросил у садовника, почему назвали сад Афган-багом. Он ему ответил, что сад этот расположен за городом, ближе к афганской махалле.¹

В рукописи «Ансаб ас-салатин ва таварих-и ал-хавакин» отмечается, что Худаяр-хан приказал Каримкул-мехтару возглавить строительство нового «Закават сарая», который был построен в 1856-1857 гг. и назван «Сарай-и раста-и базар».²

В этой же рукописи даются сведения и о том, что Мулла Иса-Авлия приказал построить на базаре сарай и лавки. По его приказу также были построены новые лавки на базарах ханства.³

И. И. Ибрагимов видел **кокандскую баню**, построенную на средства Худаяр-хана. Денежный доход с бани поступал в вакуф мечети.⁴

Таким образом, сохранившиеся архитектурные памятники Коканда убедительно показывают, что в городе создалась своя кокандская школа со своими специфическими особенностями, основанная на вековых народных традициях. История не сохранила многие имена талантливых кокандских мастеров-умельцев. Построенные ими сооружения были сожжены и разрушены во время междоусобных войн, часть из них пострадала от землетрясений и т.д. Так, например, в 1815 г. в Коканде произошло сильное землетрясение, аналогичного ему никто не помнил. Очень много людей погибли под стена-

¹ С.Петербургское отделение ИВ АН России. ф. 33, оп. 1, ед. хр. 324, л. 239–240.

² Институт востоковедения АН РУз, рукопись, инв. № 3753, л. 112 а.

³ Институт востоковедения АН РУз, рукопись, инв. № 3753, л. 152.

⁴ Ибрагимов И.И. Пять дней... л. 216.

ми домов. В ряде мест появились на земле трещины. Несколько людей упали в эти трещины и погибли. Из-под земли выходил дым и вода была фонтаном. В течение шести месяцев периодически происходили землетрясения.¹

Таких примеров можно привести много. Специальных исследований о мастерах Коканда XVIII–XIX вв. почти не проводилось, за исключением некоторых исследований Писарчика. Приведем для примера его небольшой отчет по теме: «Народные мастера г. Коканда в 20–30-х годах», где имеются ценные сведения и о ханском периоде Коканда.

Мечеть Чакарлик – построена в 1283 г. (1866 г.). Стены мечети сделаны из двойного каркаса.

Около этой мечети Чакарлик живет глухой мастер – гилькор Уста Меливай. Видеть его не удалось, так как он уехал в кишлак.

Уста Якубджан – один из наиболее старых оставшихся в живых мастеров-плотников.

Уста Шакирджан – шувакчи-штукатур. Он происходил из рода строителей сооружений из жженого кирпича.

Уста Хал-Мирза – 60 лет (родился около 1878 г.) – мастер по изготовлению дверей, рам и пр. Махалля – Янги-Абад, старое название Хал-Мирза.

Мечеть Чакарлик. Айван мечети значительно старше ханаки. Он построен 50–60 лет тому назад (т.е. между 1878 – 1888 гг.) Хаджамберди Аталыком. Ханака перестраивалось около 25–30 лет тому назад (т.е. 1908–1913 гг.) Мирзаджан меъмором. Ханака имеет цоколь намного выше айвана. Айван почти ровень с двором.

Мечеть I Чинарлик. Старое название махалли Мулла Худайар. Построена, по словам местных жителей, 90 лет тому назад (т.е. около 1848 г.):

Осмотр этой мечети проведен с Уста-Умарджаном. Колонна имеет три части: капитель – калля, тело – тана и базу – пайустун. На стенах мечети резьба по ганчу. По словам Умар-

¹«Мунтахаб ат-таварих». Институт востоковедения АН РУз, рукопись, инв. № 954, л. 314 а.

джана, является работой известного мастера Мулла-Азамат Домуллы, которого он считает бухарцем (в Маргилане его считают маргиланцем и даже указывают, что он из махалли Мамат).

В резьбе большое разнообразие узоров. Занджира почти у каждого панно другой узор.

28/VII–1938 г. – беседа с мастером-строителем (гишкором) Уста Закирджаном – Абдуль-Хакимовым

Цеховое устройство. К цеху строителей (меъмаров), имевших одного старшину (меъмар-баши), относились меъмары, точнее ишкоры – строители крупных зданий из жженого кирпича и гилькоры (в Коканде их называют еще буркор). К последним относились как резчики по ганчу так и простые штукатуры шувакчи.

Кокандские меъмар-баши. Последний меъмар-баши в Коканде был Уста-Артык. Он умер лет 25 тому назад (т.е. в 1913 г.), в возрасте 70 лет (следовательно, родился в 1843 г.) и после него нового меъмар-баши уже не выбирали.

Перед ним меъмар-баши был Уста-Мад-Пазиль, умерший около 30 лет тому назад (в 1908 г.) в возрасте 79 лет (следовательно, родился в 1829 г.). Перед ним меъмар-баши был Уста-Пазиль-Хаджа, умерший 32 года тому назад (т.е. в 1906 г.) в возрасте 75 лет (следовательно, родился в 1831 г.). Перед ним был меъмар-баши отец Шакирджана Уста-Абдул-Хаким, умерший около 38 лет тому назад (т.е. в 1900 г.). Он был старшиной цеха строителей в течение 25 лет (следовательно, в 1876–1900 гг.) До него меъмар-баши был мастер Мама-Юсуп. Большая часть мастеров – меъмаров (ганчкоров) знали работы и с кирпичом, и с ганчем.

Выборы меъмар-баши. После смерти старого меъмар-баши все мастера данного цеха собирались вместе, в каком-нибудь саду и производили выборы. Собственно говоря, кандидатура нового аксакала обсуждалась заранее наиболее авторитетными мастерами и потом, когда собирался «анджуман» – цеховое собрание мастеров, все уже были подготовлены и оставалось только оформить произведенные выборы.

Мастера. В старину в Коканде своих опытных мастеров было мало и большинство их приезжали из Бухары. Дед Шакирджана Уста Атаулла приехал в Коканд из Бухары по приглашению кокандского хана, женился здесь и решил осесть. Вместе со своими братьями он построил старую урду хана Алимкула (Алимкул (Аликул) не был ханом, он был мингбашием, амир ул-умара и амир-лашкарком, который погиб в 1865 г. при обороне Ташкента. Если речь идёт об Алим-хане, то он ханствовал в 1800–1810-е годы). Эта урда называлась Джанаро и, хотя её уже давно не существует, махалля всё ещё носит это название (по улице Янгиабад). Кроме того, он строил и кокандский каменный мост (ғишткўприк).

Вскоре после окончания постройки Урды Алим-хан устроил туй по случаю обрезания своих сыновей и пригласил на него бухарского эмира.

Во время пребывания в гостях у Алим-хана эмир обратил внимание на то, что Урда Алим-хана похожа на его собственную. Спросив об этом, он узнал, что делал её бухарский мастер. Атаулла призвали к эмиру и он получил приказ в трёхдневный срок ликвидировать все свои дела и вернуться в Бухару. Спешно было распродано имущество и Атаулла уехал. Но через 2 года он тайком от эмира опять приехал в Коканд, чтобы больше отсюда не уезжать.

Уста Атаулла переехал в город Коканд не один, а вместе со своими тремя братьями, тоже мастерами – строителями. Внук одного из них – лучший кокандский мастер Уста Умарджан. Внуки остальных братьев работали в Ташкенте и Самарканде.

Дед и отец Шакирджана, прибывшие в середине XIX в., ездили в Андижан, где построили «Медресе Автобачи». В это время в Андижане жил гишпаз шахриханец Уста Исахан. Он работал вместе с дедом и отцом Шакирджана, научился от них мастерству и стал первым мастером в городе Андижане, как по работам с кирпичом, так и с ганчем.

Потом он сам построил (около 44 лет тому назад, т.е. в 1894 г.) андижанскую Джами, называемую Джами Мах-мудали байвачча, а также бани в Андижане и Шахрихане.

Уста Абдуль Хаким (отец Шакирджана) был специалистом-гишкором. Он строил главным образом медресе, бани и прочее, а резьбу по ганчу не знал. Он принимал участие в постройке кокандских медресе Султан-Мурад-бек, Хоким-ойим и др. В Андижане – медресе Афтабачи и ряда бань. В Коканде он построил 2 бани: Джамини хаммами – 48 лет тому назад (т.е. в 1890 г.).

Кроме Коканда, он строил бани в Ташкенте (баня Бадалбая Дума на Беда-базаре) около 50 лет тому назад (т.е. в 1888 г.), в Андижане (баня Мир-Умарбая) около 44 лет тому назад (т.е. в 1894 г.), в Ходженте (баня Кабуль-бая) около 42 лет тому назад (т.е. в 1896 г.), в Ура-Тепе (баня Мир Алимбая) около 40 лет тому назад (т.е. в 1898 г.).

Уста Шакирджан считает себя специалистом по баням. Резьбу по ганчу он, как и его отец, не знает. В молодости он занимался ремонтом бань. Самостоятельно построил три бани уже при советской власти. Первую в 1932 г. в Узгене. Это была девятикупольная баня, т.е. баня большого размера. Вторую баню в 1936 г. – в селе Яйпан для исполкома, а третью в 1937 г. в Алты-Арыке. За последнюю баню Уста-Шакирджан кроме полагавшихся ему платежей, получил в виде премии корову.

29/VII-1938 г. Беседа с плотником Уста-Якубджаном и гишкором Уста Шакирджаном.

Кокандские наджар-баши – старшины плотников и резчиков по дереву. Последним наджар-баши в Коканде был Уста-Абду-Кадыр Хаджи. Он был аксакалом всего около года и умер в 1916–1917 гг.

Перед ним был Уста Атаджан, который был аксакалом в течение 10 лет, после чего от дальнейшего несения обязанностей наджар-баши отказался. Он умер вскоре после «октябрьской революции». Еще раньше был Уста Супи Юлдаш, умерший 30 лет тому назад (т.е. в 1908 г.).

Перед ним Ахун-Хаджа – 2–3 года, Уста-Мад-Азим – 3–4 года, Уста-Касым, Уста Хайдар Али. Когда Якубджану было 10–12 лет, был Уста Ислам.

Наджар-баши строителей – назывался «имарат наджар-баши», а рамсазов – «базар наджар-баши» (большинство рамсазов работало в лавках на базаре), так как в цехе плотников были две группы мастеров.

Первая состояла из крупных мастеров строителей. Вторая – из мастеров, выполняющих мелкие работы, изготовлявших двери, рамы, сундуки, джаван и т.д. Они в старину назывались панджарасазами, а позднее – рамсазами.

Последнее время у дукандаров, т.е. у работающих в лавках на базаре, был наджар-баши Мама Юсуф Хаджа.

Супи Юлдаш тоже был наджар-баши рамсазов. Его сын Тешабай жив до настоящего времени (речь идет о 1938 г.) и возможно, умеет делать решетки (видеть его не удалось).

Уста Якубджан не был потомственным мастером. Его отец был кассабом (мясником) и умер, когда Якубджан был еще совсем маленьким. С 12 лет Якубджан жил 4 года у плотника Уста Пайзулла, но ремеслу не обучался, а бегал по поручениям и выполнял мелкие хозяйственные работы.

Вскоре Уста Пайзулла завел себе лавку для торговли лесом и от строительных работ совсем отошел. Якубджана он отдал в обучение к плотнику Уста Акраму. У Уста Акрама Якубджан проработал в качестве ученика 14 лет. Это был очень большой срок. Обычно ученичество длилось от 4 до 6 лет. Ученик первое время не получал от мастера денег, а только пищу, одежду и джума пули – пятничные деньги, т.е. деньги праздничные для развлечений (обычно 1 тангу). Намного подучившись, он получал от мастера 1/5 долю заработной платы. Когда ученик работал уже довольно прилично, то мастер давал ему 1/3 долю получаемой им за работу ученика.

Вскоре после этого ученик обычно стремился отделиться от мастера и стать самостоятельным мастером. .

Мастера плотники. Уста Акрам принимал участие в постройке катта мачит на базаре, около 30 лет тому назад (т.е. в 1908 г.). Кроме того, он строил мечеть в кишлаке Хазрат-ша.

Уста Якубджан – строил мечеть в кишлаке Бурволлик (Алты-Арык) 29 лет тому назад (т.е. в 1909 г.). Кроме того, и в

кишлаке Какирчи (Шахри-хан) около 25 лет тому назад (т.е. в 1913 г.).

После 1917 г. он строил 3 красные чайханы: 1 – в колхозе им. Максима Горького в 1937 г. (Шувакчи был Кабуль Ахун, а наккаш Уста Миливай Мамедов); 2 – в колхозе Багдар в 1936 г. (Шувакчи Уста Джуравай, наккаш Уста Миливай); 3 – в колхозе им. Ленина в 1936 г. (Шувакчи Уста Джуравай, роспись – какого-то русского мастера).

30/VII - 1938 г. Беседа с Уста Умарджаном. Мастера: дед Умарджана Уста Касымджан был старшим из четырех братьев-мастеров, переехавших из Бухары в Коканд.

В Коканде Касымджан женился – имел от кокандской жены сына Масыдика и 2 дочерей. Масыдик умер 20 лет тому назад в возрасте 84 лет (следовательно, родился в 1834 – умер в 1918).

Таким образом, дату приезда в Коканд Касымджана можно определить, как начало XIX в.

Если верно, что он строил «Медресе Эмир» (Нарбутабека), на котором Узкомстарисом поставлена дата 1794 г., а на его участии в постройке этого медресе настаивают оба мастера. (Шакирджан и Умарджан), то приезд его из Бухары отодвигается на конец XVIII в. Кроме этого медресе, Уста Касимджан, по словам Уста Умарджана принимал участие в постройке гиш-куприка (каменный моста) в Коканде, медресе в Канибадаме, «Медресе Хоким-ойим» в Коканде и «Медресе-и Хан», «Медресе Хак-Кули Минг-баши» (напротив разобраного «Медресе-и Хан») и др.

Очевидно, он был очень опытным и авторитетным мастером, так как был выбран меъмар-баши и состоял им в течение 18 лет. После него меъмар-баши был уже упомянутый Мама Юсуп. Уста Касимджан ганчевых работ не знал. Его сын Мамасыдик и внук Умарджан были и гишкорами, и гилькорами. После Уста Касимджана приехали и три других его брата. Имя одного не установлено, два остальных – уже упоминавшийся выше Уста Атаулла (отец Абдульхакима и дед Шакирджана) и Уста Абдулла, у которого был сын Мир Пайзулла.

Братья работали вместе на упомянутых выше постройках. В строительстве некоторых из этих зданий с бухарскими мастерами сотрудничал мастер Мулла Азамат, которого Умарджан считает тоже выходцем из Бухары. Он строил восточный фасад Медресе-и Хан». Остатки Юго-Восточной башни этого фасада медресе разобрано в 1935–1936 гг.

Уста Мулла Азамат. Домулла был очень талантливый и одаренный человек. Молва приписывает ему совершенное знание 32 ремесел. Он был гишкором, гилькором, дурадгаром, делал музыкальные инструменты и пр.

Работой самого Умарджана была постройка облицованного изразцами портала над входом в «Медресе Камаль-Казы» около нового моста.

Первоначальная постройка, как указывает надпись на портале, была сделана в 1247 г. (1831 г.) перестройка же производилась на средства Аминджана, по имени которого медресе иногда называется медресе Аминджана. Главным мастером был Умарджан. Его сотрудник – риштанец кошинсаз (мастер изразцов) Уста Сабирджан Мухаммад Сыдик Кары.

Он, по его словам, единственный, оставшийся в живых в Коканде, т.е. мастер, умеющий вычерчивать арабески и делать чертежи сталактитов.

У Уста-Умарджана имеется архив. Этот архив состоит из трех свитков (дафтар). Один из этих свитков, наиболее старый, с чертежами изразцовых декораций, по-видимому, следует отнести к XVIII в. Он был вывезен дедом Умарджана – Уста Касимджаном из Бухары. Очень похож на свиток, приобретенный экспедицией 1936 г. музея Искусств в Бухаре. Этот свиток довольно потрепан, содержит 12 чертежей. Два других свитка, больших по размеру и более поздних по происхождению, содержат чертежи арабесок и сталактитов.

Около некоторых последних чертежей имеются пояснения на персидском языке, а также названия на тех или иных частях чертежа.

Кроме свитков, в архиве имеется еще более сотни ахташаблонов разного размера. Все они бухарского типа. Большее число их относится ко 2-й половине XIX в. Немногие сделаны позже самим Уста-Умарджаном.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Из вышеописанного сделаем краткие выводы. Город Коканд является одним из древних городов Узбекистана, возраст которого превышает 2 тысячи лет. Топоним «Коканд» происходит от слова «Хўқанд», обозначающий «Прелестный город». Не исключается также и как город народности “хў”, т.е. Хў+қанд. В древнекитайских рукописях встречается как «Давань» (II век до н.э., по версии И.Бичурина) и в начале новой эры как «Гуйшань». В арабских рукописях встречается в IX–X вв., как «Хўқанд», «Хўвақанд».

Город несколько раз разрушался иноземными захватчиками, но через некоторое время опять восстанавливался из руин.

Нынешний Коканд возрожден в конце XVII – начале XVIII вв. Об этом свидетельствует Флорио Беневени, который в 1725 г. писал, что Коканд был одним из крупных городов.

Коканд был столицей Кокандского ханства и поэтому являлся политическим и стратегическим городом. Основные политические события происходили в Коканде.

Кокандские ханы через Алтун Бешик довели свою генеалогию до Захириддина Бабура.

После отделения Ферганы от Бухары первым правителем нового государства стал в 1709 г. Шахрух, но официально ханом не назывался. Только в 1805 г. правитель Коканда Алим провозгласил себя ханом, а его государство стало официально называться Кокандским ханством. Большинство кокандских историков XIX в. восхваляют периоды правления Нарбута-бека (1770–1800 гг.) и Умар-хана (1810–1822 гг.), а особенно ненавистным периодом правления Мухаммад Али-хана (1822–1841 гг.), Худаяр-хана (1845–1875 гг., с перерывами).

Население Коканда играло большую роль в политической стабильности ханства. Жители столицы быстро откликались на все события, проявляли героизм и отвагу в борьбе против внешних врагов, но и проявляли свое недовольство при сильном угнетении и эксплуатации. Иногда эти недовольства перерастали в открытое восстание. Даже история знает уникаль-

ный случай, когда население Коканда в 1841 г. открыто восстало против аморальных поступков самого хана и его приближённых. В том же году Мухаммад Али-хан передал на один день свои полномочия хана знаменитому кокандскому чеканщику по меди Каландару.

Особенно политическая сознательность кокандцев проявилась в восстании Пулатхана (1873–1876 гг.). Кокандцы приняли активное участие в народно-освободительном движении против колонизаторов. Они проявляли отвагу и героизм в борьбе против поработителей и захватчиков. Все это вошло в золотой фонд истории Коканда.

В экономической жизни населения Коканда большое место занимало ремесленно-кустарное производство, которое было очень разнообразным и богатым по содержанию. Хотя оно было типичным для всех городов Кокандского ханства, но город Коканд имел свои отличительные специфические черты. Например, как свидетельствуют очевидцы, металлические изделия и мануфактурное производство, а также хлопчатобумажное намного превосходили других городов. В Коканде были опытные мастера, товары которых отличались высоким качеством и славились не только в Кокандском ханстве, но и далеко за его пределами.

Торговля в Коканде занимала важное место в жизни города и подразделялась на внутреннюю и внешнюю. Коканд был самым центральным торговым городом не только ханства, но и в Средней Азии вообще. Кокандский базар был самым лучшим. Отличительной чертой внутренней торговли было то, что в Коканде все товары были намного дешевле, чем в любом другом городе ханства. В торговле существовала честность и справедливость. На базарах строго следили за торговцами, чтобы они не обманывали и не обвещивали покупателей. При обнаружении таких случаев виновные публично наказывались.

Мастер за недельный заработок мог купить одного жирного барана. Разумеется, в период засух и неурожая, а также войн цены поднимались. Но таких периодов бывало редко и

поэтому в основном в Коканде цены были стабильными и дешевыми.

Внешняя торговля в основном проходила между Кокандом и Россией, Индией, Китаем, Афганистаном, Турцией, Ираном, Бухарой и Хивой. В Коканде иногда встречались также японцы и англичане. За границу в основном вывозили шелковые и хлопчатобумажные ткани, хлопок, сушеные фрукты, кожу, драгоценные камни, золото и серебро, а также ювелирные изделия и другие товары ремесленного производства, представляющие произведения искусства. А из-за границы привозили в основном железою посуду, фарфоровые изделия, чай, готовые ткани, одежду, обувь и др.

Товары провозились в основном караванами.

Оживленные торговые отношения Коканда были с Бухарой, Кашгаром и Россией. На границе или в условном пункте торговцы платили пошлину.

Ханское правительство обирало кокандцев, налагало на них различные налоги и повинности, что чрезмерно усиливало принудительное участие населения в различных, довольно интенсивно осуществляемых строительных работах, в хозяйствах самих феодалов и т.д. Особенно большие налоги были обложены в период третьего правления Худаяр-хана, который придумал новые налоги. Это побудило новую волну восстаний, в результате чего Худаяр-хан был вынужден бежать из Коканда в Ташкент, но при этом он увез всю ханскую казну: четыре арбы золота и две арбы серебряных монет.

В период ханства в Коканде по официальным неполным данным существовали более 40 медресе (высшее учебное заведение), 720 школ и 300 мечетей. Школы были отдельно для мальчиков и отдельно для девочек. Были также спецшколы для слепых – карыхана. Грамотность среди населения города Коканда была сравнительно высокая. Качество обучения было также на высоком уровне и кокандские школы и медресе славились в Средней Азии и были популярны.

Город Коканд был не только столицей ханства, но и его литературным центром. Сюда стекались самые различные по таланту, мировоззрению писатели и поэты. Среди них было

много коренных жителей – кокандцев. Они создали своеобразную литературную среду, которая характеризуется тем, что в Коканде были придворно-клерикальные поэты, восхваляющие ханов, феодалов и богачей, а в противовес им были прогрессивные поэты, разоблачавшие ложь, открыто писали о тяжелом положении трудового народа, критиковали кровопролитные междоусобные войны, тиранство правителей, беспощадность и жадность, лесть и подхалимство. Но вместе с этим, в том и в другом направлении были талантливые и способные поэты.

Коканд особенно славился своими поэтами. Кокандцы справедливо могут гордиться тем, что история пока не знает ни одного другого города в мире, где было бы так много талантливых и знаменитых поэтов, как в Коканде.

Исследование показывает, что в XIX в. в Коканде замечается оживление в историографии. Ряд исторических трудов предшествующих эпох переводятся с арабского и персидского (фарси) на узбекский язык и пишутся новые исторические труды о Кокандском ханстве. Отличительной чертой являлось то, что ряд трудов были написаны прозой, часть в стихотворной форме, а некоторые включали в себя частично стихи, что говорит о поэтической одарённости кокандских историков.

Ряд историков, хотя и не являются уроженцами Коканда, однако они долго жили в Коканде и написали книгу об истории Кокандского ханства.

Большую роль в повышении культурного уровня народа сыграли замечательные прогрессивные актеры XIX в. Они своими выступлениями не только эстетически наслаждались зрителей, но и беспощадно клеймили позором пороки феодальной жизни, разоблачали в своих небольших спектаклях и пантомимах действия ишанов, мулл, баев и даже самого хана и его приближенных. Отличительной чертой было еще и то, что многие актеры одновременно были талантливыми музыкантами и певцами. Многие из них славились во всей Средней Азии.

Говоря об искусстве, отметим также, что в Коканде первым фотографом был узбек Бердикул. Его по просьбе Худаяр-

хана в 1872 г. научил фотографировать русский фото-граф Кривцов, который снабдил его фотоаппаратом, фото-бумагами и химикатами.

В Коканде, как и во многих других городах Средней Азии создалась своя своеобразная школа хаттатов-каллиграфов, которые свое ремесло подняли до произведения искусства. Кокандцы на самом деле гордились своими замечательными и талантливыми хаттатами. Многие переписанные рукописи и красиво оформленные, являющиеся шедеврами искусств принадлежат перу кокандских хаттатов.

Коканд также славен своими архитектурными памятниками. В XVIII–XIX вв. были построены Урда Худаяр-хана, медресе Мадали-хана, Джамии, Нарбута-бека, Олий, Камал-казы и много других грандиозных сооружений, которые уступают лишь Самаркандским и некоторым хивинским постройкам. Однако, если взять сам процесс грандиозных строек XIX в., то Коканд стоит на первом месте во всей Средней Азии.

Русские послы, посетившие Коканд с восхищением описали дома богатых жителей, у которых они остановились. По их словам, таких красивых и капитально отстроенных домов они в других городах Средней Азии почти не видели и тем самым они отмечали уникальность сооружений.

Целесообразно отметить, что употребляемое выражение *«ферганский стиль»*, следовала бы заменить выражением **«кокандский стиль»**, потому что все шедевры архитектуры и лучшие произведения искусства выполнялись в основном кокандскими мастерами в Коканде.

Как видно, Коканд был знаменитым городом и кокандцы достойно могут гордиться его славной историей.

Таким образом, история Коканда завершена. Кому-то она понравилась, кому-то – нет. Это тоже объективная действительность. Ибо у каждого человека свои интересы и взгляды на жизнь. Каждый по-своему оценивает события, кому-то нравится одна профессия, а кому-то – другая. Но есть общее: все любят хорошее, красивое, справедливость, мирную и здоровую жизнь; дружбу, взаимопомощь, изобилие, богатство. А самое главное, все любят свою Родину!

Но мы должны помнить и другое. Нас учили, что всё, что было до октябрьских событий 1917 года, было плохо, а то, что было при советской власти все хорошо. Так ли это? Чтобы дать точную оценку, надо положить на чашу весов то и другое и посмотреть, что перетянет. Но для этого надо заново и серьезно исследовать историю города Коканда колониального и советского периода. Это необходимо особенно сейчас, когда Узбекистан стал подлинно независимым и суверенным государством.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
К этимологии топонима «Коканд»	5
Политическая история Коканда	21
Борьба кокандцев за свободу и независимость.	46
Восстание Каландара	46
Кокандское восстание 1841 г.	48
Кокандское восстание 1842 г.	49
Движение кипчаков в 1853 г.	56
Восстание в 1854 г.	62
Восстание Рустам-хана и Мирза-мунавара	64
Восстание 1873-1876 гг.	66
Ремесленно-кустарное производство Коканда ...	93
Торговля Коканда	105
Налоги и повинности в Коканде	119
Народное образование Коканда	139
Литературная среда Коканда	145
Кокандские поэтессы	152
Историки Коканда	160
Искусство Коканда	173
Первый фотограф Коканда	179
Кокандские каллиграфы	180
Архитектурные памятники Коканда	190
Медресе Коканда	209
Мечети Коканда	215
Кокандские усыпальницы	220
Кокандские базары, мосты, дома и другие сооружения	222
Послесловие	235

**ИНСТИТУТ ИСТОРИИ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ
ИМЕНИ МАХПИРАТ**

Хайдарбек Назирбекович БАБАБЕКОВ

ИСТОРИЯ КОКАНДА

Утверждено к печати Ученым советом
Института истории народов Средней Азии имени Махпират

Редактор: А.С. Михерева.
Корректор: Мавлуда ИСАКОВА
Оператор: Нигора Холбаева.
Фотограф: Махмуд Арипов.
Художник: Зайниддин Фахрутдинов.

В книге также использованы фотографии из фонда
Кокандского краеведческого музея.

Изд. № М-322. Сдано в набор 15.06.2006. Подписано в
печать 14.08.2006. Формат 60 x 84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Печ.л. 15,25. Изд. л. 13,0. Тираж 500. Цена договорная. Заказ 95

Издательство «Фан» АН РУз: 100047, Ташкент, ул. акад.
Я. Гулямова, 70.

Институт истории народов Средней Азии имени Махпират.
Тошкент, 700114, Юнусабад 4-2-44. Тел.: 124-21-45.

Отпечатано в типографии «Фан ва технологиялар» при
Кабинете Министров Республики Узбекистан. Ташкент, 700027,
улица Алмазар, 171.

Книга напечатана по оригинальному макету, подготовленному
в компьютерном центре Института истории народов Средней
Азии имени Махпират.